

**ЗБИГНЕВ
БЖЕЗИНСКИЙ**

ВЫБОР

МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

или

ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

THE CHOICE:

GLOBAL DOMINATION

OR GLOBAL LEADERSHIP

ZBIGNIEW

BRZEZINSKI

BASIC

B

BOOKS

A Member of the Perseus Books Group New York

ЗБИГНЕВ

БЖЕЗИНСКИЙ

ВЫБОР

МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

или

ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

МОСКВА «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

2005

УДК 327 ББК 66.4 (0) Б58

*Публикуется по соглашению с Агентством Александра Корженевского
(Россия)*

Бжезинский 36.

Б58   Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. - М.: Междунар. отношения, 2005. - 288 с. — ISBN 5-7133-1196-1

Признанный классик современной политологии, автор «Великой шахматной доски» в своей новой книге развивает мысль о всемирной роли США как единственной сверхдержавы, способной стать гарантом стабильности и безопасности для всего остального мира.

И все же это - другой Бжезинский, сделавший серьезные и далеко идущие выводы после 11 сентября 2001 г.

Предметом его пристального внимания являются *альтернативы* американской гегемонии: господство, основанное на силе, или лидерство, основанное на согласии. И автор решительно выбирает лидерство, парадоксально соединяя гегемонию и демократию как два рычага руководства миром.

Проанализировав возможности всех основных игроков на мировой арене, Бжезинский приходит к выводу, что США остаются сегодня

единственной державой, способной удержать мир от хаоса.

УДК 327 ББК 66.4(0)

© 2004 by Zbigniew Brzezinski © Перевод с англ.: Е.А. Нарочницкая
(часть I), Ю.Н. Кобяков (часть II), 2004

© Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные
ISBN 5-7133-1196-1 отношения», 2005

Оглавление

Предисловие.....	7
Часть I. Американская гегемония и глобальная без- опасность.....	13
1. Дилеммы утраченной национальной безопасности	19
• <i>Конец суверенной безопасности</i>	19
• <i>Национальная мощь и интернациональное про- тивоборство</i>	31
• <i>Определение новой угрозы</i>	41
2. Дилеммы нового глобального беспорядка.....	62
• <i>Сила слабости</i>	65
• <i>Беспокойный мир ислама</i>	70
• <i>Зыбучие пески гегемонии</i>	85
• <i>Стратегия разделенной ответственности</i>	97
3. Дилеммы управления союзами.....	117
• <i>Глобальное ядро</i>	122
• <i>Метастабильность Восточной Азии</i>	144
• <i>Реваниш Евразии?</i>	166
Часть II. Американская гегемония и всеобщее благо	175
4. Дилеммы глобализации.....	184
• <i>Естественная доктрина глобальной гегемонии</i>	186
• <i>Цель контрсимволизма</i>	196
• <i>Мир без границ, но не для людей</i>	211
5. Дилеммы гегемонистской демократии.....	229

• <i>Америка и глобальный культурный соблазн.....</i>	230
• <i>Множественность культур и стратегическая сплоченность.....</i>	241
• <i>Гегемония и демократия.....</i>	251
Заключение и выводы: мировое господство или лидерство.....	268
Благодарности.....	286
Предисловие	

Мой главный тезис относительно роли Америки в мире прост: американское могущество - решающий фактор в обеспечении национального суверенитета страны -является сегодня высшей гарантией глобальной стабильности, между тем американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подвергают эрозии традиционный государственный суверенитет. Мощь Америки и движущие силы ее общественного развития во взаимодействии могли бы способствовать постепенному созданию мирного сообщества, основанного на совместных интересах. При неправильном же использовании и столкновении друг с другом эти начала способны ввергнуть мир в состояние хаоса, а Америку превратить в осажденную крепость.

На заре XXI века американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствуют глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического динамизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке не имеющий аналогов политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится.

Европе, пожалуй, под силу составить конкуренцию США на экономической ниве, но пройдет немало времени, прежде чем она достигнет

той степени единства, которая позволила бы ей вступить в политическое состязание

с американским колоссом. Сошла с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на все его экономические успехи, похоже, предстоит оставаться относительно бедной страной в течение жизни по крайней мере двух поколений, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же - больше не участник забега. Короче говоря, у Америки не имеется и вскоре не появится равного ей противовеса в мире.

Таким образом, нет никакой реальной альтернативы торжеству американской гегемонии и роли мощи США как незаменимого компонента глобальной безопасности. В то же время под воздействием американской демократии - и примера американских достижений - повсюду происходят экономические, культурные и технологические изменения, содействующие формированию глобальных взаимосвязей, как поверх национальных границ, так и сквозь эти границы. Эти изменения могут подрывать ту самую стабильность[^] которую призвана охранять американская мощь, и даже возбуждать враждебность по отношению к Соединенным Штатам.

В итоге Америка сталкивается с необыкновенным парадоксом: она представляет собой первую и единственную подлинно глобальную сверхдержаву, а между тем американцев все больше беспокоят угрозы, исходящие от намного более слабых недругов. Тот факт, что Америка обладает не имеющим аналогов глобальным политическим влиянием, делает ее объектом зависти, негодования, а иногда и жгучей ненависти. К тому же, эти антагонистические настроения могут не только эксплуатироваться, но и разжигаться традиционными соперниками Америки, даже если сами они вполне осмотрительно не идут на риск прямого столкновения с ней. А этот риск достаточно реален для безопасности Америки.

Следует ли отсюда, что Америка правомочна притязать на более надежную безопасность, чем другие национальные государства? Ее

руководители - как управляющие, в чьих руках находится национальное могущество, и как представители демократического общества - должны стремиться к тщательно выверенному балансу между

двумя ролями. Упование исключительно на многостороннее сотрудничество в мире, где угрозы национальной и в конечном счете глобальной безопасности, бесспорно, растут, создавая потенциальную опасность для всего человечества, способно обернуться стратегической летаргией. Напротив, упор главным образом на самостоятельное использование суверенной мощи, особенно в сочетании со своекорыстным определением новых угроз, может вылиться в самоизоляцию, прогрессирующую национальную паранойю и все большую уязвимость на фоне повсеместного распространения вируса антиамериканизма.

Америку, поддавшуюся тревоге и одержимую интересами собственной безопасности, вполне вероятно, ожидала бы изоляция в окружении враждебного мира. А если в поисках безопасности для одной себя ей случилось бы потерять самоконтроль, то земле свободных людей грозило бы превращение в государство-гарнизон, насквозь пропитанное духом осажденной крепости. Между тем окончание «холодной войны» совпало с широчайшим распространением технических знаний и возможностей, позволяющих изготовить оружие массового поражения, не только среди государств, но и среди политических организаций с террористическими устремлениями.

Американское общество храбро держалось в устрашающей ситуации «двух скорпионов в одной банке», когда Соединенные Штаты и Советский Союз сдерживали друг друга посредством потенциально сокрушительных ядерных арсеналов, но ему оказалось труднее сохранять хладнокровие в условиях всепроникающего насилия, повторяющихся актов терроризма и расползания оружия массового уничтожения. Американцы чувствуют, что в этой политически неясной, порой двусмысленной и нередко сбивающей с толку обстановке политической непредсказуемости кроется опасность для

Америки, причем именно потому, что она является главенствующей на планете силой.

В отличие от держав, обладавших гегемонией раньше, Америка действует в мире, где временные и пространственные связи становятся все теснее. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания в XIX веке,

10

Китай на различных этапах своей насчитывающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие, были относительно недостижимы для угроз извне. Мир, в котором они господствовали, делился на отдельные, не общавшиеся друг с другом части. Параметры расстояния и времени открывали простор для маневра и служили залогом безопасности территории государств-гегемонов. В противоположность им Америка, пожалуй, располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе, но зато и степень безопасности ее собственной территории небывало мала. Необходимость жить в состоянии незащищенности, похоже, приобретает хронический характер.

Ключевой вопрос, следовательно, заключается в том, сумеет ли Америка проводить мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику - политику, которая избегала бы заблуждений в духе психологии осадного положения и одновременно соответствовала бы исторически новому статусу страны как верховной державы мира. Поиск формулы мудрого внешнеполитического курса должен начинаться с осознания того, что «глобализация» по своей сути означает глобальную взаимозависимость. Взаимозависимость не гарантирует равного статуса или даже равной безопасности всем странам. Но она предполагает, что ни одна страна не обладает полным иммунитетом от последствий научно-технической революции, которая многократно расширила возможности человека в применении насилия и вместе с тем скрепила узы, все теснее связывающие человечество воедино.

В конечном счете кардинальный политический вопрос, стоящий перед

Америкой, звучит следующим образом: «Гегемония во имя чего?» Будет ли страна стремиться построить новую мировую систему, основанную на совместных интересах, или станет использовать свою суверенную глобальную мощь главным образом для упрочения собственной безопасности?

Нижеследующие страницы посвящены тому, что я считаю главными вопросами, на которые необходимо дать стратегически всеобъемлющий ответ, а именно:

11

- каковы главные опасности, угрожающие Америке?
- есть ли у Америки, учитывая ее господствующий статус, право на большую степень безопасности, чем у остальных стран?
- каким образом Америке следует противостоять потенциально смертоносным угрозам, которые все чаще исходят не от сильных соперников, а от слабых недругов?
- в состоянии ли Америка конструктивно регулировать свои долгосрочные отношения с исламским миром, насчитывающим 1 миллиард 200 миллионов человек, многие из которых все больше видят в Америке заклятого врага?
- может ли Америка решающим образом содействовать урегулированию израильско-палестинского конфликта при наличии сталкивающихся, но законных притязаний двух народов на одну и ту же землю?
- что требуется для достижения политической стабильности в беспокойной зоне новых Мировых Балкан, протянувшейся вдоль южной оконечности центральной Евразии?
- способна ли Америка наладить подлинное партнерство с Европой, учитывая, с одной стороны, медленные темпы политического объединения Европы, а с другой — очевидное возрастание ее экономического могущества?

- возможно ли вовлечь Россию, которая уже не является соперником Америки, в атлантическую структуру под американским руководством?

- какова должна быть роль Америки на Дальнем Востоке, принимая во внимание сохраняющуюся, но неохотную зависимость Японии от Соединенных Штатов и увеличение ее военной мощи, а также усиление Китая?

- насколько вероятно, что глобализация породит логически законченную контрдоктрину или контральянс, направленные против Америки?

12

- становятся ли демографические и миграционные процессы новыми источниками угроз для глобальной стабильности?

- совместима ли американская культура с ответственностью имперского характера?

- как Америка должна реагировать на новое углубление неравенства между людьми, которое может резко ускориться в результате происходящей научно-технической революции и стать еще отчетливее под воздействием глобализации?

- совместима ли американская демократия с ролью, суть которой составляет гегемония, сколь бы тщательно эта гегемония ни маскировалась; каким образом императивы безопасности, неотъемлемые от этой особой роли, скажутся на традиционных гражданских правах американцев?

Итак, настоящая книга представляет собой отчасти прогноз и отчасти - набор рекомендаций. В качестве исходного пункта взято следующее утверждение: недавно начавшаяся революция в передовых технологиях, прежде всего в сфере коммуникаций, благоприятствует постепенному становлению глобального сообщества, опирающегося на все более широко признаваемые единые интересы, - сообщества, в центре которого находится Америка. Но потенциально не исключаемая самоизоляция единственной сверхдержавы способна погрузить мир в пучину нарастающей анархии,

особенно губительной на фоне распространения оружия массового уничтожения. Поскольку Америке - принимая во внимание ее противоречивую роль в мире - предназначено быть катализатором движения либо к глобальному сообществу, либо к глобальному хаосу, на американцах лежит уникальная историческая ответственность за то, каким из двух этих путей пойдет человечество. Нам предстоит сделать выбор между господством над миром и лидерством в нем.

30 июня 2003 г.

ЧАСТЬ I

Американская гегемония и глобальная безопасность

Уникальное положение Америки в мировой иерархии сегодня широко признано. Первоначальное удивление и даже гнев, с которыми была встречена за рубежом открытая констатация главенствующей роли Америки, уступили место более сдержанным - хотя все еще отмеченным печатью обиды — попыткам обуздать, ограничить, направить в иное русло или подвергнуть осмеянию ее гегемонию¹. Даже русские, которые по причинам ностальгического порядка менее всех склонны признавать масштабы американского могущества и влияния, согласились с тем, что в течение некоторое время Соединенные Штаты будут оставаться определяющим игроком в мировых делах². Когда 11 сентября 2001 г. Америка подверглась террористическим ударам, британцы во главе с премьер-министром Тони Блэром приобрели авторитет в глазах Вашингтона, немедленно присоединившись к объявлению американцами войны против международного терроризма. Их примеру последовала значительная часть планеты, включая страны, которые ранее на себе испытали боль террористических атак, удостоившись лишь малой толики сочувствия с американской стороны. Прозвучавшие во всех уголках мира заявления в духе декларации «мы все - американцы» были не просто выражениями искреннего сопереживания, они стали еще и своевременными заверениями в политической лояльности.

13

14

Современному миру может не нравиться американское превосходство: он может относиться к нему с недоверием, негодовать и время от времени даже составлять направленные против него заговоры. Однако прямо оспаривать верховенство Америки в практическом ключе остальному миру не по силам. В течение прошлого десятилетия предпринимались отдельные попытки сопротивления, но все они потерпели неудачу. Китайцы и русские пофлиртовали с идеей стратегического партнерства, ориентированного на формирование «многополярного мира» - понятие, истинный смысл которого легко расшифровывается с помощью слова «антигегемония». Из этого мало что могло выйти, учитывая относительную слабость России по сравнению с Китаем и прагматизм китайских руководителей, прекрасно осознающих, что в настоящий момент Китай больше всего нуждается в иностранных капиталах и технологиях. Ни на то, ни на другое Пекину не приходилось бы рассчитывать, приобрети его отношения с Соединенными Штатами антагонистический оттенок. В завершающем году XX столетия европейцы, и в первую очередь французы, с помпой провозгласили, что Европа вскоре обзаведется «автономными возможностями в области глобальной безопасности». Но, как не замедлила показать война в Афганистане, обещание это было сродни некогда знаменитому советскому заверению в исторической победе коммунизма, «виднеющейся на горизонте», то есть на воображаемой линии, неумолимо отодвигающейся по мере приближения к ней.

История - летопись изменений, напоминание о том, что всему наступает конец. Но она же подсказывает, что некоторым вещам дарован долгий век, а их исчезновение отнюдь не означает возрождения предшествовавших реальностей. Так будет и с сегодняшним мировым преобладанием Америки. Однажды оно тоже начнет клониться к закату, возможно, позднее, чем кое-кому хотелось бы, но раньше, нежели полагают,

ничтоже сумняшеся, многие американцы. Что придет ему на смену? - вот ключевой вопрос. Внезапный конец американской гегемонии, без сомнения, погрузил бы мир в хаос, в обстановке которого международная анархия сопровождалась бы

15

взрывами насилия и разрушениями подлинно грандиозного масштаба. Сходный эффект, только растянутый во времени, имел бы и неуправляемый постепенный упадок господства США. Но поэтапное и контролируемое перераспределение власти могло бы привести к оформлению структуры глобального сообщества, основанного на совместных интересах и располагающего своими наднациональными механизмами, на которые в возрастающем объеме возлагались бы некоторые специальные функции в сфере безопасности, традиционно принадлежащие национальным государствам.

В любом случае эвентуальное окончание американской гегемонии не повлечет за собой восстановления многополярного баланса между знакомыми нам великими державами, которые заправляли мировыми делами в последние два столетия. Не увенчается оно и воцарением на месте Соединенных Штатов другого гегемона, обладающего аналогичным политическим, военным, экономическим, научно-техническим и социокультурным глобальным превосходством. Известные крупные державы прошлого века слишком утомлены или слабы, чтобы справиться с ролью, которую сегодня играют Соединенные Штаты. Примечательно, что начиная с 1880 года в иерархической таблице мировых держав (составленной на основе совокупной оценки их экономического потенциала, военных бюджетов и преимуществ, населения и т.д.), менявшейся с интервалами в двадцать лет, верхние пять строк занимали всего лишь семь государств: Соединенные Штаты, Великобритания, Германия, Франция, Россия, Япония и Китай. Однако только Соединенные Штаты неоспоримо заслуживали включения в ведущую пятерку в каждый 20-летний период, а в 2002 году разрыв между

государством, занявшим самую верхнюю позицию, -

(~~*

соединенными Штатами - и остальными странами оказался намного больше, чем когда-либо прежде³.

Бывшие великие европейские державы - Великобритания, Германия и Франция - слишком слабы, чтобы принять на себя удар в схватке за гегемонию. Маловероятно, что в ближайшие два десятилетия Европейский союз достигнет той степени политического единства, без которой

16

народам Европы никогда не обрести воли к соперничеству с Соединенными Штатами на военно-политической арене. Россия уже не представляет собой имперскую державу, и главным вызовом для нее является задача социально-экономического возрождения, не выполнив которую она будет вынуждена уступить свои дальневосточные территории Китаю. Население Японии стареет, ее экономическое развитие замедлилось; типичная для 1980-х годов точка зрения, сулившая Японии превращение в следующее «сверхгосударство», выглядит сегодня исторической иронией. Китай, даже если ему удастся сохранить высокие темпы экономического роста и не утратить внутривнутриполитическую стабильность (и то и другое сомнительно), станет в лучшем случае региональной державой, потенци которой по-прежнему будут лимитироваться бедностью населения, архаичной инфраструктурой и отсутствием универсально притягательного образа этой страны за рубежом. Все это относится и к Индии, трудности которой, сверх того, усугубляются неясностью долгосрочных перспектив ее национального единства.

Даже коалиции всех этих стран — образование которой крайне маловероятно, учитывая историю их взаимных конфликтов и взаимоисключающих территориальных притязаний - не хватило бы сплоченности, силы и энергии, ни чтобы столкнуть Америку с ее пьедестала, ни чтобы поддерживать глобальную стабильность. Как бы то ни было, если

бы Америку попробовали сбросить с трона, часть ведущих государств подставила бы ей плечо. И в самом деле, при первых же осязаемых признаках заката американского могущества нам, вполне возможно, довелось бы наблюдать спешные попытки упрочить лидерство Америки. Но самое главное, даже общее недовольство американской гегемонией бессильно приглушить столкновения интересов различных государств. В случае же упадка Америки наиболее острые противоречия могли бы разжечь пожар регионального насилия, который в условиях распространения оружия массового поражения чреват самыми страшными последствиями.

17

Все сказанное позволяет сделать двоякий вывод: в предстоящие два десятилетия американское могущество будет являться незаменимой опорой глобальной стабильности, а принципиальный вызов мощи США может возникнуть лишь изнутри: либо если американская демократия сама отвергнет силовую роль, либо если Америка неправильно распорядится своим глобальным влиянием. Американское общество при всей достаточно очевидной узости его интеллектуально-культурных интересов твердо поддерживало продолжительное миромасштабное противостояние угрозе тоталитарного коммунизма, а сегодня полно решимости бороться с международным терроризмом. Пока эта вовлеченность в мировые дела сохраняется, Америка будет играть роль глобального стабилизатора. Но стоит антитеррористической миссии потерять смысл - потому ли, что терроризм исчезнет, потому ли, что американцы устанут либо утратят чувство общей цели, - глобальной роли Америки быстро настанет конец.

Злоупотребление своим могуществом со стороны США также способно подорвать их глобальную роль и поставить под вопрос ее легитимность. Поведение, воспринимаемое в мире как произвол, может стать причиной прогрессирующей изоляции Америки и лишить ее если не потенциала самообороны, то возможности воспользоваться своей властью для вовлечения других стран в общие усилия по формированию более

безопасной международной среды.

Общественность в целом понимает, что новая угроза безопасности, которую столь драматическим образом выявило 11 сентября, нависла над Америкой на долгие годы. Богатство страны и динамизм ее экономики делают относительно приемлемым оборонный бюджет на уровне 3-4% ВВП: это бремя значительно легче того, что довелось нести в годы «холодной войны», не говоря уже о временах Второй мировой войны. Вместе с тем в процессе глобализации, способствующей переплетению американского общества с остальным миром, национальная безопасность Америки оказывается все менее отделимой от вопросов общего благополучия человечества.

18

Согласно логике искусного государственного управления, задача заключается в том, чтобы преобразовать существующий фундаментальный общественный консенсус в сфере безопасности в долгосрочную стратегию, которая встретила бы в мире не всеобщее неодобрение, а всеобщую поддержку. Этого нельзя добиться, ни апеллируя к шовинизму, ни провоцируя панику. Здесь требуется такой подход к новым реальностям глобальной безопасности, в котором воедино слились бы традиционный американский идеализм и трезвый прагматизм. Ведь с обеих точек зрения очевиден один и тот же вывод: укрепление глобальной безопасности является для Америки принципиально важным компонентом ее собственной национальной безопасности.

¹ Когда в 1997 году я опубликовал книгу «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы», бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт в рецензии, под которой стояла его подпись, выразил возмущение в связи с признанием мною исторически нового факта мировой гегемонии Америки. Несколько позже французский министр иностранных дел того времени Юбер Ведрин иронически окрестил гегемонию США «гипермощью».

² В недавно опубликованных российских исследованиях, посвященных мировым тенденциям, недвусмысленно признается, что период американского главенства продлится как минимум еще два десятилетия или около того, причем никакая другая держава не сможет даже приблизиться к подобному статусу. (См. Мир на рубеже тысячелетий. -М., 2001, коллективная монография Института мировой экономики и международных отношений.) Решение президента Путина недвусмысленно занять после событий 11 сентября сторону Америки было явно продиктовано осознанием того, что открытая враждебность к США могла бы только осложнить для России ее собственные дилеммы безопасности.

³ Хотя такое распределение мест в международном иерархическом списке вызывает споры, в 1900 году в нем фигурировали, последовательно, Великобритания, Германия, Франция, Россия и Соединенные Штаты, причем все они располагались относительно близко друг к другу. В 1960 году лидировали Соединенные Штаты и Россия (СССР), а Япония, Китай и Великобритания находились далеко позади. В 2000 году список возглавили Соединенные Штаты, за которыми с большим отрывом следуют Китай, Германия, Япония и Россия.

*Дилеммы утраченной национальной безопасности**

На протяжении большей части истории Америки как суверенной страны ее граждане считали безопасность нормой, а отдельные периоды незащищенности - отклонением от нормы. Отныне же все будет наоборот. В эпоху глобализации отсутствие безопасности превратится в долговременную реальность, а поиск путей укрепления национальной безопасности - в предмет постоянной заботы. Придется решать, какая степень уязвимости допустима; этому вопросу предстоит стать весьма непростой политической проблемой для Соединенных Штатов как современного мирового гегемона, а также культурной дилеммой для американского общества.

Конец суверенной безопасности

Становление Америки произошло в эпоху, когда национальный

суверенитет и национальная безопасность были почти синонимами. Именно ими определялась международная жизнь. В течение нескольких последних столетий международный порядок покоился на фундаменте национально-государственного суверенитета, каждое государство выступало в пределах своей территории верховным и абсолютным арбитром собственных требований к национальной безопасности. Хотя юридически суверенитет считался абсолютным, явное неравенство национальных потенциалов не только делало неизбежными существенные

* Автор использует понятие «insecurity» - в буквальном переводе «небезопасность», «отсутствие безопасности». - *Прим. пер.*

19

20

компромиссы, прежде всего со стороны слабых государств, но и сказывалось в серьезных нарушениях суверенитета отдельных стран по воле более сильных держав. Тем не менее, когда в качестве реакции на опыт Первой мировой войны была учреждена первая всемирная организация межгосударственного сотрудничества - Лига Наций, в угоду абстрактному понятию абсолютного суверенитета все государства-члены получили равное право голоса. Симптоматично, что Соединенные Штаты, относясь особенно трепетно к своему суверенному статусу и уверенные в преимуществах своего географического положения, предпочли остаться за рамками этого объединения.

К моменту создания в 1945 году Организации Объединенных Наций у ведущих государств уже не осталось сомнений в том, что если ООН предназначено играть сколько-нибудь ощутимую роль в сфере безопасности, ее устройство не должно игнорировать реальности мирового соотношения сил. И все-таки принцип равенства суверенных государств не мог быть отвергнут полностью. В итоге остановились на компромиссном варианте, предусмотрев и равные права всех стран-членов при голосовании на Генеральной Ассамблее, и право вето в Совете Безопасности ООН для пяти

лидеров, которыми стали державы-победительницы во Второй мировой войне. Найденная формула скрывала молчаливое признание того обстоятельства, что национальный суверенитет все больше обращается в иллюзию для всех, за исключением горстки сильнейших государств.

Для Америки связь между государственным суверенитетом и национальной безопасностью традиционно являлась еще более органичной, чем для большинства других стран. Ее отразила идея особого предназначения, которую проповедовала американская революционная элита, стремившаяся оградить свое отечество от межгосударственных конфликтов далекой Европы и одновременно представить Америку образцовой носительницей принципиально новой и универсально значимой концепции государственной организации. Эту связь подкрепляло понимание географических реальностей, сделавших

21

Америку заповедной территорией. Располагая двумя безбрежными океанами в качестве уникальных буферов безопасности и гранича с гораздо более слабыми соседями на севере и юге, американцы рассматривали суверенитет своей страны и как естественное право, и как естественное следствие не имеющей аналогов национальной безопасности. Даже когда Америка оказалась вовлечена в две мировые войны, именно американцы пересекали океанские просторы, чтобы сразиться с противником в дальних краях. Не война приходила в Америку - американцы уходили на войну'.

После завершения Второй мировой войны и с наступлением во многом неожиданной «холодной войны» против враждебно настроенного идеологического и стратегического неприятеля большинство американцев поначалу чувствовали себя надежно защищенными монополией США на атомную бомбу. Стратегическое авиационное командование (САК), обладавшее (по крайней мере до середины 1950-х годов) способностью нанести в одностороннем порядке опустошительный удар по Советскому Союзу, взяло на себя функцию защитного покрова страны, которую прежде

выполнял базирующийся на двух океанах военно-морской флот. САК символизировало и увековечивало представление о безопасности как неотъемлемом атрибуте особого положения Америки, хотя почти для всех других национальных государств отсутствие безопасности в XX столетии уже стало нормой. Разумеется, американские войска в Германии и Японии защищали и другие народы, обороняя одновременно Америку, но тем самым они также удерживали опасность на удаленных от Америки географических рубежах.

Только в конце 1950-х годов, а возможно, лишь в ходе Кубинского ракетного кризиса (известного в советской историографии как Карибский кризис 1962 г. -Прим, пер.) Америка ошеломленно обнаружила, что современная техника сделала неуязвимость принадлежностью прошлого. В 1960-е годы в стране поднялась мощная волна беспокойства из-за «отставания по ракетам» (советские лидеры намеренно завышали данные о качественных характеристиках и количестве своих ракет).

22

Это выразилось в усилившемся страхе перед неизбежной нестабильностью ядерного сдерживания, в озабоченности стратегов по поводу возможного разоружающего ядерного удара со стороны СССР и возрастающего риска случайного пуска ядерной ракеты, а позже - и в работах над новыми видами высокотехнологичных оборонительных систем космического базирования, в частности противоракетных комплексов. Интенсивная общенациональная дискуссия по этим вопросам в конце концов завершилась общим признанием: обеспечивающие стратегическую стабильность отношения с Советским Союзом достижимы только на основе взаимной сдержанности. Тем самым был проложен путь к подписанию в 1970-х годах Договора по противоракетной обороне (ПРО) и соглашений об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), а затем, в 1980-х годах, к подготовке договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений(СНВ).

Эти договоры, шТсути, явились признанием того, что безопасность Америки уже не находится исключительно в руках американцев, а частично зависит и от договоренностей со смертельно опасным антагонистом. То, что этот антагонист был в равной мере уязвим и его поведение, судя по всему, определялось аналогичным осознанием собственной уязвимости, вселяло некоторую надежду и психологически облегчало признание общей уязвимости для американской общественности. Конечно, договоренности не устраняли риск взаимного уничтожения, но их очевидная рациональность и привносимая ими предсказуемость несколько успокоили американцев. В итоге предпринятая в начале 1980-х годов попытка администрации Рейгана восстановить неуязвимость Америки с помощью «стратегической оборонной инициативы» (СОИ) - проекта развертывания в космосе оборонительных комплексов, предназначенных для защиты территории Соединенных Штатов от ударов советских баллистических ракет, - не получила поддержки подавляющего большинства населения.

Неожиданная умеренность американской общественности, вне всякого сомнения, была отчасти следствием прогресса разрядки в советско-американских отношениях,

23

благодаря которому страхи перед ядерным столкновением несколько поутихли. Но она также объяснялась 'возникшим в обществе ощущением, что советский блок и сам Советский Союз переживают масштабный внутренний кризис. Угроза, в восприятии американцев, шла на убыль. И в самом деле, после крушения в 1991 году Советского Союза советские ракеты, перестав быть предметом соглашений о сокращении вооружений, попали в сферу внимания американских служб по демонтажу оружия, ибо США начали предоставлять деньги и методики для обеспечения безопасного складирования некогда внушавших ужас советских ядерных боеголовок. Превращение советского ядерного арсенала в объект, обслуживаемый американской системой защиты, свидетельствовало о том, до какой степени

ликвидация советской угрозы стала свершившимся фактом.

Исчезновение советского вызова, совпавшее с впечатляющей демонстрацией возможностей современной американской военной техники в ходе войны в Персидском заливе, естественным образом привело к восстановлению уверенности общества в уникальной мощи Америки. Возглавляемая США и обусловленная техническим прогрессом революция в военном деле (РВД) породила не только новые виды оружия и новые тактические концепции, которые предопределили однозначный исход двух мини-войн 1991 и 2003 годов против вооруженного Советским Союзом Ирака, но и новое ощущение глобального военного превосходства американцев. На краткий миг Америка вновь почувствовала себя почти неуязвимой.

Этот новый настрой совпал с широким осознанием того, что за крахом Советского Союза скрываются более кардинальные сдвиги в глобальном распределении политического могущества. В то время как операции против Ирака в 1991 году и в Косово в 1999 году красноречиво демонстрировали крепнущее первенство Америки в военном применении высоких технологий и ее способность относительно безнаказанно наносить удары по другим странам, американское превосходство все больше воспринималось за рубежом как явление далеко не только военного порядка. Оно было по меньшей мере столь же

24

очевидным в плане «мягких» измерений силы, научных инноваций и их технического внедрения, экономического динамизма и, что хуже поддается оценке, социокультурного экспериментирования. К началу 1990-х годов многие иностранные комментаторы - порой не скрывая крайнего раздражения - признали Америку не только мировым гегемоном, но и уникальной (и нередко нарушающей привычный покой) социальной лабораторией человечества. Стремительное распространение нового типа связи через Интернет явилось лишь одним из многих выражений огромного

глобального влияния Америки как мирового первопроходца в сфере общественного развития.

В процессе этих изменений роль Америки на мировой арене стала «диалектичнее», чем когда-либо: американское государство, полагаясь на свою превосходящую мощь, выступает в качестве бастиона международной стабильности в традиционном смысле этого понятия; американское общество же, оказывая на окружающий мир громадное разноплановое воздействие, облегчаемое глобализацией, преодолевает национально-территориальные барьеры и разрушает традиционный общественный порядок.

Сочетание двух этих обстоятельств, с одной стороны, усиливает известную склонность Америки считать себя моделью для всех остальных народов, поскольку американское превосходство еще больше укрепляет представление американцев о моральном призвании их страны свыше. Стремление Конгресса США уполномочить Государственный департамент выносить оценки поведению других государств весьма симптоматично для нынешней позиции Соединенных Штатов, которые все более пренебрежительно относятся к чужому суверенитету, по-прежнему тщательно оберегая свой.

С другой стороны, под совокупным воздействием американской мощи и глобализации меняется природа национальной безопасности США. Современные технологии стирают эффект географического расстояния, многократно увеличивают разнообразие и радиус действия средств поражения, а также число субъектов, способных на неординарные акты насилия. При этом лавина гневных

25

протестов против глобализации устремляется на Соединенные Штаты, превращая их в первоочередную мишень. Но глобализация ведет к всеобщей уязвимости, даже если главным объектом ненависти оказывается Америка.

Неодолимой силой, уравнивающей общества в смысле уязвимости, является технический прогресс. Революционное сокращение расстояний

благодаря современным коммуникационным технологиям и радикальному увеличению радиуса действия средств намеренного причинения смерти пробило брешь в традиционном защитном зонтике национального государства. Более того, и возможности приобретения вооружений, и дальность их действия придают им постнациональные черты. Даже неправительственные субъекты, такие как подпольные террористические организации, постепенно налаживают каналы доступа к оружию большой разрушительной силы. Совершение в том или ином месте акта подлинно высокотехнологичного терроризма - лишь вопрос времени. Но и это не все: в результате того же «уравнивающего» процесса бедные государства, вроде Северной Кореи, получают инструменты для нанесения противнику ущерба в таком объеме, в каком прежде это было доступно лишь горстке богатых и мощных государств.

В определенный момент эта тенденция способна привести к апокалиптическим последствиям. Впервые в истории становится возможным рассматривать небиблейский вариант «конца света» — не деяния Божьего, но преднамеренно развязываемой, творимой человеком цепной реакции глобального катаклизма. Армагеддон, описанный в последней книге Нового Завета (Откровение, гл. 16), вполне может сойти за картину планетарного ядерно-бактериологического самоубийства². Хотя в предстоящие несколько десятилетий вероятность подобного события, возможно, останется слабой, с развитием науки неуклонно будет расти и способность человека к актам самоуничтожения, которые организованное общество не всегда может оказаться в состоянии предотвратить или ограничить.

Помимо апокалиптического исхода существует и неминуемо будет расширяться список других сценариев

эскалации насилия, которые могут воплотиться в жизнь вследствие обострения международных противоречий или в качестве побочного продукта манихейских страстей. В их перечень, начиная с более традиционных сценариев и заканчивая самыми инновационными

вариантами, входят:

1) полномасштабная, несущая массовые разрушения стратегическая война между Соединенными Штатами и Россией - что на настоящем этапе все еще теоретически возможно, хотя и маловероятно - либо, предположительно через примерно 20 лет, между Соединенными Штатами и Китаем, а также между Китаем и Россией;

2) крупные региональные войны с применением наиболее смертоносного оружия, например между Индией и Пакистаном или между Израилем и Ираном;

3) ведущие к фрагментации обществ этнические военные конфликты, угрожающие прежде всего многоэтническим государствам, подобным Индонезии или Индии;

4) различные формы подавляемого «национально-освободительного» движения против реального или предполагаемого расового угнетения, такие как борьба индейского крестьянства Латинской Америки, российских чеченцев или сражающихся против Израиля палестинцев;

5) неожиданные акты агрессии против соседних государств либо, анонимно, против Соединенных Штатов со стороны стран, слабых во всех иных отношениях, но сумевших изготовить оружие массового уничтожения и найти способы его доставки;

6) приобретающие все более разрушительный эффект террористические операции подпольных групп против целей, возбуждающих у них особую ненависть; повторение того, что произошло 11 сентября в Соединенных Штатах, а в конечном итоге - теракты с использованием оружия массового уничтожения;

27

7) кибернетические атаки, анонимно предпринимаемые государствами, террористическими организациями или даже анархистами-одиночками против операционной инфраструктуры высокоразвитых обществ в расчете погрузить их в состояние хаоса.

Общеизвестно, что инструментарий насилия становится все разнообразнее и доступнее. Он охватывает широкую палитру средств - от сверхсложных систем оружия, в частности различных типов ядерных вооружений, разрабатываемых для выполнения специфических военных задач и доступных лишь нескольким государствам, до менее эффективных, но столь же смертоносных ядерных зарядов, предназначенных для массового уничтожения городского населения; от ядерных боеприпасов до химического (менее смертоносного) оружия и бактериологических веществ (прицельное применение которых затруднено, но поражающий эффект которых обладает высокой динамикой самораспространения). Чем беднее государство или чем изолированнее группа, готовящаяся использовать оружие подобных видов, тем вероятнее, что они прибегнут к хуже всего поддающимся контролю и наименее избирательно действующим средствам массового уничтожения.

Таким образом, дилеммы глобальной безопасности первых десятилетий XXI столетия качественно отличаются от дилемм века XX. Традиционная связь между национальным суверенитетом и национальной безопасностью разорвана. Впрочем, традиционные стратегические соображения, конечно же, остаются основополагающими для безопасности Америки, поскольку в ситуации крушения международной структуры потенциально враждебные США крупные государства - такие, как Россия и Китай, - по-прежнему могли бы нанести колоссальный урон американской территории. Более того, коль скоро ведущие государства не прекратят совершенствовать имеющиеся вооружения и разрабатывать новые их виды, поддержание технологического превосходства над ними будет и впредь оставаться важным императивом национальной безопасности США³.

Тем не менее крупномасштабные войны между высокоразвитыми государствами уже стали редкостью. Две мировые войны, вспыхнувшие в самой передовой тогда части мира - Европе, - являлись «тотальными» в том смысле, что они велись с применением самых совершенных для своего

времени средств, сеявших смерть в равной мере как среди участников боевых действий, так и среди мирного населения. Но, даже добиваясь полного разгрома противника, каждая из сторон рассчитывала уцелеть в противоборстве. Тотальные в своих целях, те войны все же не были самоубийственными.

После Хиросимы и Нагасаки, где слово «тотальный» обрело совершенно новый смысл, и с распространением атомного оружия, в круг обладателей которого вошли не только главные антагонисты «холодной войны», но и другие государства, понятие победы в тотальной войне превратилось в оксюморон — словосочетание, объединяющее взаимоисключающие идеи. Признанием и институционализацией этого факта стал переход Соединенных Штатов и Советского Союза к стратегии взаимного сдерживания путем устрашения. Именно тем странам, которым создание самого разрушительного оружия больше всего по карману, его использование угрожает максимальными потерями, поэтому если еще можно представить себе тотальную войну между Индией и Пакистаном, то между Францией и Германией она уже немыслима. Не будет чрезмерным преувеличением сказать, что тотальные войны оказываются бессмысленными актами, которые могут позволить себе только бедные государства.

Войны между высокоразвитыми государствами (впрочем, маловероятные), как и военные операции развитых государств против более отсталых (вероятность которых выше), станут отныне вестись посредством все более высокоточных вооружений, а их задача будет состоять не в полном уничтожении общества противника (что могло бы спровоцировать опустошающий контрудар), а в его разоружении и последующем подчинении. Военные кампании США против «Талибана» в конце 2001 года и против Ирака в 2003 году представляют собой прототип военных столкновений будущего, в которых станут применяться

отдельные особо важные военные и экономические объекты.

Вялотекущее противоборство вперемешку с судорожными схватками становится гораздо вероятнее организованных, продолжительных, формальных войн. Война как формально объявленное положение вещей - дело прошлого. Последнее торжественное уведомление о предстоящем вступлении в состояние войны было сделано в адрес нацистского правительства послами Британии и Франции 3 сентября 1939 г. в Берлине вслед за нападением нацистов (без объявления войны) на Польшу. После Второй мировой войны Соединенные Штаты участвовали в двух крупных войнах, в которых погибло 100 000 американцев, и примерно в полдюжине относительно серьезных военных операций, сопровождавшихся ограниченными потерями для американской стороны, а также в одностороннем порядке подвергли авиационным ударам как минимум три столицы иностранных государств, ни разу не объявляя формального состояния войны. Не сопровождалось объявлением войны и три кровопролитных конфликта между Индией и Пакистаном. В 1967 году Израиль нанес упреждающий удар по соседним арабским странам, а в 1973 году был сам атакован ими также без какого-либо официального предупреждения. Ирак и Иран в 80-е годы вели затяжную кровопролитную войну друг с другом, не признавая того официально.

В противоположность эпохе традиционной международной политики, когда войны и объявлялись, и завершались формальным образом, сегодня они воспринимаются как отклонение от нормального поведения, сравнимое чуть ли не с уголовными преступлениями. Сам по себе этот факт - мерило прогресса. Тем не менее в эру глобализации «война» лишь уступает место неформальному, не знающему территориальных границ и часто анонимному противоборству. Насилие такого рода может порождаться ситуацией геополитической нестабильности, подобной той, что сложилась в результате крушения советского Союза. В других обстоятельствах раздоры становятся следствием этнического и религиозного

антагонизма, выливаясь в неистовую оргию массового умерщвления людей, - так случилось в Руанде, Боснии и на Борнео. Чем бы ни обуславливалось насильственное противоборство, его широкое распространение в наши дни очевидно⁴. А ответные реакции на него иногда предполагают «полицейские» акции, вроде операции 1999 года в Косово.

Со временем демографическое давление со стороны перенаселенных и бедных регионов на богатые части мира может придать более насильственный характер и нелегальной иммиграции. Помимо этого акты организованного насилия могут быть порождением фанатизма, насаждаемого некоторыми неправительственными силами и нацеливаемого на первоочередные объекты их ненависти, - примером являются террористические организации, избравшие своей мишенью Америку. Многие из вышеупомянутых факторов насилия могли бы получить дополнительный импульс, если бы на почве неприятия глобального неравенства сложилась некая новая интегральная идеология, которая, по всей видимости, была бы направлена против страны, воспринимаемой в качестве оплота существующего статус-кво, — Соединенных Штатов (подробнее об этом см. Часть II).

Короче говоря, дилеммы безопасности Америки в XXI веке начинают походить на беспорядочные и многообразные вспышки преступности, против которой вот уже долгие годы ведут борьбу крупные мегаполисы, где существует свой особый подпольный мир, где постоянно тлеющее и всюду проникающее насилие есть норма жизни. Между тем риск, связанный с подобным положением, многократно увеличился с появлением смертоносных технологий, при использовании которых маховик насилия может внезапно выйти из-под контроля и спровоцировать их массированную эскалацию. Невозможность во всех случаях быстро и точно установить источник угрозы еще больше подрывает способность Америки к эффективному ответу. В сущности, ее национальная безопасность, которая в XIX

столетии зиждется на изолированном положении страны, а во второй половине XX - на стратегии оборонительных альянсов с заокеанскими партнерами,

31

оборачивается сегодня уязвимостью, присущей современному миру в целом.

В таких обстоятельствах и особенно в свете событий 11 сентября вполне понятно все более откровенное желание американцев добиваться укрепления национальной безопасности. Их стремление найти защиту от реально существующих, прогнозируемых, мыслимых и даже воображаемых угроз оправдывается не только тем, что с момента окончания «холодной войны» на Соединенные Штаты возложена уникальная роль в сфере глобальной безопасности, но и тем, что образ Америки как социокультурного центра мира притягивает к ней взоры всего человечества. А следовательно, у Америки есть причины претендовать на большую безопасность, чем у преобладающего числа других государств.

Но даже если мы согласимся с этим утверждением, насколько тогда осуществима концепция узко понимаемой национальной безопасности в эпоху, когда на смену межгосударственным войнам приходит стихия множественных раздоров? И где та точка, в которой даже обоснованная озабоченность внутренней безопасностью пересекает невидимую грань, отделяющую осмотрительность от паранойи? В какой мере безопасность Америки зависит от многостороннего сотрудничества и в какой мере ее возможно - или должно - гарантировать в одностороннем порядке? Эти простые вопросы создают исключительно сложные проблемы выбора в области национальной безопасности, решение которых будет иметь далеко идущие последствия и для внутреннего конституционного устройства страны. А динамичный, стремительно меняющийся характер как современной технологии, так и международной среды в конечном счете неизбежно делает любые ответы на подобные вопросы временными и

условными.

Национальная мощь и интернациональное противоборство

Понятие абсолютной национальной безопасности сегодня не более чем миф. В век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Фактически вопрос

32

заключается в том, какая именно степень незащищенности не помешает существованию Америки и удовлетворению ее интересов во все более тесно взаимодействующем и взаимозависимом мире. Отсутствие безопасности, к сожалению, является уделом многих стран на протяжении столетий. Отныне нет ее и у Америки: даже если утрата безопасности вызывает ропот общественности, политикам придется научиться справляться с этой проблемой.

Размышляя о влиянии нового положения на проблемы безопасности, важно не упустить из виду то, о чем уже говорилось выше. Америка представляет собой общество, преобразующее мир, более того - источник революционных импульсов, подтачивающих построенный на началах суверенитета международный порядок. В то же время она является традиционной державой, которая сама, односторонними методами защищает свою безопасность, поддерживая — не только в собственных интересах, но и в интересах всего мирового сообщества - международную стабильность. Вторая задача заставляет творцов американской политики концентрировать внимание на традиционной для США роли оплота глобальной стабильности. Несмотря на новые реальности всеобщей взаимозависимости и растущую озабоченность международного сообщества такими новыми глобальными проблемами, как экологическое неблагополучие, глобальное потепление, СПИД или бедность, ничто не имеет столь кардинального значения для сохранения мира во всем мире, как мощь Америки. Чтобы убедиться в этом, достаточно задаться простым гипотетическим вопросом: что случилось бы, если бы Конгресс США постановил незамедлительно вывести американские

вооруженные силы с трех главных плацдармов их зарубежного базирования - из Европы, с Дальнего Востока и из района Персидского залива?

С уходом отсюда США планета, вне всякого сомнения, почти немедленно оказалась бы во власти стихии политического кризиса. В Европе часть государств бросилась бы лихорадочно перевооружаться и искать особых соглашений с Россией. На Дальнем Востоке, по всей вероятности, вспыхнула бы война на Корейском полуострове,

33

а Япония приступила бы к капитальному перевооружению, не преминув обзавестись в том числе и ядерным потенциалом. В зоне Персидского залива доминирующие позиции захватил бы Иран, внушая страх сопредельным арабским государствам.

Ввиду вышесказанного у Америки имеются две долгосрочные стратегические альтернативы: либо начать процесс постепенного, тщательно контролируемого преобразования собственного превосходства в саморегулирующуюся международную систему, либо положиться главным образом на национальную мощь в расчете на то, что страна сумеет обезопасить себя от международной анархии, которая могла бы последовать за ее отказом от своих обязательств. В ситуации выбора между двумя этими вариантами большинство американцев инстинктивно склоняются к некоей комбинации политики односторонних действий и интернационализма. Наиболее консервативные сегменты американского общества и национальных элит отдают явное предпочтение всемерному сохранению верховенства Америки - выбор, отражающий интересы традиционных структур власти и ориентированных на оборону секторов американской экономики. Готовность же передать часть власти партнерам - единомышленникам в вопросах строительства глобальной системы безопасности - более свойственна тем элементам американского общества, которые обычно ассоциируются с либеральными идеями и для которых стремление к социальной справедливости внутри страны предполагает аналогичную ориентацию на

международном уровне.

Превосходство, однако, не означает всесилие. Какую бы стратегическую формулу ни избрала Америка, ей придется тщательно продумать, какие регионы мира принципиально важнее с точки зрения ее безопасности, каким образом лучше определить и отстаивать свои интересы и какова допустимая для нее степень международного порядка. Задача тех, кому надлежит вынести суждения

о всем этом вопросам, чрезвычайно осложняется не только двойственной природой глобальной роли Америки,

⁰ и непрерывными изменениями в международной

34

сфере. Хотя национальное государство формально остается главным субъектом на мировой арене, интернациональная (а не международная в традиционном смысле) политическая жизнь все больше приобретает форму трансграничного, беспорядочного и часто сопряженного с насилием глобального процесса.

Из вышеприведенных соображений следуют некоторые выводы применительно к безопасности самой Америки. Номер один в перечне главных угроз международной безопасности (см. с. 26) - полномасштабная стратегическая война - по-прежнему представляет серьезную опасность высшего порядка, хотя уже и не является наиболее вероятной перспективой. В предстоящие годы одной из главных задач американского политического руководства в области безопасности будет оставаться сохранение стабильности взаимного ядерного сдерживания США и России. В течение примерно десяти лет Китай также вполне может приобрести способность нанести непоправимый ущерб американскому обществу в случае стратегической войны с США.

Американская политическая элита полностью осознает этот вызов. Следовательно, есть основания считать, что Соединенные Штаты не прекратят масштабных и дорогостоящих усилий по совершенствованию

своего стратегического потенциала. Как минимум, это предполагает повышение надежности, точности и способности к преодолению обороны противника американских стратегических и тактических ядерных вооружений с различными вспомогательными системами.

В то же время следует ожидать, что возглавляемая Соединенными Штатами и обусловленная научно-техническим прогрессом революция в военном деле будет выдвигать на передний план разнообразные средства ведения боевых действий ниже ядерного порога и, в более общем плане, способствовать девальвации центральной роли ядерного оружия в современном конфликте. Вполне вероятно, что Соединенные Штаты произведут - если потребуются, то и в одностороннем порядке, - значительное сокращение своего ядерного арсенала при одновременном развертывании того или иного варианта

35

противоракетной оборонительной системы. Привлечение наряду с традиционными союзниками США России и Китая к серьезному обсуждению вопросов обороны от «периферийных» ракетных ударов со стороны государств, не располагающих иными стратегическими возможностями, могло бы развеять опасения тех, кто подозревает Америку в стремлении восстановить посредством противоракетной обороны стратегическое превосходство, принадлежавшее ей в начале 1950-х годов.

Следующие сценарии, угрожающие миру, - крупные региональные войны, чреватые дроблением государств этнические конфликты и революционные вызовы снизу - не обязательно представляют прямую опасность для Соединенных Штатов. Даже ядерная война между, скажем, Индией и Пакистаном или Ираном и Израилем, как бы ужасающа она ни была, вряд ли создаст серьезную угрозу территории США. Но в любом случае можно предположить, что Соединенные Штаты воспользуются имеющимися у них политическими и даже военными рычагами влияния, чтобы предотвратить или остановить подобные конфликты. Способность

Америки выполнить такую задачу в большой мере зависит от того, насколько энергичной будет ее превентивная дипломатия и насколько весомыми и реальными покажутся ее предупреждения о намерении вмешаться в ход событий ради прекращения насилия в соответствующем регионе.

Необходимость выглядеть убедительно в данной роли является для США веским доводом в пользу содержания сил, способных под прикрытием американского стратегического «зонта» быстро и результативно проводить операции вмешательства в локальные войны, вне зависимости от территориальной удаленности очага конфликта от Соединенных Штатов. Ключевыми здесь являются слова «быстро» и «результативно». Действительно, для безопасности США способность к быстрой и решающей интервенции важнее возможности вести одновременно две локальные войны (неопределенной длительности), на которой скорее из теоретических соображений настаивают некоторые эксперты по военному планированию.

36

Способность в краткий срок выиграть одну локальную войну является более эффективным средством против развязывания где бы то ни было другого локального конфликта, чем дорогостоящие усилия по поддержанию численности войск, необходимой для параллельного ведения двух локальных войн.

Основополагающая формула возможности решающего вмешательства заключается в комбинации технологических преимуществ, которые дают революционные инновации в военном деле, в первую очередь в том, что касается точности и подавляющей огневой мощи вооружений, и авиатранспортных средств, достаточных для быстрого развертывания контингента, способного вести интенсивные боевые действия. Наличие надлежащего потенциала на случай чрезвычайной ситуации было бы весьма целесообразно, поскольку оно обеспечило бы Соединенные Штаты, которые уже контролируют пространство Мирового океана, средствами реагирования на почти любой локальный конфликт, потенциально угро-

жающий жизненно важным интересам Америки.

О таком потенциале глобального охвата - в пределах досягаемости для Соединенных Штатов - ни одна другая держава мира бесспорно не может даже и мечтать. Этот разрыв между США и остальными странами сам по себе свидетельствует об уникальных масштабах сегодняшнего превосходства Америки. Таким образом, очевидны геополитические преимущества, вытекающие из обладания Соединенными Штатами возможностями решающего вмешательства.

Вызовы безопасности, с которыми Соединенные Штаты сталкиваются на своей собственной территории, не столь отчетливы и гораздо сложнее. С одной стороны, речь идет о менее бесспорных источниках опасности, нежели вышеописанные угрозы; с другой стороны, плохо поддающиеся выявлению и нейтрализации, эти факторы могут получить дальнейшее распространение. Именно здесь начинается та темная зона, где не так просто провести черту между осторожностью и паранойей и где просматриваются более неоднозначные внутривластные последствия для Америки.

37

До событий 11 сентября американцы были озабочены главным образом вероятностью ракетного нападения либо угрозы нападения на Соединенные Штаты со стороны «государств-изгоев», таких как Иран или Северная Корея⁵. В конце 2000 года администрация Клинтона даже назвала дату, когда, по ее мнению, опасность подвергнуться удару северокорейских межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками должна была стать реальной, - 2005 год, - и объявила о планах строительства радарной установки в рамках предполагаемого развертывания противоракетной оборонительной системы, предназначенной для компенсации этой угрозы. Впоследствии администрация Джорджа У. Буша ясно продемонстрировала решимость продолжать работы по созданию еще более основательного варианта национальной системы противоракетной обороны, хотя вопросы ее технических характеристик и радиуса действия

подлежали обсуждению с основными партнерами США, а также с Россией и, предположительно, Китаем.

И администрация Клинтона, и сменившая ее администрация Буша учитывали искреннюю обеспокоенность общественности тем, что враждебные Америке страны однажды получают в свое распоряжение оружие массового поражения и средства его доставки. Обе администрации были безразличны к политическим дивидендам, которые сулил любой проект, обещающий восстановить традиционное для Америки чувство особой защищенности. Технически инновационные оборонительные системы, призванные скрасить жестокую реальность взаимной уязвимости, выглядели по определению привлекательным решением. К тому же, достоинства противоракетной обороны отстаивали отдельные заинтересованные группы американского общества, от кругов, связанных с аэрокосмической промышленностью, до определенной части электората, озабоченной тем, что Ирак или Иран получают возможность угрожать разрушительным ракетным ударом Израилю. Таким образом, идея противоракетной обороны пришлась весьма ко времени.

Однако потенциальные выгоды любой системы противоракетной обороны с точки зрения безопасности надо

38

сопоставить с преимуществами противодействия другим аспектам уязвимости. Каждый доллар, потраченный на противоракетную оборону, означает, что остается меньше средств на борьбу с иными опасностями, угрожающими Соединенным Штатам. Само по себе это не является аргументом против разработки и последующего развертывания противоракетных комплексов, учитывая наличие синергической взаимосвязи между наступательными и оборонительными вооружениями. Тем не менее нельзя не отметить, что развертыванию любой системы противоракетной обороны должна предшествовать тщательная оценка альтернативных потребностей США в сфере безопасности. Это тем более важно, что некоторые другие

угрозы могут доставить куда больше хлопот.

Например, чрезвычайно трудно поддаются отражению и политически дезориентируют внезапные нападения, источник которых неизвестен. Вызывает сомнения, что даже среди так"" называемых «государств-изгоев», обладающих ракетным потенциалом, найдется настолько безрассудное правительство, чтобы ударить по Америке средствами, раскрывающими обратный адрес атакующего, как это, безусловно, случится при запуске ракеты. Ракетное нападение почти наверняка спровоцировало бы сокрушительную акцию возмездия со стороны США, которая, ко всему прочему, уменьшила бы вероятность второго удара по Соединенным Штатам.

Напротив, внезапный ядерный взрыв на борту неприметного судна в каком-то американском порту - возможно, на одном из тех кораблей, более тысячи которых ежедневно бороздят Атлантику, - мог бы стереть с лица Земли прилегающий город. И не оказалось бы никого, кто поставил бы себе это в заслугу и кого можно было бы покарать за содеянное. Совершить подобную акцию проще, чем оснастить межконтинентальную баллистическую ракету надежной боеголовкой точного наведения, а происшедшее гораздо тяжелее сказалось бы на моральном духе американцев. Притом выбрать объект для возмездия было бы отнюдь нелегко, а страх перед повторением трагедии мог бы мгновенно охватить все американские города, вызвав там панику.

39

То же можно сказать и о террористическом акте со стороны организации, полной решимости причинить вред американскому обществу, дезорганизовать и запугать его. Особенно заманчивую цель для нападения представляют собой густонаселенные крупные города. Анонимное нападение посеяло бы там панику и могло бы спровоцировать неадекватно жесткие ответные действия против других государств или религиозных и этнических групп; нависла бы угроза над гражданскими свободами в США. Как ярко

показала паника по поводу возможной эпидемии сибирской язвы вскоре после событий 11 сентября, широкомасштабное применение бактериологических веществ могло бы дать толчок цепной реакции летальных эпидемий и массовой истерии, для борьбы с которыми ресурсы имеющихся в США служб здравоохранения недостаточны. Аналогичным образом, всеобъемлющая атака на компьютеризированные энергетические сети, системы связи и авиалинии США способна буквально парализовать американское общество и привести его к социальному и экономическому краху. Короче говоря, присущие современному обществу высокая степень концентрированное™ и техническая взаимозависимость делают его удобной мишенью для анонимных актов громадной разрушительной силы, которые чрезвычайно трудно предвосхитить.

Все эти угрозы - от стратегически известных до самых нетрадиционных - должны быть предметом самого пристального внимания при составлении планов на случай чрезвычайных ситуаций, а возможно, и основанием для превентивных акций. Готовность системы национальной безопасности должна перекрывать все реальные потребности, и было бы заблуждением чрезмерно драматизировать одну угрозу в ущерб остальным. К безотлагательно необходимым мерам в целях укрепления безопасности относятся, среди прочего, повышение уровня готовности внутренних служб страны к преодолению чрезвычайных последствий ударов по городским центрам, повышение эффективности пограничного контроля для предотвращения ввоза в Соединенные Штаты компонентов оружия массового уничтожения и совершенствование защиты

40

жизненно важных с экономической и военной точек зрения национальных компьютерных систем⁶.

Но если мы хотим по-настоящему поднять уровень обороны национальной территории, вместо того чтобы заниматься перетасовкой бюрократических ведомств, то первейшим приоритетом должно стать

получение надежной разведывательной информации. В конце концов невозможно обезопасить от террористической атаки каждое сооружение, каждую футбольную площадку, каждый торговый центр в стране. Неизбежно настанет момент, когда все попытки сделать это рухнут под грузом обременительных правил надзора и чрезмерных затрат. А террористы могут ликовать, всего лишь организовав раз за разом ложные сообщения о готовящихся терактах. Возможно, именно это они и делают, вынуждая Америку поспешно вывешивать вызывающие смятение цветные ленты — сигналы тревоги.

Гораздо более продуктивным для укрепления безопасности был бы подход, предполагающий масштабные организационные и финансовые меры, расширяющие возможности национальных разведывательных служб. Главными направлениями этих усилий должны стать обновление технических средств наблюдения, немедленное выявление подозрительной деятельности, более эффективная и повсеместная работа по вербовке агентуры для проникновения в правительственные структуры недружественных стран и в террористические организации, а также тайные наступательные операции с целью сорвать направленные против Америки заговоры, положив им конец на ранней стадии. Каждый доллар, потраченный на активную превентивную разведывательную деятельность, стоит, пожалуй, десяти долларов, истраченных по сути вслепую в рамках общего ужесточения мер безопасности на потенциально привлекательных для террористов объектах.

Кроме того, при наличии подлинной готовности нации к отражению вызовов безопасности общественность должна осознать, что определенная степень уязвимости является принадлежностью современной жизни. Нагнетание в стране паники некоторыми заинтересованными

кругами американского общества, периодические кампании в средствах массовой информации против той или иной «страны-изгоя»,

избранной на роль очередного «врага года» для Америки, — Ливии, Ирака, Ирана, Северной Кореи и даже Китая — рискуют сформировать параноидальное видение места Америки в мире и вряд ли отвечают потребностям широкомасштабной национальной стратегии, призванной направить глобальное противоборство в более стабильное и контролируемое русло.

Определение новой угрозы

Дилеммы, проистекающие из нового для Америки неблагополучия в сфере безопасности, позволяют утверждать, что Соединенные Штаты находятся на пике третьей в своей истории большой волны судьбоносных дебатов о национальной обороне. В первый раз вскоре после завоевания независимости споры разгорелись вокруг того, пристало ли только что добившемуся свободы американскому государству иметь в мирное время регулярную армию и какие меры предосторожности надлежит принять, чтобы ее наличие не привело страну к деспотизму. Конгресс США первоначально был не склонен дать согласие на создание постоянной армии, и Александру Гамильтону пришлось обратиться к нему с предостережением на страницах «Федералиста», предупреждая, что без такой армии «Соединенные Штаты будут являть собой самое необычайное зрелище, какое только наблюдал мир, -зрелище страны, которую ее Конституция лишает возможности готовиться к обороне прежде, чем она окажется захвачена неприятелем»⁷.

Вторая волна продолжительной полемики, имевшей столь же фундаментальные последствия, поднялась после Первой мировой войны из-за отказа Америки от членства в Лиге Наций. Дискуссия увенчалась достигнутым почти 30 лет спустя, уже после Второй мировой войны, решением Соединенных Штатов взять на себя бессрочные обязательства в отношении безопасности Европы в соответствии со статьей 5 Североатлантического договора.

смысла и границ национальной безопасности США: оборона Европы отныне должна была рассматриваться в качестве передовой линии обороны самой Америки. Атлантический альянс стал краеугольным камнем американской оборонной политики.

Третья волна дебатов тоже, по-видимому, схлынет нескоро и вызовет жестокие раздоры как внутри страны, так и за рубежом. В сущности, предстоит ответить на вопрос, насколько далеко могут зайти Соединенные Штаты в стремлении максимизировать собственную безопасность, какие финансовые и политические издержки при этом допустимы и в какой мере допустительно рисковать стратегическими связями с союзниками Америки. Хотя открытые баталии разразились после событий 11 сентября, признаки, предвещавшие третью «великую дискуссию», забрезжили еще в середине 1980-х годов, когда предложенная президентом Рейганом «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) тут же вызвала вспышку острых внутривнутриполитических и международных разногласий. Проект СОИ отражал своевременное осознание того факта, что динамика технологического развития меняет соотношение между наступательными и оборонительными вооружениями, а периметр системы национальной безопасности перемещается в космическое пространство. СОИ, однако, концентрировалась в основном на одной, отдельно взятой угрозе, исходившей от Советского Союза. С исчезновением угрозы лишился смысла и сам проект.

Десятилетие спустя в процессе третьего в истории США принципиального пересмотра приоритетов национальной безопасности в фокусе внимания постепенно оказывается более широкая проблема - способность общества к выживанию на фоне почти неизбежного распространения и диверсификации оружия массового уничтожения, непрерывных волнений в мире и растущего страха перед терроризмом. Совокупное воздействие этих факторов делает гораздо более тесной взаимозависимость между безопасностью американской территории и общим состоянием дел на планете.

Хотя роль Америки в обеспечении безопасности ее союзников и - в более широком плане - в поддержании глобальной стабильности оправдывает ее притязания на большую степень национальной безопасности по сравнению с реальными возможностями других государств, все-таки - и это непреложный факт - времена абсолютной безопасности миновали. Оборона территории заокеанских союзников США перестала служить дальним щитом для самой Америки. Но если военные специалисты уже давно встревожены складывающимся положением, то широким общественным слоям истина открылась лишь 11 сентября.

Безопасность Америки впредь должна рассматриваться в неразрывной связи с глобальной обстановкой. Неудивительно, что после событий 11 сентября очередность волнующих общественность вопросов изменилась: отчетливо снизилась значимость идеалистических целей, тогда как озабоченность собственной безопасностью заметно усилилась. Тем не менее планирование на односторонней основе и готовность к единоличному отстаиванию внутренней и международной безопасности не обеспечат долговременной безопасности. Поддержание не имеющего аналогов всеобъемлющего военного потенциала США и повышенной способности американского общества к выживанию обязательно следует подкрепить систематическими усилиями, направленными на расширение зон глобальной стабильности, устранение некоторых наиболее вопиющих причин политического насилия и поддержку политических систем, признающих основополагающую ценность прав человека и конституционных механизмов. Отныне уязвимость Америки будет возрастать всегда, когда демократия за ее пределами окажется под угрозой отступления, а такая демократия, в свою очередь, будет более уязвимой, если Америка позволит себя запугать.

Центральный вопрос третьей «великой дискуссии» о национальной безопасности Америки - как определить угрозу? От истолкования вызова во многом зависит ответ. Следовательно, его интерпретация представляет собой

не просто интеллектуальное упражнение, а стратегически

44

важное действие, имеющее несколько аспектов. Определение угрозы должно стать трамплином для мобилизации национальных усилий. С его помощью предстоит выявить, что именно поставлено на карту, а также не только обнаружить сущность угрозы, но и хотя бы отчасти уловить ее сложную природу. Оно должно позволить провести грань между неотложными и более долгосрочными задачами. И наконец, такое определение поможет разграничить долговременных союзников, временных партнеров, скрытых оппонентов и открытых врагов.

Коль скоро Америка является демократией, определение угрозы должно быть понятным общественности, чтобы та могла выдержать материальные лишения, необходимые для отражения опасности. Для этого нужны ясность и конкретность, но вместе с тем возникает соблазн прибегнуть к демагогии. Мобилизовать общество на длительное напряжение сил проще, если угрозу персонифицировать, идентифицировать как зло и тем более создать ее визуальный стереотип. В человеческом бытии и особенно в международной жизни ненависть и предубеждение обладают гораздо более мощным эмоциональным зарядом, чем сочувствие или привязанность. К тому же, эти отрицательные чувства легче поддаются выражению, нежели куда более близкая к истине картина неизбежно сложных исторических и политических мотивов, которые влияют на поведение государств и даже террористических группировок.

Публичные дискуссии, развернувшиеся в Соединенных Штатах после 11 сентября, подтверждают эти соображения. Реакция общественности в той мере, в какой ее отражают выступления политических лидеров и редакционные статьи в ведущих изданиях, в основном сосредоточилась на терроризме как таковом, на его природе, неустанно ассоциируемой со злом, и на пресловутой личности Усамы бен Ладена, приковавшей к себе всеобщее внимание. Президент Буш (вероятно, в силу своей религиозности) проявил

склонность трактовать угрозу едва ли не в богословских терминах, рассматривая ее как схватку между «добром и злом». Он даже воспользовался ленинской формулой «кто не с нами - тот против нас» -

45

принцип, который всегда импонирует возбужденной общественности, но несет в себе черно-белое видение мира, игнорирующее все те оттенки серого, в которые окрашено большинство глобальных дилемм.

В претендующих на более высокий интеллектуальный уровень размышлениях о событиях 11 сентября чаще всего указывалось в неопределенно-обобщенной форме на исламский образ мышления, который изображался религиозно и культурно враждебным западным (и особенно американским) представлениям о современности. Конечно, администрация США благоразумно избегала отождествления терроризма с исламом в целом, всячески стараясь подчеркнуть, что на ислам как таковой вина не возлагается. Однако некоторые сторонники администрации оказались не столь щепетильны в отношении подобных нюансов. Они сразу инициировали кампанию, в ходе которой обществу внушалось: вся исламская культура настолько враждебна Западу, что она неизбежно создает питательную почву для террористических нападений на Америку. Подобные рассуждения старательно обходили стороной проблему выявления каких-либо реальных политических мотивов, стоящих за феноменом терроризма.

Теологический по большей части подход президента Буша имел, помимо политически-мобилизующего эффекта, дополнительное тактическое преимущество, позволив объединить в одной простой формуле несколько источников угрозы, независимо от того, связаны они друг с другом или нет. Произнеся в начале 2002 года свои знаменитые слова об «оси зла», президент риторически смешал воедино самостоятельные проблемы, создаваемые Северной Кореей для стабильности в Северо-Восточной Азии, Ираном с его еще более широкомасштабными амбициями в районе Персидского залива, а также наследием незавершенной кампании 1991 года против иракского

правителя Саддама Хусейна. Таким образом, зловещие дилеммы, порождаемые стремлением этих государств обзавестись ядерным оружием, оказались скрыты за общей ширмой морального осуждения трех конкретных, но не объединенных союзом режимов (два из которых на самом деле считают друг друга врагами) и были

46

привязаны к болезненному и только что пережитому американским народом опыту непосредственного столкновения с терроризмом.

Что касается американского народа, то он, пожалуй, на какое-то время удовольствовался бы и «осью зла» в качестве приблизительного определения нависшей угрозы. Но встают две другие проблемы. Во-первых, коль скоро безопасность Америки связана теперь с глобальной безопасностью и кампания против терроризма нуждается во всемирной поддержке, важно, чтобы другие народы за пределами Америки согласились с таким определением. Произойдет ли это? Во-вторых, содержит ли выдвинутое определение адекватный диагноз и закладывает ли оно надлежащий фундамент для долговременной успешной стратегии ответа на вызов, который бросают как по отдельности, так и в сочетании друг с другом терроризм и распространение оружия массового поражения?

Трудность заключается в том, что предложенное администрацией определение того явления или тех сил, с которыми американцев призывают сражаться в ходе «войны с терроризмом», сформулировано крайне туманно. Ясности не прибавилось и после того, как президент низвел (либо возвысил, в зависимости от критериев оценки) террористов до «творцов зла», о которых больше будто бы ничего неизвестно и чьи мотивации, оказывается, просто внушены сатаной. Называть в качестве врага терроризм - значит расписаться в блаженном неведении относительно того, что терроризм является используемым индивидуумами, группами и государствами смертоносным методом устрашения. Войны не ведут против метода или тактики действий. К примеру, никто не стал бы провозглашать в начале Второй мировой войны,

что она ведется против «блицкрига».

Терроризм в качестве метода борьбы применяется конкретными людьми, как правило, в политических целях, вполне поддающихся расшифровке. И следовательно, почти за каждым террористическим актом скрывается политическая проблема. Террористы намеренно прибегают к жестоким и не совместимым с моралью атакам на гражданское население, на символизирующих те или

47

иные институты отдельных лиц или материальные объекты, рассчитывая на политический эффект⁸. Чем слабее и фанатичнее политические экстремисты, тем больше они склонны предпочесть другим методам борьбы самые бесчеловечные формы терроризма. Их безжалостный расчет состоит в том, чтобы спровоцировать возмездие со стороны более сильного противника в таких масштабах, которые обеспечат террористам дополнительную поддержку и даже легитимность. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что терроризм есть продолжение политики иными средствами.

Соответственно, имея дело с терроризмом, необходимо противопоставить ему продуманную кампанию, в рамках которой требуется не только ликвидировать самих террористов, но также выявлять их и учитывать (в любой подходящей форме) лежащие в основе их действий политические побуждения. Настаивать на этом - не значит оправдывать террористов или призывать к их умиротворению. Деятельность почти всех террористических сил вырастает на почве политических конфликтов: конфликты ее порождают, и они же служат ее питательной средой. Так обстоит дело с действующей в Северной Ирландии Ирландской республиканской армией (ИРА), испанскими басками, палестинцами Западного берега и Газы, российскими чеченцами и всеми остальными подобными движениями⁹.

Будучи вновь для Америки, терроризм - отнюдь не новое явление в

других частях планеты. Начиная с середины XIX века и примерно до Первой мировой войны он был широко распространен в Европе и царской России. Происходили тысячи вооруженных нападений, в том числе убийства высокопоставленных особ и взрывы зданий. Пожалуй, в одной только России от рук террористов погибли не менее 7000 государственных лиц и полицейских чинов, включая царя. Что касается других стран, то самый впечатляющий из совершенных там актов терроризма - убийство в Сараево австро-венгерского (австрийского. - *Прим, пер.*) эрцгерцога Франца Фердинанда -оказался той самой искрой, из-за которой запылал пожар Первой мировой войны.

48

В недавнем прошлом британцам довелось на протяжении нескольких десятилетий страдать от терроризма ИРА: потери среди гражданского населения, которыми сопровождались взрывы, организованные активистами ИРА в Британии, исчисляются сотнями людей, не избежали гибели даже представители высшей ветви королевской семьи. Убийства официальных лиц высокого ранга произошли за последние годы в нескольких европейских государствах, прежде всего в Испании, Италии, Германии, и перечень подобных событий можно продолжать еще очень долго¹⁰. Отнюдь не пассивно ведут себя террористические группировки как левого, так и правого направления в Латинской Америке, где их жертвами стали десятки тысяч человек.

Терроризм, вырастающий на почве этнического, национального или религиозного протеста, особенно живуч и менее всего поддается искоренению путем уничтожения террористов. Терр*Оризм, истоки которого заключаются в социальном недовольстве, пусть даже подкрепляемом идеологическими догмами в духе радикального марксизма, в целом имеет тенденцию к спаду, если дело террористов не встречает сочувствия в данном обществе. Социальная изолированность в конечном счете деморализует часть террористов, облегчая поимку остальных. Несколько большей

устойчивостью (как свидетельствует опыт Китая и Латинской Америки) обладает терроризм, располагающий специфической опорой в лице отчужденного и географически отделенного социального класса, например крестьянства, особенно когда он поддерживается партизанским движением. Но максимальную сопротивляемость физическому подавлению выказал терроризм, черпающий вдохновение в подкрепляемом историческими мифами общем этническом происхождении и подогреваемый религиозным рвением.

Сами террористы, скорее всего, неисправимы, но с порождающими их условиями дело не обязательно обстоит так же. Об этом различии важно помнить. Террористам свойственно жить в собственном мире, заслонившись от реальности патологической верой в свою правоту. Насилие становится для них не просто средством достижения

49

определенной цели, но *raison d'etre*, смыслом существования. Вот почему без устранения террористов не обойтись. Но чтобы их ряды не пополнялись вновь, требуется взвешенная политическая стратегия, призванная ослабить весь комплекс благоприятствующих терроризму политических и культурных факторов. Корни всего, что питает террористические движения, должны быть политически подрублены.

Очевидно, что неистовость совершенных 11 сентября актов террора и особенно выбор Америки в качестве объекта этих вопиющих преступлений во многом объясняются политической историей Ближнего Востока. Вдаваться в ее детальный анализ необязательно, ведь и террористы явно не углубляются в изучение исторических текстов, прежде чем встать на путь насилия. Ненависть, толкающая их в конечном итоге к террору, формируется скорее общим эмоциональным контекстом недовольства и обид, которые они ощущают, наблюдают или знают из рассказов окружающих.

Политические настроения арабского населения Ближнего Востока являются продуктом столкновения стран региона с французским и

британским колониализмом, провала попыток арабского сообщества предотвратить возникновение Израиля, соответствующего обращения Израиля с палестинцами, а также установления прямого и косвенного контроля Америки над регионом. Ее присутствие рассматривается наиболее экстремистскими политическими и религиозными силами региона как оскверняющее священную чистоту исламских святынь святотатство (совершенное вначале в Саудовской Аравии, а теперь в Ираке), как препятствие к благоденствию арабского народа и инструмент пристрастной поддержки Израиля в его конфликте с палестинцами. Хотя политическое рвение экстремистов возбуждается религиозным пылом, примечательно, что часть террористов, причастных к событиям 11 сентября, вела явно нерелигиозный образ жизни. Таким образом, нападение на Всемирный торговый центр во второй раз на протяжении пяти лет имело очевидный политический подтекст.

50

От исторической реальности не уйти: главной причиной, по которой острие терроризма оказалось направлено на Америку, стала, несомненно, вовлеченность США в ближневосточные дела, точно так же как английское присутствие в Ирландии спровоцировало многочисленные акции ИРА против объектов в Лондоне и самой королевской семьи. Британцы признали этот основополагающий факт и постарались учесть его в своих ответных шагах как на силовом, так и на политическом уровне. Америка же, напротив, продемонстрировала поразительное нежелание задуматься над политическими измерениями терроризма и идентифицировать его политический контекст.

Чтобы одержать победу в войне с ближневосточными террористами, требуются усилия сразу по двум главным направлениям: уничтожая террористов, необходимо одновременно налаживать политический процесс, направленный на преодоление тех условий, в которых они появляются. Именно так, а не иначе, ведут себя британцы в Ольстере и испанцы в Стране

Басков. Именно так русских призывают действовать в Чечне. Внимание к политической подоплеке возникновения терроризма является не уступкой террористам, а неременной составной частью стратегии ликвидации и изоляции террористического подполья.

Неготовность Америки признать зависимость между событиями 11 сентября и современной политической историей Ближнего Востока, где бурные политические страсти, бушующие на почве религиозного фанатизма и неистового национализма, сочетаются с политической слабостью и нестабильностью, представляет собой опасную форму отрицания действительности. Достаточно вспомнить весну 2002 года, когда Соединенные Штаты проявили готовность одобрять даже самые жесткие меры, предпринимаемые Израилем для подавления палестинского движения, рассматривая их в качестве элементов борьбы с терроризмом. Нежелание признать историческую связь между подъемом антиамериканского терроризма и присутствием Америки на Ближнем Востоке чрезвычайно затрудняет разработку формулы эффективного стратегического ответа на террористический вызов.

51

Первоначальная поддержка, которую мир оказал Америке после преступления 11 сентября, была, как уже отмечалось выше, и отражением искреннего сочувствия, и своевременным подтверждением лояльности. Но солидарность, тем не менее, не означала согласия с американским толкованием характера угрозы. И по мере того, как оно облекалось в риторические одежды и формулировалось во все более жестких выражениях, которые достигли кульминации в момент провозглашения «оси зла», в американском понимании терроризма все больше видели оценку, оторванную от политического контекста этого феномена.

Неудивительно, что уже через полгода после событий 11 сентября почти единодушная всемирная поддержка Америки сменилась усиливающимся скептицизмом в отношении официальных формулировок

США по поводу общей угрозы. Америка рискует постепенно остаться в одиночестве во всем, что касается политических аспектов тревожащих ее опасностей. Тем временем угроза может приобрести еще более пугающий масштаб, так как средства высокой поражающей способности становятся все более доступными не только для государств, но и для подпольных организаций.

Соединение терроризма с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) представляет собой по-настоящему устрашающую перспективу. Но и к этой проблеме нельзя подходить с позиций абстрактных рассуждений на тему «зла» или уповая лишь на американское могущество. Дело осложняется тем, что поведение самой Америки в сфере распространения ОМУ не столь уж безупречно. Соединенные Штаты содействовали усилиям Великобритании в создании ядерного потенциала, исподтишка помогали в том же Франции, попустительствовали, а возможно, более чем попустительствовали ядерным программам Израиля, закрыли глаза на аналогичные действия Китая, Индии и Пакистана и, наконец, проявили неразборчивую беспечность в отношении собственных ядерных секретов. Когда критики укоряют США в том, что все их нынешние опасения по поводу распространения ОМУ запоздали, в этом есть доля правды.

52

К тому же, очень многие за рубежом, прежде всего в Западной Европе, ставят под сомнение побуждения Америки, подозревая, что ее внезапная глубокая озабоченность распространением таких видов оружия лишь отчасти продиктована шоковым эффектом 11 сентября. Одной из причин обеспокоенности Америки потенциальным появлением оружия массового уничтожения и средств его доставки у Ирана и Ирака, которая так ярко контрастирует с ее равнодушием к наличию ядерного оружия у Израиля, считают понятную заинтересованность Израиля в разоружении этих государств и недопущении их перевооружения в будущем. Включение Северной Кореи в «ось зла» часто интерпретировалось как намеренный ход в расчете скрыть

более узкий, односторонний характер позиции Америки, которую тревожит процесс распространения ОМУ именно в ближневосточном регионе.

Стремление некоторых иностранных государств связать с объявленной Америкой войной против терроризма свои собственные задачи внесло еще больше неясности в определение угрозы, создав дополнительный риск превращения этой войны в объект политического пиратства со стороны других держав. Знаменательно, что и премьер-министр Израиля Ариэль Шарон, и президент России Владимир Путин, и бывший председатель КНР Дзян Цзэ-минь ухватились за понятие «терроризм», чтобы реализовать собственные замыслы. Для всех троих расплывчатое американское определение «глобального терроризма» пришлось как нельзя более кстати, служа удобным оправданием операций по подавлению, соответственно, палестинцев, чеченцев и уйгуров.

Отправной точкой в поиске эффективного ответа на угрозу террора в комбинации с распространением ядерного оружия должно стать признание связанности обоих этих явлений с конкретными региональными проблемами. Никакие разговоры о «глобальном терроризме» не помогут заслонить национальное происхождение террористов, вполне конкретную направленность их ненависти или их религиозные корни. Аналогичным образом угроза распространения ОМУ, особенно в ее соотношении

53

с поощряемым на государственном уровне терроризмом, имеет преимущественно региональную, а не глобальную подоплеку.

Из этого следует, что эффективно противостоять все более опасному стремлению Северной Кореи к обладанию ядерным потенциалом, чреватому цепной реакцией дальнейшего распространения, можно лишь с учетом сложившегося в Северо-Восточной Азии регионального контекста и принимая во внимание как специфические, так и коллективные интересы Южной Кореи, Китая и Японии. Независимо от формулы «оси зла», успешное решение проблемы может быть достигнуто только на основе

признания и удовлетворения особых интересов ведущих государств региона. Верность этого тезиса подтверждается настойчивостью, с которой Америка пытается вовлечь Северную Корею в многосторонний региональный диалог по вопросам нераспространения и которая так резко контрастирует с американской политикой в отношении Ирака и Ирана.

Ответы на вызовы терроризма и распространения ОМУ не могут быть найдены без Америки, но они, бесспорно, не могут исходить исключительно от одной Америки. Война против ближневосточного терроризма увенчается реальным уничтожением террористических организаций лишь тогда, когда они утратят социальную опору и, следовательно, способность пополнять свои ряды, когда наконец иссякнут источники их финансирования. Даже одержав подобную победу, едва ли можно будет ощутить ее плоды немедленно. Поставить же под контроль распространение ОМУ удастся, если усилия подозреваемых государств либо станут объектом эффективных международных инспекций, либо будут жестко пресекаться внешней силой. В обоих случаях решающую роль будет играть деятельное участие Америки, но добиться результата окажется намного легче, если американские инициативы завоюют искреннюю международную поддержку.

Разумеется, Соединенные Штаты достаточно могущественны, чтобы сокрушить Северную Корею или любое ближневосточное государство, помочь Израилю обеспечить свою безопасность и сохранить контроль над всем

54

Западным берегом и Газой, чтобы поддержать антитеррористические карательные силовые операции против Сирии и удержать египтян или саудитов от антиамериканских либо антиизраильских действий. Что касается военной кампании против Ирана, то ее можно было бы свести к выборочным ударам по иранским объектам, причастным к работам над оружием массового уничтожения, ограничив тем самым масштабы необходимых военных усилий.

Шаги подобного рода могли бы поставить заслон распространению ядерного оружия по крайней мере на ближайший период. Гораздо сомнительнее их способность излечить террористический недуг. Безусловно, они вызовут еще более мощную волну негодования в адрес Америки и будут рассматриваться как насаждение нового порядка в регионе в духе неприкрытого колониализма. Более того, такие меры, скорее всего, подвергнутся резкому международному осуждению, особенно в Европе, не говоря уже о реакции исламского мира. В итоге на карту могли бы быть поставлены американские позиции в Европе, а «война с терроризмом» превратилась бы в сугубо американское и преимущественно антиисламское предприятие. Нарисованная Сэмюэлем Хантингтоном картина «столкновения цивилизаций» стала бы самоисполняющимся пророчеством.

И наконец, последнее, но не менее важное соображение: политика одностороннего принуждения породила бы в международном сообществе такие умонастроения, при которых государства, не желающие подвергнуться шантажу, считали бы своей первоочередной задачей тайное приобретение ОМУ. Причем у этих государств появился бы дополнительный мотив поддерживать террористические группировки, а те, одержимые жаждой мести, с еще большей вероятностью могли бы анонимно применить оружие массового поражения против Америки. Принцип выживания сильнейших, который в той или иной мере всегда присутствовал в международной политике (хотя его роль постепенно ослаблялась регулирующими поведение государств международными соглашениями), утвердился бы в качестве высшего закона глобальных джунглей. В долгосрочном плане все это могло бы обернуться для

55

Америки фатальным разрушением основ ее национальной безопасности.

Вот почему один из призывов, звучащих в ходе третьей «великой дискуссии» о безопасности Америки, - отказаться от Атлантического альянса

в пользу новой «коалиции убежденных союзников» - глубоко ошибочен. Хотя об этом не говорят открыто, речь идет о попытке определенной, весьма твердо настроенной группы в администрации Буша и части наиболее консервативных политических кругов предпринять стратегический маневр, направленный на смену фундаментальных геополитических приоритетов Америки. В сущности, данная группа стремится предложить обоснование, мотивацию и стратегию образования под руководством Америки новой глобальной коалиции взамен той, что была ею выпестована после 1945 года, в период «холодной войны».

Фундаментом коалиции времен «холодной войны» являлось противостояние советской мощи, которое зижделось на общих ценностях и неприятии коммунистической диктатуры. Главным воплощением коалиции стал Атлантический союз (получивший формальное выражение в структурах НАТО), призванный сдерживать дальнейшую советскую экспансию; затем последовал отдельный «договор безопасности» с Японией. Крушение Советского Союза в 1991 году не только ознаменовало исторический триумф демократического альянса, но и поставило на повестку дня вопрос о его будущей миссии. В ответ в течение примерно десяти последних лет происходило расширение Союза при одновременных попытках постепенно распространить зону его действия за пределы Европы.

Террористическая атака 11 сентября сыграла на руку тем кругам, по убеждению которых естественными и первоочередными партнерами Америки следует считать государства, находящиеся так или иначе в состоянии конфликта с мусульманами, будь то Россия, Китай, Израиль или Индия. Кое-кто даже утверждает, что Америка должна задаться целью переустройства Ближнего Востока и, используя собственную мощь во благо демократии, подчинить своей воле арабские государства, сокрушить

исламский радикализм и сделать регион безопасным для Израиля. В американском обществе эти идеи разделяют различные правые,

неоконсервативные и религиозно-фундаменталистские течения. А благодаря страху перед терроризмом они пользуются немалой популярностью у населения.

Однако, в отличие от предыдущей коалиции, предлагаемая стратегическая формула имеет мало шансов на длительную политическую жизнь. Подобное партнерство, основанное не столько на долговременных общих ценностях, сколько на совпадении тактических целей, носило бы конъюнктурный характер. В лучшем случае оно может привести к краткосрочному соглашению -соглашению, способному лишь разрушить, но никак не заменить великий демократический альянс, который Америка успешно крепила на протяжении более чем 40 лет.

Не исключено, что к риску такого перестроения добавится обильно приправленный риторикой пересмотр американской стратегической доктрины. О подобной тенденции свидетельствовала речь, с которой президент Буш выступил 1 июня 2002 г. в Уэст-Пойнте. Рассылая ее текст представителям внешнеполитического сообщества по электронной почте, пресс-служба Белого дома сопровождала его следующим комментарием: в выступлении «формулируется новая доктрина внешней политики Америки (упреждающие действия в случае необходимости защитить нашу свободу, защитить наши жизни)... Речь в Уэст-Пойнте дает представление об убеждениях и образе мышления Президента и его администрации...»

В этом выступлении президент отверг традиционную стратегию сдерживания как неадекватную угрозам терроризма и распространения ОМУ, имеющим приоритетное значение после окончания «холодной войны». Он объявил о своей решимости «перенести сражение на территорию противника, сорвать его планы и противостоять наиболее серьезным угрозам еще до их появления». Примечательно, что Буш так и не назвал «противника», оставляя полный простор для произвольного выбора мишеней. В новопровозглашенной доктрине «упреждаю-

щей интервенции» не уточнялось, ни с помощью каких критериев

будет определяться терроризм, ни при каких обстоятельствах распространение ОМУ станет расцениваться в качестве зла, заслуживающего упреждающей военной акции со стороны Соединенных Штатов.

По существу, Соединенные Штаты тем самым присвоили себе право идентифицировать противника и наносить первый удар, не заботясь о достижении международного консенсуса в отношении согласованного определения угрозы. Прежняя доктрина «взаимного гарантированного уничтожения» (известная под аббревиатурой MAD -mutual assured destruction) сменилась новой концепцией «единоличного гарантированного уничтожения» (solitary assured destruction - SAD). Неудивительно, что переход от MAD к SAD был воспринят многими как стратегический регресс.

Не улучшило положения дел и отождествление двух разных понятий - «упреждение» и «предотвращение». В разработанном Советом национальной безопасности документе 2002 года о стратегии национальной безопасности, а именно в главе 5 «Предотвращение угрозы применения нашими противниками оружия массового поражения против нас, наших союзников и наших друзей», оба термина употребляются как взаимозаменяемые понятия. Заместитель министра обороны внес еще больше неясности, заявив 2 декабря 2002 г. в Международном институте стратегических исследований (IISS): «Все, кто думает, что мы будем ждать точных сведений о неминувости нападения на нас, не сумели извлечь урок из событий 11 сентября».

Между тем грань между упреждением и предотвращением весьма существенна с точки зрения международного порядка и ни в коем случае не должна стираться. Речь идет, например, о разнице между решением Израиля в июне 1967 года *упредить* нападение арабов, к которому завершавшие передислокацию арабские вооруженные силы были почти готовы, и воздушным ударом Израиля в 1981 году по атомному реактору «Осирак» с целью *предотвратить* перспективу появления у Ирака ядерного потенциала. Первая акция была ответом на неминуемую

угрозу; вторая служила недопущению самого возникновения угрозы. Аналогичным образом, нападение США на Ирак в 2003 году, возможно, диктовалось потребностью *предотвращения* будущей «серьезной и требующей быть начеку угрозы» (как выразился президент Буш), но никак не *упреждения* неотвратимой угрозы удара с иракской стороны.

Упреждение может оправдываться высшими национальными интересами перед лицом неминуемой угрозы и, следовательно, почти по определению осуществляется в основном в одностороннем порядке. Чтобы обосновать (хотя бы задним числом) подобный произвол, нужны исключительно надежные разведывательные данные. Напротив, предотвращению должно, по возможности, предшествовать настойчивое политическое давление (в том числе с привлечением международного сообщества), призванное предупредить нежелательный ход событий, причем применение силы допустимо лишь тогда, когда все другие средства исчерпаны и сдерживание перестало быть эффективной альтернативой. Отказ от разграничения двух этих видов действия, тем более со стороны сверхдержавы, обладающей максимумом средств сдерживания, способен развязать цепную реакцию односторонних «предотвращающих» войн, маскируемых под «упреждающие» акции.

В итоге столь радикальные перемены в доктрине и конфигурации союзов могли бы нанести наибольший урон самой Америке. Они привели бы к изменению как ее мировой исторической роли, так и ее образа в мире. Перестав быть маяком свободы для народов планеты, пробуждающихся к политическому бытию, Америка воспринималась бы как лидер нового «Священного союза», равнодушный к поиску баланса между порядком и справедливостью, безопасностью и демократией, национальной мощью и социальным прогрессом. Оттолкнув старых друзей своим высокомерием и променяв их на новых, не способных ни по-настоящему воспринять основополагающие американские ценности, ни стать подлинными партнерами в борьбе с истоками глобального насилия, Америка могла бы

попасть в положение гегемона в изоляции.

59

Несмотря на все свое могущество, изолированная Америка сделалась бы жертвой всевозможных враждебных ей альянсов с участием не только ее врагов, но также покинутых ею бывших союзников и новых, но неверных друзей.

Фундаментальная опасность, угрожающая как Америке, так и миру в целом, заключается в политическом беспорядке, которому все больше сопутствует насилие и который может однажды перерасти в глобальную анархию. Терроризм - одно из самых уродливых его выражений. Распространение оружия массового уничтожения - одна из самых грозных перспектив. Но оба явления - не что иное, как симптомы одной и той же главной мировой болезни. Только настойчивое проведение глобальной стратегии, направленной на устранение глубоких причин раздирающих мир конфликтов, способно укрепить утраченную национальную безопасность Америки. А для этого нужно заручиться повсеместной международной поддержкой, которая своими масштабами затмила бы даже союз, нанесший поражение тоталитарным режимам XX столетия. Глобальное могущество Америки является необходимой исходной предпосылкой такой мировой стратегии, но не оно составляет ее историческое предназначение.

¹ После Перл-Харбора война с Японией велась на отдаленных островах Тихого океана.

² «Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!

И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!

И город великий распался на три части, и города языческие пали...

И всякий остров убежал, и гор не стало.

И град, величиною в талант, пал с неба на людей; и хулили люди Бога

за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая. (На языке оригинала цитата приводится в версии короля Якова I, го i-сть в англиканском каноническом переводе. - *Прим. пер.*)

• Например, успешно осуществляемая Америкой революция в поенном деле уже сама по себе побудила Китай провозгласить «революцию в военном деле по-китайски», определяемую как "народная война в условиях высоких технологий», причем некоторые китайские

60

военные руководители и эксперты усматривают в этом «один из важнейших аспектов трансформации в стратегической области». См. *Кун Шаньинь*. Обеспечение развития посредством прорывов и скачков в сфере национальной обороны (на кит. яз.) // Дагунбао. - 2003. - 23 мая.

⁴ По данным ежегодного отчета, подготовленного в 2002 году в Лейдене (Нидерланды) в рамках Междисциплинарной программы исследований причин нарушения прав человека (РЮОМ) и посвященного конфликтам, в 2001 году в мире имело место 23 «конфликта высокой интенсивности», унесших примерно 125 000 человеческих жизней, 79 «конфликтов малой интенсивности» (в каждом из которых погибло от 100 до 1000 человек) и 38 «политических конфликтов с элементами насилия» (число жертв которых составило от 25 до 100 в каждом случае). Относительное отсутствие насильственной политической борьбы констатировалось всего в 35 странах.

' В принципе, следует с большой долей осторожности относиться к так называемой разведывательной информации о разрабатываемом другими странами оружию, особенно когда подобные сведения поступают из зарубежных источников. Показательным примером является корреспонденция под заголовком «Иран может оказаться способным создать атомную бомбу через пять лет - опасаются официальные лица США и Израиля», нвяечатанная в «Нью-Йорк тайме» с пометкой «Тель-Авив, 3 января 1995 г.». В газете приводились слова «высокопоставленного

официального лица», заявившего, что, «если какая-нибудь иностранная держава не воспрепятствует Ирану в выполнении этой программы, он будет иметь ядерный заряд примерно через пять лет». Семь лет спустя, 19 марта 2002 г., директор ЦРУ заверял Конгресс в том, что, «по оценкам большинства ведомств разведывательного сообщества, к 2015 году США скорее всего столкнутся с угрозой межконтинентального ракетного удара со стороны Северной Кореи и Ирана» и что «Тегеран может оказаться в состоянии самостоятельно произвести достаточное для производства ядерного оружия количество расщепляющихся материалов к концу текущего десятилетия». Более того, как показывает опыт всех ядерных держав, при создании надежной ядерной боеголовки и средств доставки достаточной точности не обойтись без многочисленных испытаний. Скрыть такие испытания почти невозможно. Единственное исключение может составлять Израиль, который, как утверждается, тайно обзавелся ядерным арсеналом. Но Израиль имел неформальные каналы доступа к технической информации, добытой в результате испытаний, проведенных Соединенными Штатами и, ранее, - Францией. И даже несмотря на это, многие подозревают Израиль в том, что в конце 1970-х годов он провел как минимум одно ядерное испытание совместно с правительством Южной Африки, при режиме апартеида.

⁶ Масштабы проблемы ярко иллюстрируют две цитаты из статьи Стивена Е. Флинна «Уязвимая Америка»: «...большая часть материальной структуры промышленных предприятий, телекоммуникационных и энергетических систем, систем водоснабжения и транспортных сетей на территории США либо не защищена вовсе, либо снабжена

61

защитой, достаточной лишь для того, чтобы остановить случайных вандалов, воров или хакеров-непрофессионалов... Только в 2000 году через пункты пограничного контроля США прошло 489 миллионов человек, 127 миллионов пассажирских автомобилей, 11,6 миллиона морских контейнеров, 11,5 миллиона грузовых автомобилей, 2,2 миллиона железнодорожных

вагонов, 829 000 самолетов и 211 000 судов». (*Flynn S.E. America the Vulnerable // Foreign Affairs. - N.Y., 2002. - Jan.-Febr. - P. 63-64.*)

⁷ *Urwin G. The Army of the Constitution: The Historical Context // ...to insure domestic Tranquility, provide for the common defence... / Ed. by Manwaring M. - Carlisle: Strategic Studies Institute, 2000. - P. 45.*

⁸ Иными словами, «терроризм и связанная с ним асимметрия появляются тогда, когда чувство безысходности у части маргинализованной самопровозглашенной элиты, вызываемое тем, что воспринимается ею как несправедливость, угнетение и неравенство, переходит в стремление к насилию... Эти конкретные мужчины и женщины готовы убивать и разрушать, а возможно, умереть при этом во имя достижения целей, которые они перед собой поставили» (*Manwaring M. The Inescapable Global Security Arena. - Carlisle: Strategic Studies Institute, 2002. - P. 7.*)

⁹ Автор исследования о действиях террористов-смертников за период с 1980 по 2001 год политолог Роберт Пэйп из Чикагского университета установил, что из 188 рассмотренных им терактов «179, возможно, имели отношение к масштабным и последовательно проводимым политическим либо военным кампаниям». Он также отмечает, что «существует лишь *слабая* связь между действиями террористов-самоубийц и исламским фундаментализмом, как и любыми другими религиозными убеждениями. В реальности главными подстрекателями совершаемых смертниками акций выступают «тамильские тигры» в Шри-Ланке — организации марксистско-ленинского толка, члены которой происходят из индуистских семей, но категорически отрицают любую религию (на их долю приходится 75 из 188 исследуемых акций)». (См. *Pape R. Dying to Kill Us // The New York Times. - 2003. - Sept. 22.*)

¹⁽¹⁾ Достаточно примера одной только Италии: Франко Феракути насчитал не менее 14569 террористических актов, совершенных в Италии в период между 1969 и 1986 годами, в результате которых погибли 415 человек. Максимальное число террористических инцидентов - 2513 -

произошло в 1979 году. (*Feracuti F. Ideology and Repentance: Terrorism in Italy // Origins of Terrorism / Ed. by Reich W. — Wash.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. - P. 59.*)

Дилеммы нового глобального беспорядка

Начиная с последнего десятилетия XX века центральной проблемой безопасности, вызывающей наибольшую обеспокоенность в мире, стал конфликтный потенциал Евразии. Юго-Восточная оконечность Евразии представляет собой арену опасных этнических и религиозных межгосударственных войн, средоточие экстремистских режимов, рвущихся заполучить оружие массового поражения, место возникновения наиболее фанатичных мировоззрений и воинственных движений, с которыми кое-какие государства могут однажды поделиться своими вооружениями. Здесь сосредоточены более половины жителей планеты (включая оба самых населенных государства) и приблизительно три четверти мирового населения, страдающего от бедности; именно этот регион является главным генератором демографического взрыва на планете и важнейшим источником миграционных процессов, уже порождающих трудности и чреватых еще большим ростом международной напряженности¹.

На протяжении четырех десятилетий «холодной войны» фундаментальный геостратегический вызов для Америки заключался в том, что враждебная идеологическая сила, контролировавшая около двух третей Евразийского мегаконтинента, могла бы распространить свое господство и на остальную его часть. Евразия являлась и гигантской ареной этого соревнования, и главной ставкой в борьбе, ибо именно на ее просторах расположено большинство наиболее динамичных и политически амбициозных государств мира, а также два из трех самых

62

63

высокоразвитых в экономическом отношении региона Земли - Западная Европа и Дальний Восток. Полное главенство во всей Евразии было

бы равносильно мировому господству.

Решимость Америки не допустить подчинения Евразии враждебной державе была сопряжена с риском развязывания апокалиптической ядерной войны. Поэтому приоритетными сферами политики безопасности США должны были стать проблемы гонки вооружений, конкуренция в наращивании ядерных арсеналов и даже разработка планов ведения полномасштабной ядерной войны. Устрашение служило организующим принципом, призванным исключить военный конфликт, а сдерживание - формулой предотвращения захвата противником западной и дальневосточной окраин Евразии.

Чтобы справиться с новым глобальным беспорядком, Америка нуждается в более изощренной стратегии, чем требовалось для ведения «холодной войны», и в подходе более многогранном, нежели развернутая после 11 сентября антитеррористическая кампания. Борьба с терроризмом не может являться центральным, системообразующим принципом американской политики безопасности в Евразии или внешнеполитического курса США в целом. Эта идея слишком узка по своей направленности, слишком расплывчата в определении противника, и, что важнее всего, она бессильна повлиять на фундаментальные причины интенсивного политического брожения в простирающейся между Европой и Дальним Востоком ключевой зоне Евразии, среди населения которой преобладают мусульмане и которую можно было бы обозначить термином «новые Мировые Балканы»².

В свете событий 11 сентября для Америки исключительно важно тщательно и спокойно проанализировать весь комплекс отношений, связывающих ее с быстро меняющим свой облик миром ислама. В этом состоит неперемненное предварительное условие перехода к тому или иному варианту эффективной долгосрочной политики, в рамках которой США предстоит перед лицом двойной угрозы - терроризма и распространения ОМУ - взять на себя ответственность за восстановление мира

в беспокойной зоне новых Мировых Балкан. Одновременно творцы американской политики должны предвидеть весь спектр опасных перспектив, которыми чреват чрезмерное расширение американских обязательств и политика единоличного вмешательства, провоцирующие нарастание враждебных США политических и религиозных умонастроений.

Кроме того, свойственный современному миру беспорядок является в более широком плане следствием еще одной новой реальности: мир пробуждается к политическому осознанию неравенства в обстоятельствах человеческого бытия. До сравнительно недавнего времени огромное большинство человечества безропотно мирилось с социальной несправедливостью. Хотя крестьянские восстания порой нарушали состояние народной покорности тому, что казалось предписанным порядком вещей, они вспыхивали главным образом тогда, когда местные условия жизни становились уже совершенно невыносимыми. И даже эти вспышки протеста происходили на фоне фундаментального незнания мира в целом, в относительной изоляции и в отсутствие трансцендентального сознания неравенства.

Теперь положение принципиально изменилось. Распространение грамотности и особенно воздействие современных средств коммуникации привели к беспрецедентному росту уровня политического мышления широких масс, сделав их несравненно восприимчивее к эмоциональному потенциалу национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма. Притягательность этих идеологий поддерживается укрепившим осознанием различий в материальном благосостоянии, возбуждающих вполне понятные чувства зависти, возмущения и враждебности. Еще больше ее усиливает утешительное для самолюбия и формулируемое в культурно-религиозных понятиях презрение к тому, что именуется гедонизмом привилегированной части человечества. В таком контексте демагогическая обработка и мобилизация слабых, бедных и угнетенных становятся все более легким делом.

Сила слабости

11 сентября 2001 г. является эпохальным событием в истории политики, основанной на факторе силы. Девятнадцать располагавших скудными ресурсами фанатиков, часть которых не имела западного образования, заставили содрогнуться в панике самую могущественную и технологически высокоразвитую державу мира и ввергли мир в глобальный политический кризис.

Спровоцированные этим актом процессы привели к милитаризации внешней политики США, ускорили переориентацию России на Запад, создали постепенно углубляющиеся трещины в отношениях между Америкой и Европой, обострили недуги американской экономики и вызвали изменение традиционных американских представлений о гражданских правах. Оружие, с помощью которого удалось всего этого добиться, заключалось в нескольких ножах для разрезания картонных коробок и готовности пожертвовать своей жизнью. Никогда еще столь немощное меньшинство не причиняло столько боли такому могущественному большинству.

В свете этого опыта перед единственной сверхдержавой мира встает дилемма: как одолеть физически слабого неприятеля, которым руководят фанатичные побуждения? До тех пор, пока будут сохраняться источники таких побуждений, все попытки воспрепятствовать противнику и уничтожить его останутся тщетными. Ненависть поможет ему восполнить свои потери. Уничтожить врага можно, только уловив и признав те его мотивы и страсти, которые не подлежат точному определению, а проистекают из общего для слабых участников противоборства стремления любой ценой разрушить объект их безудержного возмущения.

В этой войне - а терроризм в действительности есть беспощадная война слабых против сильных (оценка, которая не имеет ничего общего с признанием моральной легитимности террора), - слабые располагают одним

важным психологическим преимуществом: им почти нечего терять, но приобрести, по их убеждению, они могут все. Они черпают силы в религиозном рвении или

66

фанатичном утопизме и выражают свои убеждения с пылом ожесточенности, продиктованной безнравственностью их ущемленного положения. Некоторые готовы принести себя в жертву, потому что их жизни, в их представлении, обретают смысл именно тогда, когда они вырываются за рамки своего жалкого существования, совершая самоубийственные акты ради уничтожения объекта своей ненависти. Отчаяние порождает неистовство и служит движущей силой террора.

Тем, кто занимает господствующие позиции, напротив, есть что терять: прежде всего то, что они ценят превыше всего, — собственное благополучие, и их силы подтачиваются страхом. Сильные держатся за свою жизнь и дорожат ее хорошим качеством. Как только среди тех, кто обладает привилегированным статусом, поселяется паника, она заставляет их преувеличивать реальный потенциал неведомого, но, в сущности, слабого врага, и по мере того, как "Последнему приписываются несуществующие потенции, коллективное чувство безопасности, столь необходимое для комфортного существования общества, подвергается эрозии. Позволив же паническим настроениям подтолкнуть себя к неадекватным ответным мерам, господствующее сообщество само превращает себя в заложников своего немощного противника.

Слабые фанатики не могут изменить собственное положение, но в их власти делать жизнь стоящих выше себя все более незавидной. Сила слабости является политическим эквивалентом того, что военные стратеги окрестили асимметричными боевыми действиями. Фактически революция в военном деле, доводящая до максимума физическую силу того, кто главенствует в технологической сфере, компенсируется резким возрастанием социальной уязвимости, увеличивающим страх сильных перед слабыми.

Сила слабости открывает простор для эксплуатации четырех новых реальностей современной жизни. Во-первых, круг тех, кому доступны средства гигантской поражающей силы, уже не ограничивается мощными высокоорганизованными государствами. Как отмечалось в главе 1, способность нанести масштабный социальный

67

ущерб и в еще большей степени лишить покоя массы людей становится все более достигаемой даже для сравнительно небольших, но решительно настроенных группировок. Во-вторых, мобильность населения в планетарном масштабе, которой способствует не только наличие скоростных транспортных средств, но и нарастающая миграция, уничтожающая барьеры между некогда обособленными обществами, в сочетании с появлением всемирной коммуникационной инфраструктуры упрощает планирование и координацию для подпольных ячеек, которые в иных обстоятельствах действовали бы разрозненно. В-третьих, проницаемость демократических систем, облегчая проникновение и внедрение в открытые общества, делает чрезвычайно трудным выявление угроз и в конечном итоге ведет к повреждению самой социальной ткани демократии. В-четвертых, системная взаимозависимость современного общества образует благоприятную среду для развития цепных реакций. Даже если пострадает один из ключевых элементов системы, это вызовет эскалацию социального беспорядка и взрыв панических настроений.

Короче говоря, тактика «шока и трепета», провозглашенная стратегами революции в военном деле, получает противовес в виде парализующей паники, которую слабая сторона в состоянии без особых стараний посеять в рядах своего могущественного противника. Примером является колоссальная переоценка общественностью возможностей террористической сети «Аль-Каида», в которой видят прекрасно организованную, высоко дисциплинированную, способную проникать в любую точку планеты тайную армию террористов, владеющих новейшими технологиями и действующих под

эффективным руководством единого центра командования и управления. Часто звучащие после 11 сентября упоминания о «50 тысячах хорошо подготовленных террористов» «Аль-Каиды» многих убедили в том, что Америка да и весь Запад буквально наводнены подпольными ячейками технически обученных боевиков, готовых нанести серию скоординированных опустошительных ударов и нарушить общественную жизнь. Периодическое вывешивание в Соединенных

68

Штатах цветных лент в качестве сигналов тревоги разной степени тоже внесло свою лепту в представления, многократно преувеличивающие мощь призрачной организации и наделяющие ее лидера Усаму бен Ладена зловещей способностью проникать всюду, куда он ни пожелает³.

Гораздо правильнее рассматривать «Аль-Каиду» в качестве аморфного объединения групп исламских фундаменталистов, чьи главные заговорщики нашли на время безопасное пристанище в Афганистане под покровительством примитивно фундаменталистского режима «Талибан». Продукт разрушения афганского общества Советским Союзом и внезапной взрывоподобной реакции на советское вторжение со стороны разных мусульманских народов, исламский фундаментализм позже обратил свою распаленную враждебность против Америки, которую фундаменталисты стали презирать за поддержку Израиля, за покровительство непопулярным режимам ближневосточного региона и более всего за осквернение священных исламских земель размещением там американских военных баз. «Аль-Каида» выступила с вдохновляющей на борьбу проповедью, разработала идеологическую платформу, организовала сбор финансовых средств для повсеместного формирования новых групп, наладила начальную полевую подготовку боевиков, а также взяла на себя функцию широкого стратегического планирования деятельности разнообразных террористических ответвлений, жаждущих нанести удар по «большому сатане»⁴.

В результате в разных точках мира была предпринята серия отдельных террористических нападений на американские объекты, среди которых самые дерзкие, впечатляющие и разрушительные пришлись, бесспорно, на 11 сентября. Однако масштаб одновременных и явно согласованных ударов по целям в Нью-Йорке и Вашингтоне не был типичным ни по грандиозности замысла, ни по неожиданным результатам (поскольку даже организаторы этих акций, по всей вероятности, не могли предвидеть полного обрушения башен Всемирного торгового центра). То, что за нападениями 11 сентября не последовал, пусть даже с большим перерывом, новый столь же

69

сокрушительный удар, например взрыв в центре какого-нибудь города «грязной бомбы», чего многие так опасаются, лишний раз напоминает об ограниченности физических и организационных возможностей «Аль-Каиды», еще больше ослабленных благодаря операции США против руководства и баз организации в Афганистане.

Тем не менее события 11 сентября показали, как один-единственный, но психологически ошеломляющий удар, нанесенный невидимым противником, может менять мировосприятие и даже поведение мировой сверхдержавы. Трудно представить, что Соединенные Штаты начали бы весной 2003 года войну против Ирака, если бы раньше, осенью 2001 года, Америке не довелось пережить психологический шок. Определение Америкой ее роли в мире изменилось не из-за вызова, брошенного могущественным соперником, а из-за действий нескольких неизвестных фанатиков-самоубийц, воодушевленных и поддержанных далекой, но радикально настроенной подпольной группой, не имеющей никаких атрибутов власти современного государства.

Нападение «Аль-Каиды» продемонстрировало еще один важный парадокс, обнаруживающий себя в силе слабости: слабые обретают силу, всячески упрощая образ объекта своей ненависти, в то время как сильные, поступая подобным образом, ослабевают. Демонизируя все, что вызывает у

них презрение, слабые находят истовых последователей, проникнутых готовностью к самопожертвованию. Достаточно воскликнуть «большой сатана», чтобы все объяснить и внушить желание сражаться. С помощью этих слов пополняются ряды борцов и замышляются жестокие акции, в ходе которых насилие над невинными людьми само по себе наполняет преступников ощущением триумфа. Победу определяет не столько результат, сколько действие как таковое.

В отличие от слабых, сильные не могут позволить себе роскошь упрощения. Упрощая причину своих страхов, они обрекают себя на немощь. Коль скоро у тех, кто силен, широкие интересы, коль скоро различные аспекты их положения взаимозависимы, а их представление о благополучной жизни носит и субъективно, и объективно

70

многогранный характер, им нельзя демонизировать брошенный слабым противником вызов или сводить его к одномерному явлению. Поступая таким образом, сильная сторона рискует сосредоточиться лишь на поверхностных составляющих вызова, упустив из виду его более сложные и имеющие исторические корни компоненты.

Все это имеет практическое отношение к сплетенным в единый клубок дилеммам глобального беспорядка, с которыми сегодня сталкивается Америка. Одной только власти и мощи мало, чтобы удержать гегемонию Америки, ибо ее враги исполнены фанатизма, меньше дорожат своими жизнями и готовы, не мучаясь угрызениями совести, воспользоваться американскими демократическими принципами в собственных целях. Принуждение плодит новых недругов, но едва ли имеет шанс помешать им проникнуть на американскую территорию через оставляемые демократией лазейки и нанести удар изнутри. Если Соединенные Штаты желают сохранить у себя дома уклад жизни и свободу, которым они столь привержены, им надо обеспечить легитимность своего господства за пределами Америки. Это означает не что иное, как подлинное

сотрудничество с союзниками, а не только помощь просителям, и самое главное - настойчивые совместные усилия в постижении сложной природы сегодняшнего глобального беспорядка.

Слабые могут вести борьбу с «большим сатаной», потому что упрощенность их подхода помогает им компенсировать свою слабость. Сильным же непозволительно просто демонизировать врага, им надлежит противостоять противнику, поняв его во всей его сложности.

Беспокойный мир ислама

Безотлагательная проблема, которая встает в этой связи перед Америкой, заключается в неустойчивом состоянии ее отношений с миром ислама. Эти отношения отягощаются сильными эмоциями и немалой долей взаимного предубеждения. Террористические эксцессы и еще раньше революция в Иране с ее заведомо антиамериканской

71

направленностью привели к тому, что образ ислама в восприятии многих американцев является почти зеркальным отражением исламско-фундаменталистского представления об Америке как о «большом сатане».

Этот призрачный образ даже получил свое персональное воплощение. На телевизионных экранах в домах американцев в качестве олицетворения зла часто возникает Усама бен Ладен, в чьих внешности и одежде угадывается символическое указание на то, что ислам, арабы и терроризм органически неотделимы друг от друга⁵. Индустрия развлечений предлагает общественности в основном стереотипные версии исламского, и прежде всего арабского, «следа» в делах, связанных с террором. Еще в 1995 году, когда произошел террористический взрыв в Оклахома-Сити, главными подозреваемыми в глазах многих оказались американцы арабского происхождения. Прозрачные намеки средств массовой информации на виновность мусульман стали причиной примерно 200 безобразных инцидентов, прежде чем был установлен настоящий преступник.

Появление тенденции рассматривать последствия волнений в

исламском мире для безопасности Америки в алармистском ключе и смешивать разнородные политические проблемы под маской упрощенных формулировок было почти неизбежным. Поэтому Соединенным Штатам становится все труднее проводить последовательную долгосрочную политику, которая опиралась бы на вдумчивую и беспристрастную оценку современного состояния доктринальных и культурных амбиций исламского мира, а также действительной угрозы, которую они представляют для глобальной безопасности. Между тем, не проведя такого дифференцированного анализа, Америка не сможет регулировать поведение сложносоставных и разнородных сил, действующих в исламских регионах, а также эффективно противостоять намеренному разжиганию религиозной неприязни к Соединенным Штатам среди внушительной и политически все более активной части населения земного шара.

Дар аль-Ислам - «Обитель ислама» - представляет собой достаточно сложное явление. Его постоянные

72

атрибуты - разнообразие условий бытия, политическая хрупкость и взрывоопасность. Географически исламский мир можно приблизительно обозначить линией, которая ведет вдоль побережья Индийского океана от Индонезии к Персидскому заливу, затем поворачивает вниз к Танзании, следует через Африку по центральной части Судана до Нигерии и вдоль Атлантического побережья к берегам Средиземного моря, затем пересекает это море до пролива Босфор и продолжается до северной границы Казахстана, поворачивая здесь в южном направлении, чтобы охватить Западный Китай и части Индии, прежде чем вернуться к исходной точке, обогнув Борнео. В пределах очерченного этой линией полумесяца проживает большинство мусульман мира - около 1,2 миллиарда человек, приблизительно столько же, сколько насчитывает все население Китая. Из этого количества примерно 820 миллионов человек находится в Азии и 315 миллионов - в Африке, около 300 миллионов сосредоточено в

геополитически неустойчивой зоне Леванта, Персидского залива и Центральной Азии. В противоположность тиражируемому американскими средствами массовой информации пародийному образу мусульман, отождествляемых с арабами-семитами, наибольшая их часть в действительности обнаруживается в Южной и Юго-Восточной Азии: в Индонезии, Малайзии, Бангладеш, Пакистане и преимущественно индуистской Индии. Другие крупные массивы мусульманского населения с четко выраженной этнической принадлежностью включают иранских персов, турок (этнические турки проживают также в Азербайджане и нескольких центральноазиатских странах), а также египтян и нигерийцев.

По последним подсчетам, в 32 государствах - членах ООН мусульмане составляют не менее 86% населения, еще в 9 - от 66 до 85%, что в сумме дает 41 страну, где доминируют мусульмане. Ни одна из них не фигурирует в ежегодном издании организации «Фридом хаус» «Свобода в мире» среди «подлинно свободных» стран, то есть тех, где уважают и политические права, и гражданские свободы. Восемь стран квалифицированы как «отчасти свободные», все остальные считаются «несвободными»;

73

из числа последних 7 принадлежат к 11 наиболее «репрессивным» государствам. Кроме того, в 19 государствах мусульмане либо составляют немногим более половины населения, либо образуют крупные меньшинства (не менее 16% жителей), как в Индии, где, по приблизительным оценкам, проживают 120—140 миллионов мусульман. До 35 миллионов мусульман проживает в Китае, где-то около 20 миллионов - в России, примерно 11 миллионов - в Западной и Юго-Восточной Европе, от 5 до 8 миллионов - в Северной Америке и около 2 миллионов - в Латинской Америке.

Благодаря высокой рождаемости и обращению в мусульманство представителей иных конфессий исламский мир в настоящее время является самым быстрорастущим религиозным сообществом мира. В последние годы Ближний Восток обогнал все остальные регионы по темпам роста населения,

которые составили в среднем 2,7% в год по сравнению с 1,6% в остальной части Азии и 1,7% в Латинской Америке. Сходное положение наблюдается в мусульманских государствах, образующих пояс вдоль южных рубежей России; их население, насчитывающее сейчас около 295 миллионов человек, к 2025 году, вероятно, достигнет как минимум 450 миллионов. Существенную часть жителей мусульманских государств уже составляет молодежь, и ее доля будет увеличиваться. От того, насколько успешно эти молодые люди интегрируются в экономическую систему и какими путями произойдет их социализация, в значительной степени будут зависеть их политическая ориентация и поведение.

Почти каждое государство с преимущественно мусульманским населением, независимо от того, провозглашает ли оно себя исламским или нет, сталкивается с теми или иными формами религиозного вызова, которые часто сопровождаются требованием ввести шариат (строгий исламский кодекс поведения). Даже такие официально светские государства, как Египет, Алжир и Индонезия, не избежали потрясений на почве религиозно окрашенного брожения в обществе. Чтобы подавить движение «Братьев-мусульман» в Египте, потребовались годы борьбы, в ходе которой казни главарей организации чередовались

74

с драматическими убийствами первых лиц государства, таких как президент Анвар ас-Садат. В Алжире исламские активисты, чьи надежды на создание исламской республики путем победы на выборах были сорваны правительственным указом, развязали кровопролитную партизанскую войну против светского военного режима. В Индонезии две крупные конкурирующие религиозные партии располагают, по некоторым оценкам, поддержкой 70 миллионов верных сторонников, многие из которых получили образование в школах с религиозным уклоном (что часто подразумевает обучение на арабском языке), открытых этими партиями по всей стране.

Вследствие хрупкости светских политических институтов, слабости гражданского общества и удушения творческой мысли значительная часть исламского мира переживает заметный социальный застой⁶. Отчасти это положение является наследием недавней деколонизации, которая не оставила после себя жизнеспособных конституционных структур; отчасти - результатом постоянных трудностей, вызываемых необходимостью соотносить политику с религией в условиях, когда политическое сознание масс находится под сильным религиозным воздействием. Отчасти это также продукт возрастающих, но не находящих удовлетворения социально-экономических запросов и в какой-то мере - конечное последствие конкретных региональных или даже глобальных политических конфликтов. Однако степень тяжести этой проблемы в отдельных странах неодинакова, и, следовательно, любые поспешные суждения обобщающего или детерминистского характера о политическом будущем всего исламского мира необоснованны.

К тому же, даже если главным катализатором политического брожения является, судя по всему, религия, такие нерелигиозные факторы, как коррупция и неравенство в распределении материальных благ, также вносят немалую лепту в сохранение политической нестабильности. Несколько мусульманских стран страдают от крайней нищеты. В Афганистане ВВП не достигает и 200 долларов на душу населения, в Пакистане - колеблется вокруг 500 долларов, в то время как в близлежащем Кувейте этот

75

показатель превышает 20 тыс. долларов. Разрыв в уровне жизни еще более разителен внутри обществ, а в некоторых странах правящая элита без зазрения совести предается пороку обогащения (и часто, скрывая это, купается в роскоши), несмотря на социальную неустроенность подавляющего большинства населения.

Более того, бросающаяся в глаза практика сколачивания личных состояний правителями ряда мусульманских государств - самые вопиющие

примеры являют Саудовская Аравия, Пакистан и Индонезия — привела к тому, что осуществление функций политической власти стало полностью отождествляться с доступом к богатству - поведение, не вполне соответствующее строгим исламским канонам. Подобные впечатляющие случаи ненасытного стяжательства в сочетании с повсеместной слабостью гражданского общества и действиями раздутых и неэффективных бюрократических аппаратов, напоминая социальных паразитов, которые препятствуют динамичному развитию экономики и увековечивают массовую нищету, неизбежно порождают широкое возмущение и усиливают притягательность исламистского популизма. Строгое соблюдение законов шариата, внушают проповедники народу, навсегда покончит с лицемерием элиты.

Коррупция, надо признать, является характерной чертой большинства развивающихся стран, и особенно государств с так называемой «нефтяной экономикой». В этом отношении Нигерия (которая в составленном «Трансперенси Интернэшнл» Индексе восприятия коррупции за 2001 год заняла по честности чиновничества 90-ю позицию среди 91 страны), Индонезия (88-е место) и Пакистан (79-е место) попадают в одну категорию с такими немусульманскими странами, как Россия (делит с Пакистаном 79-е место), Индия (71-е место) и некоторые наркогосударства Латинской Америки.

В любом случае не приходится сомневаться, что большинству мусульманских государств предстоит и в дальнейшем оставаться слабыми и неэффективными, часто испытывать политические потрясения и с обидой смотреть на Запад, но более всего их внимание будет поглощено внутренними проблемами или распрями с соседями.

76

Положение дел в мусульманском мире будет служить источником угроз международной безопасности, периодически порождать вспышки терроризма и создавать атмосферу повсеместной напряженности. И

поскольку слабости сопутствуют социальные бедствия, яростный антиамериканизм будет здесь, скорее всего, не только следствием враждебности на общей религиозной почве, но и в не меньшей мере побочным продуктом либо недовольства в конкретных странах, либо региональных конфликтов.

Наиболее очевидным примером такого политического недовольства является возмущение, которое вызывает у арабов поддержка Израиля Соединенными Штатами⁷. Негодование по этому поводу постепенно охватило и мусульман неарабского происхождения в Иране и Пакистане. А в последнее время у афганцев и мусульманских народов Центральной Азии возникли подозрения, что Америка поощряет "попытки России ограничить распространение ислама среди своих новых южных соседей. Все это способствует формированию у мусульман транснационального политического самосознания, отличающегося как откровенным, так и подсознательным антиамериканизмом.

С точки зрения международной безопасности кардинальный вопрос, от которого зависит будущее, состоит в том, какое политическое направление примет охватившее «Обитель ислама» брожение. Является ли нынешняя волна религиозного фундаментализма предвестницей будущего господства этой философии? Или верх одержит радикализм под маской ислама? Действительно ли мусульманские общества не способны ввиду своих религиозных традиций и учений трансформироваться в демократические политические системы? Существует ли фундаментальная несовместимость между исламом и современностью, притом что смысл этого понятия определяется главным образом современным (оказавшимся привлекательным для всего мира) опытом Америки, Европы и Дальнего Востока, в развитии которых религиозные начала играют все меньшую роль? По мере рассмотрения этих вопросов сложность проблемы становится все явственнее.

власти в Иране - внимание Запада было в значительной мере приковано к исламскому фундаментализму. В условиях, когда в террористической деятельности светской Организации освобождения Палестины наметился спад, а к терроризму начали все чаще обращаться либо поддерживаемые Ираном шиитские организации, либо их суннитские двойники, получающие помощь от ваххабитов (символом которых стала знаменитая фигура Усамы бен Ладена), в западных средствах массовой информации сложилась традиция выделять именно фундаментализм в качестве силы, получающей все более широкое распространение и вес в исламском мире. Подспудное брожение даже в самых стабильных мусульманских странах часто представлялось как предзнаменование перехода власти в руки фундаменталистов.

Однако в действительности до оккупации Соединенными Штатами Ирака в 2003 году, в результате которой шиитские теократические устремления получили мощный импульс, феномен фундаментализма находился, скорее, в стадии заката. Даже в Иране громче зазвучал голос умеренных представителей теократического режима, которые подвергли критике жесткий догматизм и «социальную цензуру» имамов. Через 20 лет после фундаменталистской революции доминирующие позиции в общественной дискуссии в этой стране все больше захватывают политические и теологические реформаторы. Хотя общий контекст, в котором разворачивается полемика о будущем Ирана, по-прежнему определяется свойственным теократии соединением политики и теологии, идейное состязание постепенно смещается в направлении сужения сферы религии и расширения рамок свободного выбора. На протяжении 1999 и 2000 годов общественная жизнь Ирана протекала под знаком громких публичных судебных процессов над несколькими видными духовными лицами, которые, принимая деятельное участие в политических спорах, открыто выступали за ограничение религиозного контроля над политической жизнью, призывая, в частности, признать гражданское право

на критику теократии. Их взгляды пробудили широкое сочувствие в кругах иранской интеллигенции.

Пока не ясно, какова будет дальнейшая эволюция Ирана, но дни фундаменталистской теократии в этой стране сочтены. Она уже вступила в «фазу термидора». А без Ирана фундаментализм в других обществах лишится оплота, которую представлял для него этот государственный режим. Фундаменталистские движения могут создавать серьезные осложнения (как в Пакистане) и вносить вклад в обострение внутренних конфликтов (как в Судане), они могут быть причастными к отдельным террористическим акциям за рубежом (как в Индонезии) или становиться очагами сопротивления иностранной оккупации (как в Ливане и затем в Ираке). Однако им недостает внутреннего потенциала и исторической значимости, без которых этим движениям не удастся надолго сохранить политическую привлекательность в глазах сотен миллионов молодых мусульман, начинающих проявлять интерес к политике.

Исламский фундаментализм по своей сути реакционен - и в этом источник как его кратковременной популярности, так и его долговременной слабости. Его позиции наиболее сильны в самых изолированных и отсталых уголках мусульманского мира, будь то районы разрушенного советскими войсками Афганистана или цитадели ваххабизма в Саудовской Аравии. Однако молодое поколение мусульман, как бы ни воодушевляли его горькие обиды на внешних врагов или гнев против лицемерия собственных правителей, отнюдь не безразлично к соблазнам телевидения и кино. Идея разрыва с современным миром имеет шанс привлечь лишь фанатичное меньшинство. Подобный долгосрочный выбор не пригоден для всех тех, кто вовсе не склонен отказываться от преимуществ современной жизни. Большинство людей хотят перемен, но таких, которые отвечали бы и их собственным чаяниям.

Правда, исламскому фундаментализму удастся разжигать

антизападную ксенофобию, которая и составляет основной источник его политической жизнеспособности. Но стоит отметить, что за пределами шиитского Ирана

79

и оккупированного Израилем Южного Ливана с их весьма специфическими условиями только опустошенный советской интервенцией Афганистан и часть Судана оказались в руках крайне реакционных и радикально антизападных фундаменталистских сил. Если Соединенные Штаты не будут соблюдать осторожность, то же может случиться и в некоторых районах Ирака. Попытки же фундаменталистов взять власть в таких светских мусульманских государствах, как Египет, Алжир и Индонезия, были в основном пресечены; да и более консервативные режимы, якобы избравшие религиозно-исламский путь самоопределения, например правительство Марокко или придерживающиеся более догматичной традиционной ориентации власти Саудовской Аравии, оказались в состоянии противостоять росту политического влияния религиозного фундаментализма.

Более долгосрочный политический вызов, прежде всего в мусульманских странах с преобладанием суннитского населения, может исходить от популистских движений, которые исповедуют «исламизм»⁸ в качестве всеобъемлющей политической идеологии, не преследуя цель установления теократии как таковой. Возглавляемые обычно представителями светской интеллигенции, эти движения отличаются наступательным популизмом с религиозным оттенком. Исламисты нередко открыто критикуют религиозный фундаментализм, считая его реакционным и в конечном итоге обреченным на поражение, они стремятся предложить свой, основанный на мусульманских ценностях путь решения современных социальных и политических дилемм, которые, по их мнению, почти полностью игнорируются фундаменталистами-теократами. Неудивительно, что дело популистов, у которых интенсивность религиозных чувств дополняется социально-политической доктриной, находит, похоже, больший

отклик в мятущихся душах молодого поколения.

Почти в каждой мусульманской стране имеется современная, нередко получившая западное образование интеллигенция, в среде которой неустанно обсуждается проблема соотношения между исламом, демократией

80

и современностью. Во многих случаях эти споры, изобилующие ссылками на исламское учение, носят неразвитый и политически противоречивый характер. Политическая риторика исламистов нередко имеет привкус давно вынашиваемой обиды на Запад, которому ставится в вину его господство. Более ориентированные на Запад круги мусульманской интеллигенции в большинстве своем с особой подозрительностью относятся к таким понятиям, как «столкновение цивилизаций». В их представлении подобные категории выдают присущее Европе, Америке и Израилю ощущение собственного превосходства. Не стоит забывать, что за время, прошедшее с тех пор, как большая часть исламского мира освободилась от колониального гнета, успели вырасти лишь два поколения. Память о колониальном прошлом неизбежно накладывает отпечаток на современные дискуссии, придавая им эмоциональный накал.

Следуя веяниям времени, исламистские идеологи часто упоминают о «демократии», впрочем, ровно настолько часто, насколько это подобает плебисцитарному по своей сути популизму, руководствующемуся религиозными принципами. Стоящие перед мусульманскими странами экономические проблемы, острота которых усугубляется быстрым ростом населения, также не находят достойного места в их политических рассуждениях. Правда, в последнее время после очевидного провала этатистской экономической системы некоторые теоретики исламизма, которые прежде по религиозным соображениям в целом отдавали предпочтение национализации экономики, были вынуждены признать, что некоторая степень экономической свободы, опирающейся на частную собственность и рыночные механизмы, является непременным условием

экономического роста.

Соотношение между политической свободой и религией еще сложнее. Концепция западной светской демократии вызывает особое беспокойство исламистов, ибо для многих из них она предполагает, по существу, атеистическое общество. Процессы секуляризации Запада означают в их представлении отказ от признания высшего авторитета религии. Превалирующая в западных странах

81

тенденция считать неэтичным и аморальным лишь то, что признается незаконным, полагают исламисты, лишает Запад способности выносить моральные суждения. Таким образом, их приверженность шариату усиливается убежденностью в том, что отделение церкви от государства равнозначно уничтожению религиозной сферы светскими началами. В итоге исламистам чрезвычайно трудно установить, где надлежит провести черту между гражданской свободой и религиозным содержанием в исламском государстве. На эту тему исламисты ведут напряженный диалог, который, впрочем, так и не помог им прийти к какому-либо заключению⁹.

Религиозно мотивированный социальный радикализм исламистских политических движений в чем-то напоминает ранние этапы деятельности массовых популистских партий левого и правого толка, в изобилии возникших полтора века тому назад по всей Европе в качестве реакции на начавшуюся промышленную революцию и сопутствовавшую ей социальную несправедливость. Под влиянием негативных социальных тенденций зародилась, в частности, идея отвести центральную роль в экономической жизни общества государству, чтобы оно гарантировало более справедливое социальное устройство. Звучало и другое, сходное утверждение: даже современное общество нуждается в системе религиозных ценностей, внедрять которую надлежит государству. Но в Европе нередко болезненные дилеммы отношений между церковью и государством, стоявшие перед христианско-демократическими партиями, решались легче, потому что и общество, и

государство постепенно подчинялись здесь верховенству религиозно-нейтрального закона. Во взглядах же исламистов, предполагающих, что построенное на исламских ценностях государство по своей природе будет более справедливым, а послушное законам шариата общество — морально более чистым, политический посыл подкрепляется гораздо более сильным религиозным пылом.

Ввиду потенциальной привлекательности таких идей для широких масс радикальный исламистский популизм создает нешуточную проблему и для консервативных

82

формально религиозных режимов типа правительства Саудовской Аравии, и для более светских (чаще всего опирающихся на армию) режимов таких государств, как Алжир, Египет и Индонезия. В несколько меньшей степени и не столь непосредственно это касается Турции. Но возможно, исламизм есть нечто большее, нежели просто удачливый соперник исламского фундаментализма. Это движение может оказаться симптомом того, что некогда полная жизни, но дремлющая в последние столетия цивилизация начинает обретать новое дыхание.

Склонность Запада, и в первую очередь Америки, концентрировать внимание на крайностях и реакционных проявлениях исламского фундаментализма, прежде всего в Иране и Афганистане при талибах, отражает широко распространенное незнание тех интенсивных и впечатляющих интеллектуальным размахом дискуссий, которые ведет неравнодушная[^] политике мусульманская интеллигенция. Эти споры вовсе не укладываются в стереотипное представление об исламе как о застывшем средневековом учении, имманентно враждебном современности и не способном к восприятию демократии.

Тем не менее дебаты в исламском мире не всегда протекают в форме мирного диалога. Не только исламскому фундаментализму, но и исламистскому популизму свойственны экстремистские проявления, от

традиционного насилия с целью захвата власти до терроризма. В значительной мере этот экстремизм имеет внутреннюю направленность, сказываясь в периодических кровопролитиях в отдельных мусульманских государствах. Отсутствие демократических традиций в большинстве исламских стран благоприятствовало расцвету там всевозможных тайных обществ и движений, которые занялись организацией убийств своих соперников. В последние десятилетия расширение мусульманского присутствия в Западной Европе сопровождалось «экспортом» терроризма, в частности, во Францию, Соединенное Королевство, Германию и Испанию.

И все-таки в некоторых мусульманских странах, к числу которых принадлежат Индонезия, Бахрейн, Тунис,

83

Марокко и даже фундаменталистский Иран, не говоря уже о Турции, произошли мирные политические перемены, а это свидетельствует, что даже беспокойные мусульманские массы могут мало-помалу проникаться более умеренной политической культурой. В этом неустойчивом контексте исламистский популизм и исламский фундаментализм следует рассматривать в качестве диалектически взаимосвязанных явлений, отражающих брожение умов внутри мусульманского мира. Исламский фундаментализм («теза») является несвоевременной по существу, но все же постколониальной формой ислама, которая возникла как реакция протеста против господства светского Запада; исламистский популизм («антитеза») представляет собой попытку преодолеть наследие западного господства путем приспособления некоторых привнесенных им современных элементов, которые при этом получают догматическую исламскую интерпретацию и часто демагогически используются в качестве символов противопоставления Западу.

«Синтез» еще предстоит. Вероятнее всего, он воплотится во множестве форм, и первоначально лишь малая их доля, если таковые вообще найдутся, имеют шанс оказаться подлинно демократическими. Тем не менее многообразный мир ислама отнюдь не защищен от влияния глобальных

коммуникаций и последствий массового образования. Пусть постепенно и порой отнюдь не безболезненно, но мусульманские страны, одна за другой, по-видимому, все же пройдут свой собственный путь адаптации исламских заповедей к политике более современного типа, предполагающей вовлечение широких общественных слоев в политический процесс.

Адаптация будет совершаться различными способами, потому что, в отличие от марксизма, исламизм не является всесторонней идеологией, содержащей ориентиры и руководство к действию во всех сферах общественного бытия. О пробелах исламистов в экономике уже говорилось. Их желание воспользоваться современными технологическими достижениями в интересах наращивания национальной мощи неминуемо повлечет за собой незапланированные результаты. Даже фальшивая

84

риторика в духе демократии будет прокладывать дорогу для легитимации со временем гражданских прав и их отделения от религиозной сферы. Следовательно, будут постепенно раздвигаться рамки светского измерения жизни, а исламистский популизм будет выступать движущей силой общественно-политических перемен, даже если содержание этих изменений в конечном счете определяют иные факторы.

Процесс, разумеется, не будет равномерным. Временами исламистский популизм не избежит фанатичного экстремизма, особенно если масло в огонь подольют вполне конкретные обиды и претензии на этнической либо национальной почве. Тем не менее с теологической точки зрения нет оснований считать ислам более враждебным демократии, чем христианство, иудаизм или буддизм. Исповедующим эти религии обществам доводилось сталкиваться с собственными версиями фундаменталистского сектанства[^] но во всех случаях возобладала тенденция к становлению политического плюрализма посредством постепенного согласования между светским и религиозным началами.

Таким образом, Соединенным Штатам следует поостеречься создавать

впечатление, что они считают ислам неспособным, ввиду его якобы принципиально иной культурной природы, пройти те же этапы политического развития, что и христианский и буддистский миры. Шестьдесят лет тому назад было отнюдь не очевидно, что Германия и Япония станут сегодня оплотами демократии. В том, что демократия утвердится в Южной Корее и на Тайване, уверенности не было еще в начале 1980-х годов. А то, что индонезийцы сумеют мирным путем сместить двух своих президентов, виновных в должностных преступлениях, казалось маловероятным всего пять лет назад. И совсем недавно было абсолютно невозможно представить, что в Иране состоятся относительно свободные выборы. Америка нуждается сейчас в политически тонком экуменизме, который позволил бы не только преодолеть антизападные настроения во многих мусульманских странах, но и избавиться от свойственных американскому общественному мнению стереотипов, мешающих США

85

проводить гибкую политику обеспечения национальной безопасности.

В конечном счете интересы национальной безопасности Америки требуют, чтобы последователи мусульманства начали рассматривать себя как такую же часть формирующегося глобального сообщества, что и ныне процветающие демократические страны планеты с другими религиозными традициями. Не менее важно, чтобы в глазах политически активных элементов исламского мира Соединенные Штаты не выглядели фундаментальным препятствием на пути к возрождению исламской цивилизации, главным покровителем социально отсталых и поглощенных собственными экономическими интересами элит или пособником других держав, которые пытаются увековечить либо восстановить полуколониальный статус тех или иных мусульманских народов. Но еще важнее добиться того, чтобы усилиями умеренных мусульманских течений исламские экстремисты оказались в изоляции. Построение более безопасного мира просто не достижимо без конструктивного участия 1 миллиарда 200

миллионов проживающих на планете мусульман. Лишь проводя тщательно дифференцированную политику, учитывающую многообразные реальности мусульманских обществ, Соединенные Штаты могут приблизиться к осуществлению этой пусть все еще далекой, но желанной цели.

Зыбучие пески гегемонии

В предстоящие несколько десятилетий самым нестабильным и опасным регионом мира, взрывного потенциала которого достаточно, чтобы ввергнуть планету в состояние хаоса, будут новые Мировые Балканы. Именно здесь Америка может незаметно оказаться втянутой в столкновение с исламским миром, именно здесь несовпадение ее курса с политикой Европы рискует расколоть даже Атлантический союз. При совпадении же двух этих перспектив под вопрос может быть поставлена сама мировая гегемония Америки.

86

Вот почему принципиально важно признать: процессы брожения в мусульманском мире должны рассматриваться прежде всего в региональном, а не глобальном контексте и, скорее, через геополитическую, чем теологическую призму. Мир ислама разобщен как политически, так и религиозно. Он лишен политической стабильности и слаб в военном отношении и, по видимому, останется таковым в течение еще некоторого времени. Неприязнь к Соединенным Штатам, поголовно охватившая население ряда мусульманских стран, порождена не столько общей религиозной предвзятостью, сколько конкретными политическими претензиями: иранские националисты, к примеру, возмущены покровительством, которое США оказывали шаху, предубеждения арабов объясняются американской поддержкой Израиля, а пакистанцам кажется, что Соединенные Штаты отдают предпочтение Индии.

Сложность вызова[^] с которым сегодня сталкивается Америка, затмевает проблемы, вставшие перед ней полвека назад в Западной Европе. В то время стратегически решающая фронтовая линия, разделившая Европу по

Эльбе, являлась источником максимальной опасности, ибо в любой день вероятная стычка в Берлине могла спровоцировать ядерную войну с Советским Союзом. Тем не менее Соединенные Штаты признали масштаб поставленных на карту интересов и взяли на себя обязательства по обороне, умиротворению, реконструкции и возрождению жизнеспособного европейского сообщества. Поступая таким образом, Америка приобрела естественных союзников, разделяющих ее собственные ценности. По окончании «холодной войны» Соединенные Штаты возглавили процесс преобразования НАТО из оборонительного альянса во все более широкий союз безопасности, заполучив при этом нового горячего сторонника в лице Польши, а также поддержали включение новых членов в состав Европейского союза (ЕС).

В течение срока жизни по крайней мере одного поколения важнейшая задача Соединенных Штатов в деле укрепления глобальной безопасности будет состоять в умиротворении и затем реорганизации на началах

87

сотрудничества региона, представляющего собой главную в мире зону политической несправедливости, социальных лишений, высокой плотности населения и, к тому же, обладающего громадным потенциалом насилия. Здесь же сосредоточена большая часть мировых залежей нефти и природного газа. В 2002 году на обозначаемый понятием «Мировые Балканы» ареал приходилось 68% разведанных мировых запасов нефти и 41% - природного газа; его доля в мировой добыче нефти составляла 32%, газа - 15%. Ожидается, что в 2020 году на этой территории (вместе с Россией) будет добываться примерно 49 млн. баррелей нефти ежедневно, то есть 45% от общего объема мирового производства (107,8 миллиона баррелей в день). Потребителями же 60% добываемой в мире нефти, согласно прогнозам, будут являться три ключевых региона - Европа, Соединенные Штаты и Дальний Восток (16, 25 и 19% соответственно).

Сочетание нефтяного фактора и неустойчивости не оставляет

Соединенным Штатам выбора. Америке брошен вызов, требующий выдержки и бесстрашия: она должна помочь сохранить некий уровень стабильности в далеких от устойчивости государствах, чьи народы все больше подвержены политическим волнениям, все меньше склонны к социальной пассивности и исполнены религиозным пылом. Ей надлежит предпринять еще более титаническое начинание, нежели то, что было осуществлено ею свыше полувека тому назад в Европе, ибо на этот раз американцам предстоит действовать на территории культурно чуждого, политически беспокойного и этнически смешанного мира.

Прежде этот отдаленный регион был предоставлен собственной судьбе. До середины прошлого столетия преобладающая его часть находилась под властью имперских и колониальных держав. Сегодня же игнорировать проблемы этой территории и недооценивать их потенциальную способность вызвать мировой разлом было бы равнозначно объявлению об открытии там «сезона» нарастающего насилия, распространения по всему региону террористической заразы и состязания в приобретении оружия массового поражения.

Итак, перед Соединенными Штатами стоит монументальная по масштабам и сложности задача. С кем и каким образом надлежит взаимодействовать Америке, чтобы помочь стабилизировать эту зону, утвердить там мир и в конечном счете переустроить ее на принципах сотрудничества - ответы на основополагающие вопросы подобного рода далеко не самоочевидны. Опробованные в Европе рецепты, наподобие «плана Маршалла» или НАТО, успеху которых немало способствовали глубокие культурно-политические узы трансатлантической солидарности, не вполне пригодны для разнородного в культурном отношении региона, все еще раздираемого историческими распрями. Национализм пока находится здесь на более ранней и эмоциональной стадии развития, чем это было в уставшей от ратных трудов Европе (истощенной двумя грандиозными междоусобными войнами, разразившимися в течение всего лишь трех десятилетий). Особый

накал националистическим чувствам придают и религиозные страсти, напоминающие 40-летнюю войну между европейскими католиками и протестантами почти 400-летней давности.

К тому же, у Америки нет естественных, связанных с ней исторически и культурно союзников в этой части мира, в отличие от Европы, где таковые нашлись в лице Великобритании, Франции, Германии и даже, с недавних пор, Польши. В сущности, Америку ожидает плавание в неведомых водах без надежных навигационных карт, плавание, в ходе которого ей придется самой прокладывать курс, внося разнообразные поправки, но не позволяя ни одной региональной державе диктовать себе направление движения и выбор приоритетов. Разумеется, в регионе есть несколько государств, которых нередко называют потенциальными ключевыми партнерами Америки в переустройстве Мировых Балкан: Турция, Израиль, Индия и примыкающая к данной зоне Россия. Но, к сожалению, у всех этих стран имеются либо серьезные изъяны, подрывающие их способность содействовать региональной стабильности, либо собственные цели, вступающие в противоречие с более широкими американскими интересами в регионе.

89

Турция является союзником Америки вот уже на протяжении полувека. Доверие и признательность Соединенных Штатов она заслужила еще своим непосредственным участием в корейской войне. Эта страна показала себя прочным и надежным южным форпостом НАТО. После крушения Советского Союза Турция взялась активно поддерживать Грузию и Азербайджан в их стремлении упрочить новоприобретенную независимость. К тому же, она стала настойчиво рекламировать собственную модель политического развития и социальной модернизации в качестве подходящего эталона для центральноазиатских государств, чье население в большинстве своем принадлежит к ареалу тюркских культурно-лингвистических традиций. В этом смысле заметная стратегическая роль Турции удачно дополняет политику Америки, направленную на укрепление недавно

обретенной независимости постсоветских государств региона.

Однако два немаловажных негативных обстоятельства, имеющих отношение к внутренним проблемам Турции, ограничивают ее роль в регионе. Первое касается все еще неясных перспектив наследия Ататюрка: удастся ли Турции трансформироваться в светское европейское государство вопреки тому, что подавляющее большинство ее населения исповедует мусульманство? Именно это стало ее целью с того самого момента, как в начале 1920-х годов Ататюрк приступил к претворению в жизнь своих реформ. С тех пор Турция добилась выдающихся успехов, но и по сей день ее грядущее вступление в Европейский союз (которого она упорно добивается) остается под вопросом. Если перед Турцией окончательно захлопнутся двери ЕС, нельзя будет исключить возрождения в этой стране исламских религиозно-политических традиций и, как следствие, радикальной (и, вероятно, сопряженной с внутренними потрясениями) смены ее международного курса. Недооценивать эту вероятность не стоит.

Европейцы нехотя одобрили идею присоединения Турции к Европейскому союзу, в основном ради того, чтобы не допустить серьезного регресса в политическом развитии этой страны. Европейские лидеры признают, что преобразование Турции из государства, руководствующегося

90

мечтой Ататюрка об обществе европейского типа, в исламскую теократию неблагоприятно повлияло бы на безопасность Европы. В противовес данному соображению многие европейцы убеждены, что строительство Европы должно зиждиться на ее общем христианском наследии. Поэтому Европейский союз, вероятно, постарается как можно дольше оттягивать момент четкого обязательства открыть двери для Турции. Но такая перспектива, в свою очередь, повлечет недовольство Турции, увеличив риск ее превращения в недружественное исламское государство со всеми вытекающими отсюда потенциально губительными последствиями для Юго-Восточной Европы¹⁰.

Второе обстоятельство, связывающее Турцию руки и лимитирующее ее роль, заключается в проблеме Курдистана. Значительную долю более чем 70-миллионного населения Турции составляют курды. Их фактическая численность, как и сама национальная принадлежность турецких курдов, служит предметом споров. Согласно официальной точке зрения турецких властей, в Турции проживают не более 10 миллионов курдов, и все они являются, по существу, турками. По словам же курдских националистов, курдское население Турции достигает 20 миллионов человек и мечтает жить в независимом Курдистане, который объединил бы всех курдов (насчитывающихся, как утверждается, от 25 до 35 миллионов человек), пребывающих в настоящее время под турецким, сирийским, иракским и иранским господством. Каково бы ни было реальное положение вещей, курдская этническая проблема и потенциальная вероятность возвращения на религиозно-исламскую стезю во многом делают Турцию, независимо от ее конструктивной роли в качестве модели регионального масштаба, одним из источников фундаментальных дилемм региона.

Другим, казалось бы, очевидным кандидатом на роль привилегированного союзника США в регионе является Израиль. Будучи демократической и культурно родственной Америке страной, Израиль автоматически пользуется ее расположением, не говоря уже о внушительной политической и финансовой поддержке со стороны

91

американской еврейской общины. Став в момент своего создания убежищем для жертв холокоста, израильское государство с тех пор вызывает сочувствие у американцев. Когда Израиль оказался объектом враждебности арабов, Америка тут же отдала предпочтение жертве несправедливости. Начиная приблизительно с середины 1960-х годов Израиль находится под особым покровительством Америки, получая от нее беспрецедентную финансовую помощь (80 млрд. долларов за период после 1974 г.). США предоставили ему защиту, действуя практически в одиночку, вопреки

неодобрению и санкциям ООН. При возникновении серьезного регионального кризиса Израиль в качестве ведущей военной державы Ближнего Востока в состоянии не только исполнять функцию американской военной базы, но и внести весомый вклад в любые военные действия, которые могли бы потребоваться от Соединенных Штатов.

Между тем американские и израильские интересы в регионе совпадают не полностью. У Америки имеются крупные стратегические и экономические интересы на Ближнем Востоке, продиктованные наличием здесь колоссальных энергетических ресурсов. Америка не только извлекает экономические выгоды из относительно низких цен на ближневосточную нефть. Ее роль в обеспечении региональной безопасности дает ей косвенные, но в политическом смысле решающие рычаги влияния на экономику европейских и азиатских стран, которая также зависит от экспорта энергоносителей из этого региона. Следовательно, национальным интересам США отвечают хорошие отношения с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами, подразумевающие, что эти государства и в дальнейшем будут полагаться в вопросах безопасности на Америку. С позиций Израиля, однако, обусловленные данными соображениями американско-арабские связи являются неблагоприятным обстоятельством: они не только ставят предел поддержке, которую Соединенные Штаты готовы оказывать Израилю в территориальных вопросах, но и делают Америку более восприимчивой к недовольству арабов израильской политикой.

92

Среди причин этого недовольства первое место занимает палестинский вопрос. То, что проблема окончательного статуса палестинского народа остается неурегулированной на протяжении более чем 35 лет после оккупации Израилем сектора Газа и Западного берега, вне зависимости от того, кто на самом деле несет за это ответственность, усиливает и оправдывает в глазах арабов неприязненное отношение многих мусульман к

Израилю¹¹. В сознании арабов нерешенность палестинской проблемы поддерживает представление об Израиле как о навязанном региону чуждом и временном колониальном образовании. И то, что арабы видят в Америке государство, поощряющее репрессии Израиля против палестинцев, снижает ее шансы погасить волну антиамериканских эмоций в странах региона. Все это затрудняет совместное выдвижение конструктивных американо-израильских инициатив, способных содействовать развитию многостороннего регионального сотрудничества в политической и экономической областях, а также не позволяет США возложить на вооруженные силы Израиля выполнение сколько-нибудь серьезных задач в регионе.

После событий 11 сентября на передний план выдвинулась идея стратегического регионального партнерства с Индией. Список ее достоинств выглядит по меньшей мере столь же внушительно, что и «послужные списки» Турции или Израиля. Благодаря одним только своим размерам и мощи Индия влияет на ситуацию в регионе, а заслуги на демократическом поприще делают ее привлекательным союзником и с идеологической точки зрения. Более 50 лет с момента обретения независимости ей удается сохранять демократическое устройство. Она сумела остаться верной демократии, невзирая на массовую бедность и социальное неравенство, а также ярко выраженную этническую и религиозную неоднородность населения, большинство которого составляют индусы (официально индийское государство носит светский характер). Длительная конфронтация между Индией и ее исламским соседом Пакистаном, которой сопутствуют кровопролитные столкновения с партизанскими силами в Кашмире и террористические акты в этом

93

штате, организуемые пользующимися благосклонностью Пакистана мусульманскими экстремистами, заставила Индию после 11 сентября особенно категорично заявить о своей солидарности с Америкой в борьбе против терроризма.

Тем не менее альянс между США и Индией в регионе в любом случае вряд ли выйдет за рамки ограниченного соглашения. Две немаловажные преграды препятствуют более масштабному партнерству. Одна из них обусловлена религиозной, этнической и лингвистической мозаичностью индийского общества. Несмотря на все усилия сплотить миллиардное культурно неоднородное население страны в единую нацию, Индия по-прежнему является индуистским в своей основе государством, наполовину окруженным мусульманскими соседями; притом в пределах ее границ обитает крупное, насчитывающее 120-140 миллионов человек мусульманское меньшинство, отношения с которым могут стать весьма напряженными. Религия и национализм, воспламеняя друг друга, способны разжечь здесь нешуточные страсти.

До сих пор Индии удавалось исключительно успешно справляться с задачей сохранения структуры единого государства и демократической системы, но немалая часть ее населения оставалась, по сути, политически пассивной и (в первую очередь в сельских районах) неграмотной. Есть опасность, что с постепенным ростом политического сознания и общественной активности увеличится и интенсивность раздоров на этнической и религиозной почве. Происходящее в последнее время развитие политического сознания как индуистского большинства Индии, так и ее мусульманского меньшинства рискует поставить под угрозу сосуществование различных общин страны. Удержать под контролем внутренние трения и напряженность может оказаться особенно трудным, если под войной с терроризмом будет подразумеваться в первую очередь борьба против ислама, а именно так пытаются ее интерпретировать наиболее радикальные индуистские политики.

Во-вторых, внимание Индии во внешнеполитической сфере приковано к соседям - Пакистану и Китаю.

многолетнего конфликта в Кашмире, но и в некоем высшем смысле - как государство, истоки национальной идентичности которого коренятся в религиозном самоутверждении, как символ отрицания индийского пути самоопределения. Тесные узы между Пакистаном и Китаем обостряют ощущение угрозы, тем более что Индия и Китай являются естественными соперниками в борьбе за геополитическое доминирование в Азии. Индию до сих пор терзают мучительные воспоминания о военном поражении, которое Китай нанес ей в ходе кратковременного, но яростного пограничного столкновения 1962 года, получив в итоге в свое владение спорную территорию Аксайцин.

Соединенные Штаты не могут поддержать Индию ни против Пакистана, ни против Китая, не заплатив при этом неприемлемо высокую стратегическую цену в другом месте: в Афганистане, если они изберут антипакистанский курс, или на Дальнем Востоке, если речь пойдет об альянсе антикитайского характера. Ввиду всех этих внутренних и внешних факторов Индия лишь в ограниченной степени способна быть союзником Соединенных Штатов в долгосрочной политике формирования, не говоря уже о силовом установлении, более стабильной системы отношений в пределах Мировых Балкан.

И наконец, остается вопрос: в какой мере на роль главного стратегического партнера Америки в улаживании региональных евразийских противоречий годится Россия? Нет сомнений, что она располагает средствами и опытом для оказания помощи в таком деле. Хотя, в отличие от других рассмотренных кандидатов, Россия уже не является в точном смысле слова частью региона - времена ее колониального господства в Центральной Азии миновали. Москва, тем не менее, оказывает значительное влияние на все непосредственно примыкающие к южным российским границам страны и имеет тесные связи с Индией и Ираном; ко всему прочему, на российской территории проживает примерно 15-20 миллионов мусульман.

В то же время Россия с некоторых пор видит в своих мусульманских

источник политических и демографических угроз, а российская политическая элита обнаруживает все большую восприимчивость к антиисламским призывам религиозного и расистского характера. В таких обстоятельствах Кремль с готовностью ухватился за события 11 сентября, воспользовавшись ими как возможностью вовлечь Америку в противостояние исламу под лозунгом «войны с терроризмом».

И все же Россия в качестве потенциального партнера США тоже не лишена недостатков, унаследованных от прошлого, причем совсем недавнего прошлого. Афганистан был опустошен 10-летней войной, которую вела там российская армия, Чечня находится на грани вымирания в результате политики геноцида, а недавно получившие независимость центральноазиатские государства все больше расположены отождествлять смысл современного периода своей истории с борьбой за освобождение от российского колониализма. Поскольку подобные исторические обиды по-прежнему живо ощущаются в регионе, а Россия, как явствует из множества признаков, считает в данный момент своим приоритетом консолидацию связей с Западом, она во все большей степени воспринимается региональными государствами в качестве бывшей колониальной европейской державы и все меньше - в качестве родственного евразийского образования. То, что сегодняшней России почти нечего предложить соседям в плане общественной модели для подражания, также сужает ее роль в любом международном партнерском объединении под американским руководством, которое могло бы быть сколочено в интересах стабилизации, развития и в последующем — демократизации региона.

В конечном счете Америке остается рассчитывать лишь на одного подлинного партнера в обустройстве Мировых Балкан - Европу. Хотя ей понадобится помощь ведущих восточноазиатских государств, таких как Япония и Китай (Япония предоставит некоторую, пусть не слишком вну-

шительную, материальную поддержку и миротворческий контингент), маловероятно, что кто-либо из них примет на данном этапе полноценное участие в этих усилиях. Только Европа, постепенно самоорганизующаяся

96

в Европейский союз и интегрированная в рамках НАТО, обладает надлежащим потенциалом в политической, военной и экономической сферах, чтобы совместно с Америкой взять на себя задачу вовлечения различных евразийских народов на дифференцированной гибкой основе в процесс укрепления региональной стабильности и постепенного раздвижения рамок трансевразийского сотрудничества. Именно связанный с Америкой наднациональный Европейский союз имеет больше шансов избежать подозрений в рецидиве колониалистских мотивов и намерении утвердить либо восстановить в регионе прежде всего собственные экономические позиции.

Сообща Америка и Европа располагают разносторонним опытом и обширным спектром материальных преимуществ, которые позволяют им внести определяющий вклад в формирование политического будущего Мировых Балкан. Вопрос заключается в том, найдется ли у Европы, озабоченной в основном вопросами собственного единства, достаточно воли и великодушия, чтобы вместе с Америкой действительно приняться за общее начинание, которое по сложности и размаху намного превосходит предыдущий успешный совместный американско-европейский проект, направленный на сохранение мира в Европе и последовательное преодоление раскола Европейского континента. Но сотрудничества с Европой не получится, если полагать, что оно должно сводиться к ее следованию американским директивам. Война с терроризмом может быть первой вехой, знаменующей переход к активному вмешательству в дела Мировых Балкан, но она никак не может составлять его смысл. Европейцы, не столь травмированные трагедией 11 сентября, понимают это лучше американцев. Вот почему помимо других причин при организации каких бы то ни было совместных действий Атлантического сообщества не обойтись без широкого

стратегического консенсуса относительно дол госрочного характера стоящей перед союзниками задачи.

В какой-то мере те же соображения применимы и к потенциальному вкладу Японии. Она тоже может и должна стать важным действующим лицом, пусть и не из числа бесспорных исполнителей ведущих партий.

97

В течение некоторого времени Япония будет остерегаться брать на себя заметную военную роль за пределами непосредственных потребностей национальной самообороны. Однако несмотря на стагнацию последних лет, Япония остается вторым государством мира по экономической мощи. Финансовая поддержка ею усилий, предназначенных расширить зону мира на планете, имела бы ключевое значение и в конечном счете соответствовала бы ее собственным интересам. Таким образом, Япония наряду с Европой должна рассматриваться в качестве вероятного партнера Америки в предстоящей длительной схватке с многочисленными разнородными силами на территории Мировых Балкан.

Короче говоря, чтобы справиться с взрывоопасным потенциалом региона, Америке потребуется широко спланированная стратегия сотрудничества. Как свидетельствует успешный опыт формирования евроатлантического сообщества, разделить неизбежное бремя нельзя, не разделив право принимать решения. Только привлекая своих основных партнеров к совместному моделированию всеобъемлющей стратегии действий, Америка сумеет не увязнуть в зыбучих песках единоличной гегемонии.

Стратегия разделенной ответственности

Коль скоро проблемы Мировых Балкан представляют собой практически нерасчленимое сплетение накладывающихся друг на друга конфликтов, первым шагом в определении комплексной стратегии ответа на этот вызов должно стать выявление приоритетов. На общем фоне выделяются три центральные взаимосвязанные задачи: 1) урегулирование

арабо-израильского конфликта, который столь пагубно влияет на положение в Ближневосточном регионе; 2) изменение стратегического расклада в нефтедобывающей зоне, простирающейся от района Персидского залива до Центральной Азии; 3) привлечение ведущих стран к участию в региональных соглашениях по вопросам нераспространения ОМУ и сдерживания террористической эпидемии.

98

Установление мира между Израилем и его арабским окружением является самой настоятельной необходимостью, ибо без этого принципиально невозможно приступить к выполнению двух остальных задач. Непосредственным предметом раздоров служит израильско-палестинский конфликт, отдельное урегулирование которого должно составлять ближайшую цель. Однако существует более широкая проблема враждебности арабского сообщества по отношению к Израилю - явления, которое порождает напряженность на Ближнем Востоке и рикошетом возбуждает неприязнь мусульман к Америке¹². Единственный способ улучшить положение - добиться справедливого и жизнеспособного мира, который в последующем стал бы основой конструктивного сотрудничества между Израилем и Палестиной и, таким образом, развеял бы предубеждения арабов, заставив их признать Израиль в качестве постоянного неотъемлемого фигуранта на ближневосточной сцене. ~^

Улаживание этого вопроса тем более безотлагательно, что столкновение с подводными камнями Ближнего Востока грозит евроатлантическому альянсу расколом. Хотя доминирующей иностранной державой на Ближнем Востоке является Америка, ее отношения с Европой могут подвергнуться тяжкому испытанию из-за того, что по обе стороны Атлантики по-разному смотрят на то, как лучше действовать в регионе. На протяжении нескольких десятилетий после провала франко-британской авантюры 1956 года район Суэцкого канала и Персидского залива фактически находится под американским протекторатом. Покровитель

постепенно сменил проарабский курс на произраильскую линию, одновременно добившись устранения сколько-нибудь ощутимого политического влияния в регионе со стороны Европы, а затем и Советского Союза. Убедительные военные победы, одержанные в ходе кампаний 1991 и 2003 годов против Ирака, утвердили Соединенные Штаты в роли единственного внешнего арбитра в этой зоне.

После трагедии 11 сентября у наиболее консервативных элементов политического истеблишмента Америки, прежде всего у тех, чьи симпатии явно принадлежат

99

олицетворяемой «Ликудом» части израильского политического спектра, появилось искушение осуществить идею абсолютно нового порядка на Ближнем Востоке, который, как предполагается, Соединенные Штаты навяжут региону, мотивируя это необходимостью ответить на новые вызовы терроризма и распространения ОМУ. Стремление воплотить эту мысленную конструкцию в жизнь уже привело к насильственному свержению диктатуры Саддама Хусейна в Ираке и предвещает возможные дальнейшие акции против баасовского режима в Сирии либо теократии в Иране. Одновременно раздаются призывы к Соединенным Штатам дистанцироваться во имя демократии от нынешних правителей Саудовской Аравии и Египта и оказать давление на эти страны, требуя их внутренней демократизации, пусть даже в ущерб американским интересам в регионе.

Уже очевидно, что Европейский союз, у которого понемногу обнаруживаются собственные внешнеполитические интересы, не останется лишь пассивным наблюдателем или сговорчивым сторонником всего, что бы ни предприняли США на Ближнем Востоке. На самом деле именно на ближневосточном направлении Европейский союз впервые начинает не только нащупывать контуры по-настоящему единой и полномасштабной европейской стратегии, но и оспаривать монополию Америки на роль регионального арбитра. В Севильской декларации от 22 июня 2002 г. ЕС

сделал важный шаг вперед, сформулировав концепцию мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, которая существенно расходится с американской концепцией¹³. Нарастающие между США и ЕС разногласия в отношении послевоенного обустройства в Ираке и возможной политической эволюции Ирана могут придать самоутверждению Европы дополнительный импульс.

В ближайшей перспективе у Америки хватит сил и воли, чтобы игнорировать мнение европейцев. Опираясь на свою военную мощь, она сможет одержать верх и вынудить Европу временно пойти на уступки. Однако Европейский союз располагает экономическими ресурсами и финансовыми средствами, привлечение которых

100

кардинальным образом повысит шансы на достижение долгосрочной стабильности в регионе. Следовательно, подлинно долговременного решения этой проблемы не добиться, если Соединенные Штаты и Европа не станут действовать более согласованно. Коль скоро Ближний Восток имеет для Европы по меньшей мере такое же жизненно важное значение, как Мексика для Америки, ЕС, мало-помалу определяя собственное политическое лицо, будет все больше порываться выступать здесь с собственных позиций. И не где-то, а именно на Ближнем Востоке европейская внешняя политика впервые после фиаско 1956 года в Суэце способна приобрести отчетливую *антиамериканскую* направленность.

Между тем наметившийся в евроатлантическом сообществе раскол из-за Ближнего Востока вполне обратим. Не часто наблюдается такой международный консенсус, какой существует относительно сути будущего договора о мире между Изр"аилем и Палестиной. Имеются даже проекты возможного мирного договора, которые идут значительно дальше, нежели расплывчатая «дорожная карта», неохотно одобренная администрацией Буша весной 2003 года. Загвоздка в действительности состоит в том, как найти способ убедить израильтян и палестинцев поставить все точки над *i*, и этот

поиск будет непростым испытанием, несмотря на реальные настроения в поддержку мирного компромисса среди израильского и палестинского народов. Предоставленные самим себе, они оказались не в состоянии ни преодолеть свои давние противоречия, ни оставить в прошлом взаимные подозрения и ожесточенность.

Только Соединенным Штатам и Европейскому союзу, выступающим заодно, под силу по-настоящему ускорить этот процесс. Для этого им придется заняться обстоятельной проработкой основных содержательных положений, а не только процедурных аспектов израильско-палестинского мирного соглашения. В общих чертах в соответствии с существующим международным консенсусом его главные пункты должны заключаться в следующем: признание двух государств в границах 1967 года, но со взаимными уступками, которые позволят включить

101

в территорию Израиля пригородные поселения вблизи Иерусалима; создание двух столиц непосредственно в Иерусалиме; предоставление палестинским беженцам лишь номинального или символического права вернуться на прежнее место жительства с размещением основной массы возвращающихся беженцев на территории Палестины, возможно, в покинутых израильских поселениях; демилитаризация Палестины и, предположительно, размещение там миротворческих сил НАТО либо иного международного контингента; полное и недвусмысленное признание Израиля его арабскими соседями.

Одобрение при содействии международного сообщества жизнеспособной формулы сосуществования Израиля и Палестины не устранил всего комплекса разнообразных конфликтов в регионе, но принесет тройную пользу. Несколько поутихнет ненависть ближневосточных террористов к Америке; будет обезврежена «мина», с наибольшей вероятностью способная стать детонатором общерегионального взрыва; а Соединенные Штаты и Европейский союз смогут более согласованно подходить к

проблемам региональной безопасности, не создавая впечатления, что затевается «крестовый поход» против исламского мира. Урегулирование арабо-израильского конфликта стараниями Америки способствовало бы постепенной демократизации прилегающих арабских государств, ибо инициативы США уже не выглядели бы в глазах арабов как попытка воспользоваться проблемой демократизации в качестве очередного предлога для отсрочки всеобъемлющего палестино-израильского примирения.

Построение стабильного Ирака после военного вторжения 2003 года точно так же представляет собой грандиозную и долговременную задачу, единственным способом облегчить выполнение которой является сотрудничество между США и ЕС. Не исключено, что с падением прежнего иракского режима вновь обострятся латентные пограничные споры этой страны с Ираном, Сирией и Турцией. Лишние осложнения по ходу дела может внести курдская проблема, а внутренняя вражда между иракскими суннитами и шиитами рискует привести к затяжной

102

нестабильности, сопровождаемой все более ожесточенным насилием. К тому же, 25-миллионный народ Ирака, имеющий репутацию наиболее националистически настроенного из *всех* арабских народов, может оказаться менее расположенным мириться с иностранным господством, чем ожидается. Программу долгого, дорогостоящего и трудного восстановления этой страны предстоит осуществлять в изменчивом и потенциально недружественном окружении.

В более общем смысле сотрудничество Америки и Европы в строительстве стабильного демократического Ирака и в деле палестино-израильского примирения -фактически своего рода «региональная дорожная карта» -создало бы более благоприятные политические предпосылки для изменения неудовлетворительного стратегического расклада в нефте- и газодобывающих районах, охватывающих Персидский залив, Иран и Каспийский бассейн. В отличие от тоже богатой энергетическим сырьем

России, государства этой зоны - от Казахстана и Азербайджана до Саудовской Аравии - являются почти исключительно экспортерами, но никак не крупными потребителями добываемых из их недр энергоносителей. Между тем здесь сконцентрированы крупнейшие в мире месторождения нефти и природного газа, намного превосходящие запасы других нефте- и газоносных территорий. А коль скоро надежный доступ к энергоносителям по разумным ценам жизненно важен для трех наиболее динамичных в экономическом отношении регионов -Северной Америки, Европы и Восточной Азии, стратегическое господство над этой зоной, пусть даже замаскированное соглашениями о сотрудничестве, было бы определяющим с точки зрения мировой гегемонии преимуществом.

С позиций американских интересов существующее геополитическое положение дел в самой богатой энергоресурсами зоне мира оставляет желать лучшего. Несколько ключевых государств-экспортеров - особенно Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты - слабы и политически несостоятельны. Ираку предстоит длительный период стабилизации, реорганизации и восстановления

103

сил. Еще один крупный производитель энергетического сырья - Иран - пребывает под властью недружественного Соединенным Штатам режима, противодействующего попыткам США установить мир на Ближнем Востоке. Не исключено, что этот режим норовит заполучить ОМУ, и его подозревают в связях с террористами. Соединенные Штаты пробовали добиться международной изоляции Ирана, но их усилия увенчались лишь ограниченным успехом.

Севернее, в Закавказье и в Центральной Азии, недавно получившие независимость государства - экспортеры энергоносителей все еще находятся на ранних стадиях политической консолидации. Системы управления в этих странах остаются слабыми, политические процессы отмечены печатью деспотического произвола, государственность отличается непрочностью. К

тому же, они наполовину изолированы от мировых энергетических рынков, ибо американское законодательство запрещает использовать территорию Ирана для прокладки трубопроводов к побережью Персидского залива, а Россия проявляет агрессивное стремление монополизировать пути международного доступа к энергетическим ресурсам Туркменистана и Казахстана. Только через несколько лет, после завершения финансируемого США строительства трубопровода Баку - Джейхан, Азербайджан и его закаспийские соседи получат независимый канал связи с мировой экономикой. До тех пор эта территория будет уязвима для происков России и Ирана.

Масштабное и исключительное военное присутствие США в Персидском заливе, а также фактически монопольное обладание ими мощным потенциалом ведения боевых действий на большом удалении от национальной территории открывают перед Америкой широчайшие возможности единолично принимать нужные политические решения. На тот случай, если потребуется исключить потенциальную связь между распространением ОМУ и терроризмом конспиративных групп, Соединенные Штаты располагают средствами действовать самостоятельно, как это и было продемонстрировано в ходе свержения последнего иракского режима. Однако если

104

принять во внимание долгосрочные последствия переворота в стратегии насилия, то проблема выглядит более многосложной, а шансы Америки на единоличный успех - куда более эфемерными.

Трудно представить себе, чтобы Соединенным Штатам удалось в одиночку принудить Иран к радикальной переориентации. Ввиду гигантского разрыва в военной мощи между двумя этими государствами открытое военное давление могло бы сперва принести желаемый результат, но было бы огромной ошибкой недооценивать накал националистических и религиозных эмоций, которые подобные методы, по всей видимости,

возбудили бы у 70 миллионов иранцев. Иран представляет собой страну с величественной имперской историей и чувством национальной самоценности. И в то время как религиозный угар, который привел к власти теократическую диктатуру, похоже, понемногу развеивается, прямое столкновение с Америкой течи наверняка приведет к новой вспышке народного неистовства, вдохновляемого фанатичным шовинизмом.

Россия не чинила помех энергичным военным инициативам США по изменению стратегических реальностей в регионе, но охватившее сегодня район Персидского залива геополитическое землетрясение способно свести на нет старания Америки укрепить независимость прикаспийских государств. Поглощенность США переустройством Ирака, не говоря уже о нарастании американо-иранских трений, может создать у Москвы соблазн возобновить давление на Грузию и Азербайджан в расчете заставить их отказаться от намерения примкнуть к евроатлантическому сообществу, а также активизировать попытки воспрепятствовать долговременному военно-политическому присутствию США в Центральной Азии. Все это существенно осложнило бы для Соединенных Штатов вовлечение центральноазиатских государств в широкие региональные инициативы, направленные против исламского фундаментализма в Афганистане и Пакистане. Не исключено, что в этом случае возрождение мусульманского экстремизма в духе «Талибан» произошло бы уже на общерегиональном уровне.

105

Уменьшить риск подобного развития событий может тесное стратегическое взаимодействие между США и ЕС в отношении Ирака и Ирана. Добиться его будет, вероятно, нелегко, принимая во внимание расхождения в позициях Америки и Европы, однако выгоды сотрудничества перевешивают издержки любого компромисса. Для Соединенных Штатов совместный курс означал бы сужение свободы единоличных действий, для Европейского союза — сокращение возможностей своекорыстного

бездействия. Но, выступая согласованно, а это предполагает, что угроза применения военной мощи США будет подкрепляться политической, финансовой и (в какой-то мере) военной поддержкой ЕС, евроатлантическое сообщество сумеет поставить на ноги подлинно стабильный и, быть может, даже демократический режим в постсад-дамовском Ираке.

Действуя сообща, Соединенные Штаты и Европейский союз оказались бы в более выигрышном положении и с точки зрения улаживания широкого комплекса региональных последствий переворота в Ираке. Существенный прогресс в деле палестино-израильского примирения успокоил бы опасения арабов, подозревающих, что действия США против иракского режима были инспирированы Израилем, жаждущим ослабить все соседние арабские государства и увековечить свой контроль над палестинским населением. Кроме того, стратегическое сотрудничество США с Евросоюзом помогло бы Турции избежать болезненного выбора между союзнической верностью США и надеждами на членство в ЕС.

Активное стратегическое партнерство между Соединенными Штатами и Европейским союзом увеличило бы также шансы на то, что Иран в конце концов превратится из регионального монстра в оплот региональной стабильности. В настоящее время Иран поддерживает сотрудничество с Россией, но в его отношениях со всеми остальными соседями преобладают недоверие либо враждебность. С Европой Иран сохраняет относительно нормальные контакты, но его антагонизм с Америкой, которая, со своей стороны, ввела законодательные ограничения в торговле с этой страной, мешает настоящему процветанию

106

экономических связей Ирана с Европой и Японией. Все это не могло не нанести ущерб внутреннему развитию Ирана, где острота социально-экономических проблем усугубляется демографическим взрывом, в результате которого численность населения страны превысила 70 миллионов человек.

Положение во всем этом регионе, экспортирующем энергетическое сырье, было бы стабильнее, если бы его географический центр, Иран, вновь интегрировался в мировое сообщество, а иранское общество возобновило бы движение в направлении модернизации. Но этого не произойдет, доколе Соединенные Штаты не отступятся от намерения изолировать Иран. Куда полезнее было бы сделать так, чтобы иранская элита увидела в изоляции страны не результат американских происков, а плод собственного добровольного и, следовательно, контрпродуктивного выбора. Европейцы давно убеждают Соединенные Штаты руководствоваться таким подходом. И если бы Америка в этом вопросе последовала рекомендациям Европы, американские стратегические интересы только выиграли бы.

В более отдаленной перспективе, вопреки образу, который сформировали правящие этой страной муллы, -общества религиозных фанатиков, - Иран имеет лучшие в регионе шансы вступить на стезю, ранее проторенную Турцией. Здесь достигнут высокий уровень грамотности (73%), существует давняя традиция масштабного участия женщин в профессиональной и политической жизни, по-настоящему высокообразованный класс интеллигенции, осознание обществом своей неповторимой исторической индивидуальности. Как только догматичная власть, установленная аятоллой Рухоллой Хомейни, исчерпает свой потенциал и иранские светские элиты почувствуют, что Запад отводит Ирану конструктивную роль в регионе, Иран может очутиться на пути к успешной модернизации и демократизации.

Неуклонное изменение преобладающего в регионе стратегического расклада сил позволит претворить в жизнь выдвинутый в 2000 году Турцией Пакт стабильности для Кавказа, подразумевающий разнообразные формы

107

общерегионального сотрудничества¹⁴. Чтобы он был эффективным, потребуется не только вклад Турции и России, но и привлечение Ирана. Переориентация Ирана также даст возможность гарантировать более

широкий доступ к энергетическим ресурсам Центральной Азии. Наряду с трубопроводами, которые пролягут через территорию Ирана к Персидскому заливу, со временем могут появиться аналогичные трубопроводы, связывающие Центральную Азию с Индийским океаном через Афганистан и Пакистан, с ответвлениями, проведенными в Индию. Реализация таких проектов принесет крупную экономическую (и потенциально политическую) выгоду не только Южной и Центральной Азии, но и испытывающему все больший энергетический голод Дальнему Востоку.

Прогресс на этих направлениях, в свою очередь, благотворно скажется на выполнении третьей стратегически приоритетной задачи, стоящей перед регионом и продиктованной необходимостью противостоять распространению ОМУ и эпидемии терроризма. Ни та, ни другая проблема не подлежит скорому разрешению. Но осязаемые достижения в двух первых приоритетных областях - палестино-израильского примирения и преобразования регионального стратегического ландшафта - в какой-то мере лишат антизападный, в частности антиамериканский, терроризм поддержки населения. Станет легче сосредоточить силы на борьбе с ближневосточными террористами, риск масштабного культурно-религиозного столкновения между Западом и исламским миром отойдет на задний план.

Далее к востоку серьезные вызовы с точки зрения общерегиональной стабильности и нераспространения ОМУ создает продолжающийся конфликт между Пакистаном и Индией. Этому необходимо уделить более пристальное внимание. В сложившихся обстоятельствах ни Индия, ни Пакистан не имеют стимулов к сдержанности в развитии своих ядерных арсеналов - напротив, у обеих стран есть веские, хотя и не во всем совпадающие причины наращивать ядерные потенциалы¹⁵. Для Пакистана ядерное оружие играет роль мощного рычага, уравнивающего его

с соседом, который в ином случае был бы несравненно сильнее в военном отношении; для Индии же оно является средством сдерживания

потенциальной угрозы со стороны Китая - еще одной региональной державы, связанной дружественными отношениями с Пакистаном, - и предотвращения ядерного шантажа со стороны Пакистана. Кроме того, новоприобретенный статус ядерных держав приносит как Пакистану, так и Индии символическое удовлетворение.

В настоящий момент главные задачи США состоят в том, чтобы не допустить развязывания ядерной войны между Пакистаном и Индией, а также воспрепятствовать дальнейшему распространению ОМУ в регионе. Последнее особенно актуально, ибо не приходится сомневаться, что некогда владевший империей и не утративший национальных амбиций Иран с понятной завистью взирает на соседей, сумевших обзавестись ядерными вооружениями. Из двух целей несколько более легко достижимой является, пожалуй, первая - предотвращение ядерного конфликта, так как сам факт обладания ядерным оружием вынуждает как пакистанских, так и индийских военных более тщательно взвешивать потенциальные последствия периодических стычек на границе.

Тем не менее неулаженная проблема Кашмира неизбежно приводит к постоянным конфликтам, каждый из которых разжигает пламя взаимной вражды между легко возбудимыми мусульманскими и индуистскими массами. В этой ситуации Пакистан в конечном счете может даже превратиться в фундаменталистское мусульманское государство (что, по-видимому, предопределяет и судьбу Афганистана), а Индия - попасть во власть фанатичных индуистов. При таком исходе иррациональные чувства могут возобладать над стратегической сдержанностью, свойственной логике ядерных вычислений.

Точно так же, как Запад годами проявлял относительное безразличие к неурегулированному палестинскому вопросу, он игнорировал и проблему Кашмира. Индия сумела настоять на том, что официально кашмирского вопроса не существует ни в индо-пакистанских отношениях, ни для международного сообщества в целом, иными

словами, на том, что это ее внутреннее дело. В свою очередь, Пакистан, не желая, чтобы вопрос потерял остроту, сделал ставку на едва замаскированную государственную поддержку партизанских действий и террористических акций, направленных против контроля Индии над провинцией, и тем самым способствовал все более жестоким репрессиям индийских властей в отношении заподозренных в нелояльности кашмирцев. Но как только обе страны получили в свое распоряжение ядерное оружие, кашмирская проблема неизбежно приобрела более широкое международное значение.

Вопрос о Кашмире является сегодня компонентом более общей проблемы нестабильности в зоне Мировых Балкан. Скорее всего, поиск мирных путей его решения будет как минимум столь же трудным, что и урегулирование арабо-израильского конфликта. В противоборство втянуты два крупных государства, население которых в совокупности составляет почти 1,2 миллиарда человек -приблизительно одну пятую народонаселения планеты, причем значительная часть этих людей сохраняет традиционный уклад жизни, остается полуграмотной и отличается восприимчивостью к демагогическим призывам (которая наблюдается даже среди элиты). Чтобы прийти к компромиссу в такой ситуации, потребуются упорные старания внешних сил, значительное международное давление, мощные политические и финансовые стимулы и немало терпения.

Итак, политическая солидарность Соединенных Штатов и Европейского союза, весомую поддержку которым могла бы оказать Япония, сделала бы конечный успех более вероятным. Важную дипломатическую роль в силу исторических причин способна сыграть Великобритания, особенно в координации с Соединенными Штатами. Полезный вклад в состоянии внести Россия и Китай, тем более что обеим этим странам невыгодна ядерная война в непосредственной близости от их границ, и притом каждая из них имеет шанс деликатно повлиять на главного

покупателя экспортируемого ею оружия (Россия -на Индию, Китай - на Пакистан). Однако на деле серьезные коллективные международные усилия вероятны

110

лишь перед лицом непосредственной угрозы войны, так как обеспокоенность международного сообщества стремительно рассеивается, стоит только угрозе отступить.

Отсутствие согласованных международных обязательств мешает и достижению эффективной региональной договоренности по противодействию приобретению и распространению ОМУ в зоне новых Мировых Балкан. Долговременное решение может быть найдено только на общерегиональной основе, при условии постепенного урегулирования конкретных конфликтов: то есть только тогда, когда Индия и Пакистан, а также Израиль и все его арабские соседи уладят соответствующие конфликты¹⁶. Но даже в этом случае Иран, учитывая его ресурсы и размеры, а также уже накопленный с помощью России потенциал, позволяющий ему изготовить ядерное оружие, по-видимому, будет настаивать на равенстве с ядерными государствами вблизи своих границ: Пакистаном, Индией и Израилем (помимо России и Китая).

В конечном счете, только опираясь на договоренность регионального масштаба, удастся поставить действенную преграду на пути дальнейшего распространения ядерного оружия в этом сотрясаемом конфликтами регионе. Если какие-то страны должны отказываться от приобретения ядерных вооружений, им необходим доступ к альтернативным средствам обеспечения безопасности: либо предполагающий твердые обязательства альянс с союзником, владеющим ядерными средствами, либо надежные международные гарантии. Предпочтительным вариантом было бы общерегиональное соглашение о запрете ядерного оружия по образцу конвенции, принятой несколько лет назад государствами Южной Америки. Однако в отсутствие регионального консенсуса единственная реальная

альтернатива состоит в том, чтобы Соединенные Штаты и, возможно, другие постоянные члены Совета Безопасности ООН предоставили гарантию защиты от ядерного нападения каждому государству региона, отказавшемуся от ядерного оружия.

Усилия по стабилизации Мировых Балкан займут несколько десятилетий. Даже при самых благоприятных обстоятельствах прогресс будет происходить крайне

111

медленно и непоследовательно, периодически сменяясь заметным движением вспять. Не дать оборваться этому начинанию удастся только в том случае, если две наиболее преуспевающие части мира - политически ответственная Америка и экономически интегрирующаяся Европа - будут в растущей мере видеть в нем свой совместный долг перед лицом угроз всеобщей безопасности.

¹ Приводимые ниже красноречивые данные говорят сами за себя:

Зона наибольшего социального неблагополучия. Не менее 85% населения Южной Азии живут на 2 доллара в день. В тех районах Евразии, где жизнь парализована региональными или внутренними конфликтами, - в Северной Корее, Афганистане, Ираке, на оккупированных арабских территориях — масштабы бедности, вероятно, еще более удручающи. В начале 2002 года безработица на территории Западного берега реки Иордан составляла 38%, а в секторе Газа - свыше 46%; в Чечне число безработных превышает 90% населения.

Наиболее густонаселенная зона. Независимо от того, насколько точны и достоверны имеющиеся демографические данные, отражаемые ими общие тенденции ошеломляют. Совокупная численность населения только четырех стран этой части Евразии — Индии, Пакистана, Китая и Бангладеш - увеличится к 2050 году на 1,05 млрд. человек. Если оценивать демографический рост за тот же период в процентном отношении, то наиболее быстрыми темпами увеличивается население девяти стран, шесть

из которых, включая три лидирующих в этом отношении государства, образуют единый массив, простирающийся от Палестины до побережья Персидского залива.

Зона наиболее взрывоопасных этнических «мин замедленного действия». К их числу относятся, среди прочего, разделение примерно 25 миллионов курдов между Турцией, Ираком, Ираном и Сирией; подчиненность более чем четырех с половиной миллионов палестинских арабов пяти миллионам евреев-израильтян; отрезанность приблизительно 15-25 миллионов тюрков-азербайджанцев Ирана от Азербайджана; расчленение усилиями Индии и Пакистана как минимум 8-миллионного населения Кашмира и осуществляемый Россией геноцид чеченской нации.

Зона жесточайшего религиозного насилия. Кровопролитные акты взаимной мести мусульман и индуистов в индийском Гуджарате или христиан и мусульман в Индонезии; порождающая насилие на Ближнем Востоке ненависть евреев и мусульман друг к другу; и, пожалуй, столь же взрывоопасная вражда между шиитским мусульманским большинством и суннитским меньшинством в Ираке - все это свидетельствует о повсеместности, глубине и интенсивности религиозных противоречий на территории Евразии.

112

Зона самых деспотических политических режимов. Согласно опубликованному организацией «Фридом хаус» изданию «Свобода в странах мира (2001-2002)», из 10 стран, имеющих наихудшие показатели в области политических прав и гражданских свобод, 7 расположены между Суэцким каналом и Южно-Китайским морем. 59% стран, находящихся в этой окаймляющей Евразию полосе, относятся к разряду «несвободных». Среди остальных 28% классифицированы как «частично свободные» и только 13% считаются «свободными».

² Смысл наименования «Мировые Балканы» заключается в том, чтобы привлечь внимание к геополитическому сходству между традиционным для

XIX-XX веков состоянием европейских Балкан и нынешней нестабильностью региона, своими очертаниями на карте напоминающего треугольник и простирающегося от Суэцкого канала до Синьцзяна и от российско-казахстанской границы до юга Афганистана. В обоих случаях внутренняя нестабильность порождала или порождает соблазн вмешательства со стороны более сильных внешних держав и их взаимное соперничество. (Подробнее об этом см.: *Бжезинский* З. Великая шахматная доска. - М.: Междунар. отношения, 1998. -Гл. 5.)

¹ Атмосфера, сложившаяся осенью 2002 года в Вашингтоне, где из-за «снайперских» выстрелов двух преступников едва не возникла паника, в том числе из-за того, что многие приписывали происходившее террористам, свидетельствует, насколько страх перед неведомым в сочетании с истерией в средствах массовой информации способен нагнетать настроения, невольно помогающие террористам добиваться своих целей.

⁴ Здравая оценка возможностей «Аль-Каиды» содержится в работе: *Smith P. Transnational Terrorism and the al Qaeda Model: Confronting New Realities // Parameters / U.S.Army War College Quarterly. - 2003. -Summer.* Яркое представление о международном влиянии «Аль-Каиды», которое подтверждается захваченными архивами этой организации, дает отчет, опубликованный 17 марта 2002 г. в «Нью-Йорк тайме». В статье Д. Роуда и К. Чайверса говорится, что «начиная с середины 1990-х годов в Афганистан регулярно прибывали новобранцы из более чем 20 стран, включая такие непохожие государства, как Ирак и Малайзия, Сомали и Британия. Молодые мужчины прибывали в Афганистан при содействии нескольких военизированных организаций, каждая из которых располагала своими лагерями боевой подготовки». «Однако, попав в Афганистан, все они проходили поразительно схожие курсы религиозной обработки и боевой подготовки... Различные мусульманские группировки присоединились к провозглашенному г-ном бен Ладеном всемирному джихаду. Иногда они, в свою очередь, искали у него помощи в решении собственных проблем у себя

на родине» (*Rohde D., Olivers C.J. A Nation Challenged: Qaeda's Grocery Lists and Manuals of Killing // The New York Times. - 2002. - 17 March.*)

⁵ Даже респектабельные американские газеты внесли свою лепту в создание такого стереотипа. Реагируя на события 11 сентября, отмечает

113

профессор Нью-Йоркского городского университета Эдвард Абрахамс, «ведущие газеты, вроде «Нью-Йорк тайме», публиковали одну за другой статьи под заголовками: «Это - религиозная война»; «Да, это имеет отношение к исламу»; «Ярость исламского мира»; «Ярость мусульман»; «Гнев приверженцев ислама»; «Гнев мусульман»; «В чем суть яростной реакции исламского мира?»; «Джихад 101»; «Глубокие интеллектуальные корни исламского террора»; «Вера и светское государство»; «Сила ислама»; «Киплингу было известно то, с чем США имеют возможность познакомиться сегодня»; «"Аль-Джазира": что смотрит по телевидению мусульманский мир?»; «Реальные культурные войны»; «Восстание ислама»; «Единственная истинная вера»; «Первая священная война»; «Истоки яростных протестов против Запада коренятся в давних и новых обидах». ...Современная политика осталась за кадром — странное упущение для ежедневных газет. (*Middle East Report. - 2002. - Summer. - No. 223. - P. 62.*)

" Эта суровая оценка признается и подтверждается применительно к арабскому миру в замечательно объективном Докладе по гуманитарным аспектам развития арабского сообщества за 2002 год, подготовленном группой видных арабских общественных деятелей и представителей интеллигенции при финансовой поддержке Арабского фонда экономического и социального развития (г. Эль-Кувейт) и Программы развития ООН. В состав группы вошли: Торайя Обейд (Исполнительный директор Фонда ООН по народонаселению), Кловис Максоуд (бывший представитель Лиги арабских государств в ООН), Мервет Таллави (исполнительный секретарь Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии), Надер Фергани (директор каирского Центра исследований и обучения Аль-Мишкат

и руководитель данного авторского коллектива) и целый ряд ведущих профессоров. Отмечая некоторые позитивные факты (например, уровень нищеты среди арабов является самым низким в мире), авторы доклада подвергают уничтожающей критике положение в сфере интеллектуального и социального творчества, а также интеллектуальную самоизоляцию арабского мира. В докладе приводятся красноречивые статистические данные, свидетельствующие о ничтожном количестве переводов иностранных книг на арабский язык; подчеркивается, что общее ежегодное число таких изданий, составляющее около 330 книг, соответствует примерно одной пятой от количества книг, переводимых в одной только соседней Греции на греческий язык. Авторы доклада осуждают склонность к ностальгии по славному прошлому, видя в ней контрпродуктивную позицию, уводящую от решения сложных проблем современности (Arab Human Development Report. — 2002).

' По результатам многочисленных опросов общественного мнения, данный фактор порождает наиболее сильные антиамериканские эмоции. Это заключение подтверждается материалами авторитетных журналистов. В начале осени 2002 года Джейн Перлез, приводя в своем репортаже ряд подробностей, сообщала: «Гнев против Соединенных Штатов, вызванный убеждением в том, что администрация Буша оказывает всемерную поддержку Израилю в ущерб палестинцам, достиг

114

беспрецедентного накала во всем арабском мире». (*Perlez J. Anger at U.S. Said to Be at New High // The New York Times. - 2002. - 11 Sept.*)

Об этом же писала Карен Деянг, по словам которой неприязнь арабов к Америке «во многом продиктована ее действиями, в которых они увидели несправедливый по своей сути подход к проблемам региона, непонимание его реальностей, а также особую благосклонность к Израилю в арабо-израильском конфликте» (*DeYoungK. Poll Finds Arabs Dislike U.S. Based on Policies It Pursues // The Washington Post. - 2002. -*

7 Oct.). Враждебное отношение США к Ираку во времена Саддама Хусейна арабы также в основном воспринимали как проявление односторонней линии Америки в поддержку Израиля, о чем свидетельствуют результаты опросов общественного мнения, проведенных в середине марта 2003 года в ряде арабских стран социологической службой «Зогби Интернэшнл».

⁸ Термин «исламизм» используется здесь как обозначение возникшей на почве ислама политической идеологии, в отличие от исламских религиозных вероучений как таковых. Исламисты призывают к проведению политики, основанной на исламе, в противоположность исламским фундаменталистам, выступающим за прямое установление теократии. Следует отметить, что существует иная оценка, высказанная французским ученым Жюльем Кепелем, по мнению которого исламизм, особенно в его радикальном варианте, уже находится в стадии спада. (*Kepele G. Jihad: The Trail of Political Islam. - Cambr., Harvard University Press, 2002.*)

⁹ Лишь немногие западные ученые следят за воздействием инновационных и часто весьма смелых споров, меняющих параметры политической дискуссии в исламском мире. Западные и особенно американские средства массовой информации не уделяют им практически никакого внимания. Даже все более противоречивая роль катарского канала спутникового телевидения «Аль-Джазира», который выступает инициатором дебатов по самым жгучим вопросам, от прав женщин до проблем демократии и ее соотношения с верой, осталась почти незамеченной. В еще большей степени это относится к публикациям и речам наиболее деятельных и видных исламистских мыслителей и идеологов. Ограничиваясь здесь самым кратким перечнем, можно упомянуть учение влиятельного иранского философа Абдул-Карима Соруша, ратующего за свободный выбор веры; весьма популярный, имеющий обширный круг читателей труд сирийского автора Мухаммада Шарура, озаглавленный «Al-Kitab wa-al-Qur'an» («Книга и Коран»), в котором предпринимается попытка

приспособить религиозные требования ислама к современному обществу; учения живущего в Катаре египтянина Юсуфа аль-Карави, а также Рашида аль-Гануши по вопросам религии и политики. Примечательно, что два ведущих и весьма популярных исламистских идеолога, ливанский шейх Мухаммед Хусейн Фадлаллах и суданский деятель Хасан Абдаллах ат-Тураби, отмежевались от иранской теократии (и от терроризма), осудив вместе с тем и религиозное лицемерие саудовского режима. Как и остальные вышеупомянутые исламистские мыслители, они, похоже, пытаются

115

нащупать определяющие принципы некоей популистской политической системы, которая опиралась бы на религиозные ценности и законы шариата в качестве альтернативы светским конституционным структурам.

" Отчетливое представление о том, насколько далеко может зайти Турция при таких обстоятельствах, дают слова генерального секретаря Совета национальной безопасности генерала Тунчера Килинча, который, выступая 7 марта 2002 г. в Военной академии Анкары, без обвиняков заявил, что в своих усилиях стать частью Европы «Турция не встретила ни малейшего содействия со стороны ЕС» и что, следовательно, Турции в ее стремлении обрести союзников лучше было бы «начать поиск в новых направлениях, которые охватывали бы в том числе Иран и Российскую Федерацию» (Christian Science Monitor. — 2002. — 21 March.); анализ значимости этого выступления содержится в статье: *Piemanì H. Turkey Hints at Shifting Alliance // The Asia Times. -2002. - 19 June.*

¹ Свою роль играют также демографические факторы: тот факт, что чуть более пяти миллионов израильских евреев господствуют над почти 5 миллионами палестинских арабов (из них примерно 1,2 миллиона являются гражданами Израиля), численность которых, к тому же, растет гораздо более высокими темпами, негативно сказывается на безопасности Израиля и усиливает недовольство арабов.

¹² См. сноску 20.

¹³ В Севильской декларации гораздо более определенно формулировались конкретные параметры мирного соглашения между Израилем и Палестиной, особенно по таким вопросам, как раздел Иерусалима, границы 1967 года и право палестинцев самим избирать собственных руководителей, включая Арафата, нежели в соответствующих американских заявлениях того времени, в которых предъявлялись конкретные требования к палестинской стороне, но не затрагивались наиболее важные и неотложные спорные проблемы.

¹⁴ В январе 2000 года президент Турции Сулейман Демирель предложил Пакт стабильности для Кавказа, в основу которого был бы положен успешный опыт Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, одобренного в июне 1999 года. Благодаря данной программе при решительной поддержке США и ЕС и гарантиях безопасности с их стороны удалось в итоге собрать значительные денежные суммы на восстановление Балканских стран. Подобная инициатива в отношении Кавказского региона, предполагающая участие трех новых независимых государств, а также Соединенных Штатов, ЕС, России и Турции (к которым на каком-то этапе мог бы присоединиться Иран), способна сыграть важную роль в организации многосторонних усилий, направленных на стабилизацию беспокойного Кавказского региона, оказание помощи в урегулировании его многочисленных этнических конфликтов, а также содействие в поиске путей мирного разрешения таких трагических конфликтов, как война, введущаяся Россией в Чечне.

" В целом профессиональные военные ведомства отдают предпочтение ядерным системам оружия, которые включают надежные

116

средства доставки, по сравнению с менее эффективным химическим оружием и труднее контролируемым бактериологическим оружием. Поскольку обнаружить производство и развертывание ядерного оружия, а также определить вероятный радиус действия систем его доставки

относительно легко и ввиду того, что при его применении всегда можно установить источник нападения, стратегия ядерного сдерживания, возможно, будет давать некоторую гарантию стабильности и впредь, даже в условиях распространения данного вида оружия среди стран региона. Этого нельзя сказать о бактериологическом оружии, которое имеет шансы стать самым привлекательным видом ОМУ для террористических группировок, подходящих к поражению целей менее избирательно, чем военные. Следовательно, уже в самом ближайшем будущем более сложная проблема бактериологического оружия потребует особого международного внимания.

¹⁶ Примечательно, что Израиль не исключает в перспективе возможности создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ (WMDFFZ). «В 1991 году между Израилем и арабскими государствами состоялось беспрецедентное прямое обсуждение проблем контроля над вооружениями в целом и вопроса о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ в частности». Это произошло сразу после официального заключения иранского и установления мирных отношений в регионе. См.: *Zak Ch. Iran's Nuclear Policy and the LAEA. - Wash.: The Washington Institute for Near East Policy. - 2002. - P. 63-64.*

Дилеммы управления союзами

События 11 сентября оказали существенное влияние на международную жизнь, но не потому, что они изменили мир, а больше из-за того, что они преобразили Америку. Америка была потрясена внезапным осознанием собственной уязвимости. В результате незамедлительных ответных военных шагов США непосредственная сфера американской гегемонии, установившейся после окончания «холодной войны», расширилась, охватив пространство от Ирака и Афганистана до Центральной Азии. Одновременно в военных акциях Вашингтона отразилась усилившаяся незащищенность американского общества. Оба обстоятельства - и возросшая вовлеченность в мировые дела, и ослабление безопасности - демонстрируют потребность Америки в стратегически важном консенсусе с Европой и

Восточной Азией относительно долгосрочной стратегии управления сложной и переменчивой ситуацией в зоне Мировых Балкан.

Совершенные 11 сентября нападения ускорили развитие тех фундаментальных международных тенденций, которые к тому времени были уже достаточно заметными. К их числу относятся:

- увеличение разрыва в военных возможностях не только между Соединенными Штатами и их бывшими коммунистическими соперниками, но и между Америкой и ее главными союзниками;

- заметное отставание военно-политического объединения Европы от интеграции в экономической сфере;

- все более ясное понимание кремлевскими руководителями того факта, что у России, если она хочет сохранить в неприкосновенности свою территорию, нет иного

117

118

выбора, кроме как примкнуть к Западу в качестве его младшего партнера;

- формирование среди китайских руководителей единого мнения о том, что Китай нуждается в некоей паузе -периоде минимальной внешнеполитической активности, чтобы справиться с задачами очередной фазы трудного переходного процесса в стране;

- крепнущее стремление японской политической элиты превратить Японию в могучую по международным меркам военную державу;

- повсеместное распространение опасений, связанных с тем, что склонная к единоличным решениям Америка, будучи стержнем коллективной стабильности, способна непреднамеренно стать источником угроз для всей планеты.

В этой обстановке у Америки появляются новые варианты поведения, но в то же время ей надлежит остерегаться некоторых новых соблазнов. Было бы неразумно бросить почти все силы на антитеррористическую кампанию,

упуская из виду долговременную заинтересованность Америки в формировании мира, который подчинялся бы общим правилам и был бы привержен искренне разделяемым, а не только риторически провозглашаемым демократическим ценностям. Войну с терроризмом нельзя считать самоцелью. В конечном счете узловым стратегическим вопросом звучит так: с кем и каким образом Соединенные Штаты могут добиться успеха в строительстве более совершенного мира? Предполагаемый ответ: США нуждаются в исторически устойчивой трансатлантической и тихоокеанской стратегии.

То, что события 11 сентября подтолкнули американцев к размышлениям о необходимости стратегической смены союзов, было почти неизбежным. Разочарование в европейцах, желание нанести сокрушительный удар по неуловимым агентам терроризма, одержимость Ираком и страх перед очередными ударами по территории США - все это породило призывы к международному разводу и вступлению в новый брак. Почему бы Америке не объединиться с режимами, исполненными решимости без колебаний обрушиться на «терроризм», даже если при

119

этом они преследуют корыстные цели? Как уже кратко отмечалось в главе 1, аргументы в пользу подобной коалиции просматриваются в риторике наиболее воинственно настроенных американских аналитиков, комментирующих международные темы, прежде всего тех, кто принадлежит к крайне правому флангу политического спектра. В их представлении традиционные союзники Америки, утратившие волю и поглощенные собственными интересами, больше не имеют желания противостоять суровым и требующим мужества реальностям глобальной силовой политики.

Объединяющей идеей этих рассуждений является тезис, который чаще всего подразумевается, но порой излагается вполне открыто: ислам как таковой имеет внутренне присущую ему антизападную, антидемократическую направленность и обладает органической предрасположенностью к

фундаменталистскому экстремизму. Корень проблемы, утверждается далее, заключен в культуре и тем паче в философии, а отнюдь не в сложных историко-политических дилеммах связанных друг с другом, но все же отдельных регионов. А значит, недавнее столкновение Америки с терроризмом следует рассматривать не как политический вызов, обусловленный недавним историческим прошлым Ближнего Востока, а как часть более общей, глобальной, направленной в адрес западной цивилизации исламской угрозы, которая требует столь же глобального антиисламского ответа. (Читателю следует учитывать, что в главе 2 данной книги изложен совершенно иной взгляд на ислам.)

Между тем любая серьезная перестройка стратегических союзов, если вести речь о чем-то большем, нежели просто временная тактическая перегруппировка, должна опираться на достаточно объемный и долговечный комплекс совместных целей и единых ценностей. В политике порой не обойтись без логики тактической целесообразности, но, исходя из сиюминутных забот, она является плохим советчиком в выборе долгосрочных обязательств. Со временем беспринципный оппортунизм способен принести не пользу, а вред, ведя к нестабильности и непредсказуемости, которые подорвут основу вынужденного,

120

но прочного признания международным сообществом лидерства Америки. Чтобы ее лидирующая роль считалась легитимной, она должна выражать всеобщие глобальные интересы; чтобы быть эффективной, эта роль должна поддерживаться союзными странами, население которых разделяет сходные убеждения и социальные ценности.

Поэтому более чем сомнительно, что долгосрочным интересам Америки пошла бы на пользу замена давно существующего альянса демократических государств некоей новой большой коалицией, сколоченной ради подавления ислама или терроризма. В лучшем случае подобная реорганизация могла бы послужить лекарством кратковременного действия.

Новому союзу не доставало бы того стабильного запаса могущества, который требуется для согласованной, широко спланированной деятельности, призванной решать несметное число проблем, стоящих перед пробудившимся к активной политической жизни миром. К примеру, невзирая на стратегическую желательность и историческую своевременность углубления сотрудничества с Россией (подробнее этот вопрос рассматривается в следующем разделе), у этой страны пока не хватает экономических, финансовых и технологических средств, чтобы противостоять нарастающим опасностям широкомасштабных социальных волнений и политических потрясений в зоне новых Мировых Балкан. То же относится и к Индии. Ни та, ни другая не в состоянии заменить Европу или Японию в качестве партнеров Америки в ее долговременных усилиях по сохранению минимального мирового порядка.

К тому же, любая такая смена союзников сопряжена с риском скомпрометировать моральную репутацию Америки в мире. Американская гегемония устраивает многих, ибо в Америке видят подлинно демократическое государство, приверженное укреплению прав человека. Неразборчивость Америки, ее готовность признать своими союзниками репрессивные государства на том простом основании, что они тоже, по их утверждению, ведут войну с терроризмом, предполагали бы молчаливое одобрение их своеобразного понимания терроризма, независимо от наличия причинной связи между поддерживаемым этими

121

государствами этническим, религиозным или расовым гнетом и подъемом отвратительного в нравственном отношении терроризма. Наш выбор союзников во времена «холодной войны» порой грешил именно такой неразборчивостью, и эта привычка нанесла серьезный ущерб нашим моральным позициям в борьбе против коммунизма.

Более того, само заигрывание с идеей подобной переориентации, пусть просто из тактических соображений, в расчете подвигнуть традиционных

союзников Америки на более весомые проявления солидарности, угрожает превратиться в самоисполняющееся пророчество. Такое поведение способно спровоцировать ответное стремление европейцев и японцев ослабить давние узы и заняться изучением иных, еще не вполне ясных альтернатив. Последствия могли бы повлечь дестабилизацию обстановки в мире и полностью лишить Америку богатых партнеров, в помощи которых она нуждается, чтобы справиться со стремительно меняющимися и разнохарактерными проблемами Евразийского материка.

В этой связи требуется рассмотреть три группы широких, но имеющих кардинальное значение геостратегических вопросов:

1. Может ли Европа оставаться главным союзником Америки, принимая во внимание напряженное противостояние, возникшее в 2003 году между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Францией и Германией - с другой, по поводу войны с Ираком? Если да, то какова наиболее эффективная формула пусть асимметричного, но оправданного партнерства между Америкой и формирующейся единой Европой, которой, впрочем, все еще далеко до политической сплоченности? Кроме того, насколько глубокой может быть интеграция России в евроатлантическое сообщество и каким образом эта страна в состоянии содействовать стабилизации Евразии?

2. Что надлежит делать Америке для поддержания равновесия между неуклонно приумножающим свою мощь Китаем, Японией, все еще зависимой от США,

122

но подумывающей о стремительном старте в качестве военной державы, нестабильным Корейским полуостровом, где нарастает националистическое нетерпение, и Индией, вынашивающей амбициозные внешнеполитические планы?

3. И наконец, может ли расширение европейского пространства стабильности, связанное с вступлением новых членов в евроатлантическое сообщество и потенциальным включением в него России, быть со временем

использовано для решения проблем безопасности Дальнего Востока?

Ответы на эти вопросы, возможно, помогут установить, осуществимо ли построение более гармоничной системы для противостояния новому глобальному беспорядку.

Глобальное ядро

Вместе Соединенные Штаты и Европейский союз составляют ядро глобального пространства политической стабильности и экономического благосостояния. Выступая заодно, Америка и Европа были бы всемогущи в любой точке мира. Между тем они нередко плохо ладят друг с другом. Еще до громкой ссоры, вспыхнувшей в 2003 году из-за Ирака, со стороны Америки особенно часто раздавались жалобы на то, что Европа не прилагает «достаточных» усилий в сфере коллективной обороны. Европа же больше всего сетовала на склонность Америки чересчур часто поступать по своему усмотрению. Поэтому, оценивая атлантические взаимоотношения, есть основания начать с вопроса: что было бы, если бы европейцы прилагали «достаточные» усилия, а американцы реже действовали вавилонским методом, не прислушиваясь к союзникам?

Недовольство Америки подкрепляется статистикой. Европейский союз, в состав которого в настоящий момент входят 15 государств с населением, насчитывающим 375 миллионов человек (тогда как население США составляет 280 миллионов), и совокупным ВВП, примерно рав-

123

ным ВВП Америки, тратит на оборону несколько менее половины суммы, расходуемой на те же цели Соединенными Штатами. Более того, в течение последних 50 лет на европейской земле находятся американские войска, развернутые для защиты Европы от советской угрозы. Правда состоит в том, что на протяжении всего периода «холодной войны» Европа де-факто являлась американским протекторатом. Даже после «холодной войны» именно войска США сыграли роль головного отряда в военных операциях по прекращению насилия на Европейских Балканах. К тому же,

Европа извлекает экономическую выгоду из стабилизирующей военно-политической роли США как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке (от ближневосточной нефти Европа зависит даже в большей степени, чем Америка, а с дальневосточным регионом ее связывает торговый обмен, объем которого непрестанно возрастает). Неудивительно, что среднему американцу Европа представляется нахлебницей.

Но что, если Европа перестанет быть ею? Разбогатеет ли от этого Америка? Станут ли отношения атлантических союзников здоровее и ближе? Чтобы получить ответы на эти вопросы, надо вообразить, какие обстоятельства должны возобладать, чтобы Европа обрела политическую волю, которая позволит ей удвоить расходы на оборону и обзавестись военным потенциалом под стать американской мощи. Для военных усилий такого масштаба понадобятся радикальный прорыв в деле политического объединения различных европейских государств и непоколебимая решимость большинства европейского населения сделать Европу, по примеру Америки, самодостаточной в оборонительном плане. Коль скоро советской угрозы больше нет, а Россия низведена до уровня державы среднего ранга, импульс к складыванию обоих условий могут дать лишь единодушное заключение о том, что проводимая Америкой политика безопасности подвергает европейские страны серьезной угрозе, и страстное желание европейской общественности избавить Европу от зависимости в этой области.

Учитывая, что по экономическому потенциалу ЕС уже сравнялся с Америкой и что два эти субъекта нередко

124

сталкиваются на финансовой и торговой почве, Европа с возрождением военной мощи может превратиться в грозного соперника для Америки. Она не преминет бросить вызов американской гегемонии. Установить подлинно равноправное партнерство между двумя сверхдержавами будет отнюдь не просто, поскольку такая корректировка отношений потребует радикального

сокращения преобладающей роли Америки и столь же радикального расширения функций Европы. НАТО перестанет быть союзом, руководимым Америкой, а может быть, и вовсе прекратит свое существование. И если потуги Франции выглядеть великой державой время от времени вызывают у Америки замешательство, притом что она в состоянии отклонять французские претензии как экстравагантные, но бесполезные демонстрации пустых амбиций, то Европа, предпринимающая-таки «достаточные» оборонные усилия, неизбежно заставит Америку испытать острое чувство дискомфорта, естественное в положении бывшего гегемона.

Европа, полагающаяся в военном отношении на саму себя, ставшая, подобно Америке, политической и экономической державой глобального масштаба, поставила бы Соединенные Штаты перед мучительным выбором: либо расторгнуть союз с Европой, либо разделить с ней ответственность за осуществление мировой политики. Уход могущественной Америки с западной периферии Евразийского континента был бы равнозначен согласию на превращение Евразии в арену новых непредсказуемых конфликтов между главными евразийскими соперниками. Но и разделение власти в рамках симметричного глобального партнерства было бы нелегким и небезболезненным.

Политически мощная Европа, способная конкурировать с Соединенными Штатами на экономическом поприще и притом не зависящая от них в военном отношении, неотвратимо принялась бы оспаривать верховенство Америки в двух регионах, имеющих для США жизненно важное стратегическое значение, - на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Сперва евро-американское соперничество дало бы о себе знать на Ближнем

Востоке, не только по причине географической близости этого региона к Европе, но и прежде всего ввиду ее большей зависимости от добываемой там нефти. Принимая во внимание неприятие арабами американской политики, авансы со стороны Европы имели бы все шансы встретить здесь

сочувствие, тогда как Израиль наверняка ожидала бы потеря привилегированного положения, которым он пользуется в качестве главного фаворита США.

За этим, вероятно, не замедлил бы последовать европейский вызов позициям США в Латинской Америке. Испанцы, португальцы и французы имеют давние исторические и культурные связи с латиноамериканскими обществами. Националистические силы Латинской Америки приветствовали бы укрепление политических, экономических и культурных уз с уверенной в себе Европой, в результате чего пострадало бы традиционное господство США в этом регионе. Следовательно, стань Европа экономическим гигантом и крупной военной силой в одном лице, сфера главенства США, возможно, ограничилась бы в основном пространством Тихого океана.

Очевидно, что серьезное соперничество между Америкой и Европой было бы пагубно для них обеих. Однако на настоящем этапе у европейцев отсутствуют мотивы и сплоченность, необходимые для создания мощной военной державы. А пока это так, стычки между Америкой и Европой вряд ли выльются в масштабное геополитическое состязание. Жалобами и беззубой критикой незаживающих ран не нанести. Тем не менее, памятуя о взаимных обидах, причиненных трансатлантическими разногласиями вокруг Ирака, для американцев было бы, пожалуй, благоразумнее поменьше укорять Европу в «недостаточности» ее военных усилий.

Европейцам тоже стоит аккуратнее взвешивать слова, изливая свое недовольство Америкой. Помимо традиционно присущих европейской элите претензий культурного характера (которые сейчас стремительно теряют почву в связи с широкой популярностью в Европе американской массовой культуры), излюбленной темой для европейских критиков Америки является ее усилившееся стремление действовать на международной арене без

оглядки на союзников. Упреки такого рода не новы: во времена «холодной войны» Америке часто пеняли на ее будто бы примитивный

антикоммунизм, нежелание идти на компромиссы с Советским Союзом и чрезмерное внимание к вопросам военной готовности. Двадцать с лишним лет тому назад канцлер ФРГ Гельмут Шмидт пренебрежительно отзывался о политике США в области прав человека, благосклонно взирая на подавление диссидентов коммунистическими режимами. Ему не уступали французский президент Жискара д'Эстен, который позже с неменьшим высокомерием оценивал воинственность Рейгана, и его преемник Франсуа Миттеран, не сомневавшийся в тщетности усилий Буша по воссоединению Германии.

По окончании «холодной войны» критические выпады Европы в адрес Америки, именуемой мировым слоном в международной посудной лавке, участились и приобрели более изощренный характер. Исчезновение советской угрозы сделало антиамериканскую критику менее рискованной, а достижения европейской экономической интеграции выдвинули на передний план трансатлантические конфликты на экономическом фронте. Принятые Конгрессом США непродуманные законодательные акты, новые дотации фермерам и введение тарифов на импорт стали заметно укрепили уверенность европейцев в том, что приверженность Америки идее открытой глобальной экономики неискренна.

К этой точке зрения добавилось еще одно широко распространенное в Европе убеждение: Америка занимает удручающе несостоятельную позицию по глобальным вопросам, которые затрагивают принципиально значимые долгосрочные перспективы человечества и посему требуют разработки общепринятых наднациональных правил поведения. Особую ярость европейцев вызвал неожиданный категорический отказ США подписать Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (Киотский протокол) - решение, которое на данном этапе похоронило надежды на сколько-нибудь эффективные шаги в связи с болезненной для международного сообщества и политически взрывоопасной проблемой глобального

также был воспринят как поступок, несовместимый с постоянно провозглашаемой Соединенными Штатами приверженностью правам человека, не говоря уже о том сильном давлении, которое сами США оказывали на Европу, настаивая по завершении нескольких конфликтов в бывшей Югославии на международных процессах по обвинениям в военных преступлениях. Аналогичным свидетельством американского своеволия и произвола европейцы посчитали введение Соединенными Штатами экономических санкций против Ирана, Ирака, Ливии и Кубы, тем более что соответствующие администрации США вопреки собственной более здоровой позиции пошли на поводу у определенных политических групп давления внутри страны.

Критика односторонней линии Америки и ее безразличия к заботам европейцев звучала в полный голос еще до появления иракской проблемы. Даже обычно проамерикански настроенная Германия время от времени отдавала дань поднимающейся волне отношения к Америке как к стране, ведущей себя по своему усмотрению и не гнушающейся произволом, причем это мнение возникло еще до избрания президентом Джорджа У. Буша. Как правило, умеренная «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (в опубликованной 2 марта 2000 г. статье под названием «Американский кулак») безоговорочно осудила Америку за непризнание «политического веса Европы». Причина, по утверждению газеты, заключается в следующем: «Два эти континента функционируют в соответствии с разными системами политических ценностей, законы же глобализации написаны державой-гегемоном. Только Америка может мириться с нарастающими противоречиями в обществе и зияющим разрывом между бедными и богатыми. Политический разум нашего континента, напротив, требует большего контроля и регулирования, примирения конфликтующих интересов и ограничения власти. В основе европейской политической жизни лежат уважение и взаимная поддержка партнеров». Неделий позже ведущий немецкий еженедельник либерального направления «Цайт» обвинил американцев в том, что они

отдают предпочтение «закону джунглей» и, к тому же, «с головой ушли в поиски новых врагов».

Возросшая озабоченность глобальными проблемами, контрастирующая с эгоистической самонадеянностью американцев, была не единственной причиной нелестных суждений об Америке, как это порой пытались дать понять европейцы. В условиях военной слабости и политической разобщенности Европы порицание Америки выполняло роль столь нужной европейцам компенсации за асимметричное распределение могущества между двумя сторонами Атлантики. Вынуждая Америку обороняться в нравственном и правовом отношениях, европейцы рассчитывали создать несколько более ровное игровое поле и вооружиться вселяющим уверенность сознанием собственной правоты.

Однако дальше этого их претензии не идут. Европейцы лучше американцев знают, что по-настоящему серьезный разлад в атлантических отношениях был бы губительным для новой Европы. Он не только повлек бы возобновление внутриевропейских раздоров и возрождение угроз извне, но и, вполне вероятно, создал бы опасность крушения всей сложившейся европейской архитектуры. Пробуждение традиционных страхов перед германской мощью и исторических межнациональных антагонизмов не заставило бы себя долго ждать. Без американского присутствия Европа, вне всякого сомнения, вновь стала бы Европой, но только не в том смысле, в каком это видится европейским мечтателям.

В конце концов стратегически мыслящие европейцы, даже несмотря на открытую полемику вокруг самовластного решения США свергнуть Саддама Хусейна, прекрасно понимают, что односторонний характер американской политики отчасти обусловлен исключительной ролью Америки в сфере безопасности и что вынужденное согласие с такой политикой есть та цена, которую другим странам приходится платить за сохранение готовности Америки к действиям в мире, где не столь просто провести грань между

отдельными мотивациями, касающимися экономики, права, морали и безопасности. Это состояние готовности проистекает из исторически свойственного

129

Америке представления о себе как мировом образце воплощения свободы. Если бы Америка скрупулезно соблюдала международные правила, если бы она старательно избегала демонстраций силы при решении экономических вопросов, представляющих особый интерес для серьезных категорий американских избирателей, или проявляла покорную готовность ограничить собственный суверенитет и подчинить свои вооруженные силы юрисдикции международного права, то она, возможно, не была бы державой, действия которой способны стать последним спасительным средством предотвращения глобальной анархии. Короче говоря, стоило бы посоветовать европейцам тщательно взвесить все те последствия, которые имело бы (как для них, так и для остального мира) превращение Америки в сговорчивого партнера, склонного легко жертвовать своим руководящим статусом ради достижения минимального коллективного консенсуса.

Однако полемика 2003 года вокруг Ирака, столкнувшая Вашингтон с Парижем и Берлином, преподнесла еще более тревожный урок. Эта размолвка должна послужить сигналом, предупреждающим об уязвимости трансатлантических отношений, которая вполне может напомнить о себе, если взаимные укоры и недостаток обоюдного понимания когда-нибудь подтолкнут европейцев к антиамериканским позициям, дав им мотив всерьез взяться за создание независимой военной мощи. Европа, положившая в основу своего политического объединения откровенное самоопределение в качестве «противовеса» Соединенным Штатам (т.е. де-факто антиамериканской силы), разрушит Атлантический союз.

Пока ни мечты, ни кошмары обеих сторон не имеют больших шансов стать явью. Ни одна из них не станет удовлетворять все чаяния другой, но и худшие опасения каждого из партнеров едва ли оправдаются. В течение по

меньшей мере десяти лет, а может быть, и дольше у Европы не будет достаточного политического единства и стимулов, чтобы пойти на финансовые жертвы, необходимые для превращения в военную державу глобального уровня¹. Европа не создаст угрозы первенству Америки

130

хотя бы потому, что процесс становления европейского политического единства будет в самом лучшем случае очень медленным и постепенным. Увеличение числа членов ЕС до 27 еще более усложнит и без того чрезмерно громоздкие и весьма бюрократизированные структуры европейской интеграции, напоминающие гигантский экономический конгломерат.

У конгломератов не бывает исторических мечтаний - у них есть материальные интересы. Безликие бюрократические институты Европейского союза бессильны пробудить народные чувства, необходимые для политического признания. Как язвительно выразился один французский комментатор, «первородный грех Европы, от которого она еще не очистилась, состоит в том, что ее зачали в служебных кабинетах; да еще в том, что именно там происходил ее расцвет. Построить общую судьбу на таком фундаменте так же невозможно, как влюбиться в коэффициент роста или в квоты на молоко»². Превыше всего для Европы - ее заинтересованность в глобальной стабильности, в отсутствие которой европейское здание ожидает обвал. Поэтому со временем Европейский союз обзаведется атрибутами военно-политической державы, точь-в-точь как многие гигантские многонациональные корпорации заводят для охраны своих жизненно важных интересов собственную вооруженную службу безопасности. Но даже после этого военные усилия Европы будут в течение какого-то периода в основном дополнять военные возможности Америки, не составляя им конкуренции.

Не исключаемые в перспективе военные доблести Европы едва ли станут вдохновляться транснациональным европейским шовинизмом, что тоже вселяет надежду. Это означает, что даже более могучая в политическом

и военном отношении Европа будет выказывать в международных делах сдержанность, продиктованную ограничениями, которые органически вытекают из сложной природы ее континентального единства и нечеткости ее политического профиля. Лишенная миссионерского пыла и самоуверенного фанатизма, будущая Европа могла бы явить вдохновляющий пример политики ответственного

131

многостороннего взаимодействия, в которой в конечном счете и нуждается человечество.

Выплеснувшиеся наружу в связи с проблемой Ирака острые трансатлантические разногласия не должны заслонять того, что Европа, по своей природе ориентированная на многостороннее сотрудничество, и Америка, тяготеющая к самостоятельной линии, идеально подходят для глобального брака по расчету. Действуя в одиночку, Америка может первенствовать, но ей не достичь всемогущества; Европа, действуя аналогичным образом, может наслаждаться богатством, но ей не преодолеть своего бессилия. Эта истина осознается по обе стороны Атлантики. Америка, даже несмотря на ее однобокую сосредоточенность на терроризме, нетерпеливость в отношении союзников, уникальную роль в сфере глобальной безопасности и представление о своей исторической миссии, понемногу все же приспосабливается к постепенному развитию региональных и других международных консультативных механизмов. Ни Америка, ни Европа не добились бы столь внушительных успехов друг без друга. Вместе они образуют ядро системы глобальной стабильности.

Жизнеспособность этого ядра зависит от соответствующей повестки дня американо-европейского взаимодействия, которая не должна исчерпываться разделяющими стороны вопросами. И такая повестка дня имеется, вопреки печальному опыту весны 2003 года. Ее самым неотложным пунктом является остро необходимое трансатлантическое сотрудничество в стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Как утверждается в главе 2,

если такое совместное стратегическое начинание не будет предпринято, интересы безопасности и Америки, и Европы в Ближневосточном регионе пострадают. А объединенные усилия позволят привести в атлантические отношения общую геополитическую цель.

В более долгосрочной перспективе единой магистральной задачей останется расширение Европы, которому более всего способствовала бы политическая и географическая взаимодополняемость структур ЕС и НАТО. Расширение есть наилучшая гарантия таких неуклонных

132

изменений в ландшафте европейской безопасности, которые позволят раздвинуть периметр центральной зоны мира на планете, облегчить поглощение России расширяющимся Западом и вовлечь Европу в совместные с Америкой усилия во имя упрочения глобальной безопасности.

Расширение ЕС и НАТО является логическим и неизбежным результатом благоприятного исхода «холодной войны». После исчезновения советской угрозы и освобождения Центральной Европы от советского господства сохранение НАТО в качестве оборонительного союза против уже несуществующей советской угрозы не имело бы никакого смысла. Кроме того, отказаться от продвижения в Центральную Европу - значило бы бросить на произвол судьбы по-настоящему нестабильный пояс не очень благополучных и плохо защищенных европейских государств, зажатых между процветающим Западом и охваченной смутой постсоветской Россией, со всеми вытекающими отсюда потенциально разрушительными последствиями для всех сторон.

Итак, у Европейского союза и НАТО нет выбора: чтобы не утратить приобретенные в «холодной войне» лавры, они вынуждены расширяться, даже если с вступлением каждого нового члена нарушается политическая сплоченность Евросоюза и осложняется военно-оперативное взаимодействие в рамках атлантической организации. Что касается ЕС, то раскол между так называемой «старой Европой», в большинстве своем воспротивившейся

лихорадочному стремлению администрации Буша к войне с Ираком, и поддержавшей Вашингтон «новой Европой» рельефно выявил возросшие трудности становления общей европейской внешней политики. В ответ Франция и Германия могут попытаться сколотить внутри ЕС неофициальную группу, призванную говорить и действовать от имени Европы, однако в ближайший период Европейскому союзу как таковому предстоит оставаться в гораздо большей степени экономической, нежели политической реальностью.

В рамках НАТО усилия в области военно-оперативной взаимодополняемости и интеграции также получают

133

иное направление. Интеграция регулярных национальных армий в целях территориальной обороны была оправдана, когда Западной Европе угрожало потенциальное нападение со стороны СССР. Теперь, когда задачи территориальной обороны потеряли первостепенное значение, интегрировать 26 национальных армий бессмысленно. Поэтому НАТО сосредоточит внимание на уточнении конкретного вклада каждого союзника, а также на развитии и укреплении по-настоящему боеспособных интегрированных сил быстрого реагирования для проведения операций за пределами территории членов альянса.

Расширение как ЕС, так и НАТО будет продолжаться. С очередной его волной по мере отступления Востока и наступления Запада опасности, порождаемые наличием геополитически «ничейной земли», просто отодвигаются в восточном направлении. В то же время прогресс в отношениях Запада с Россией и ясно выраженное желание Украины примкнуть со временем к евроатлантическому сообществу не оставляют места сомнениям в преимуществах дальнейшей экспансии. Посему увеличение числа членов ЕС, который объединит к 2005 году 27 государств (после предполагаемого присоединения новых кандидатов), и НАТО, куда должны войти 26 стран (согласно постановлениям, принятым в конце 2002 г. на Пражском саммите),

вряд ли ограничится этими цифрами.

Экспансия, тем не менее, не обязательно означает бесконечный процесс механического приема все новых и новых членов, вплоть до китайских границ. В сфере безопасности могут потребоваться гораздо более длительные периоды развития сотрудничества между НАТО и вероятными кандидатами на вступление в эту организацию, углубления военно-политических связей и усиливающейся вовлеченности альянса в укрепление региональных договоренностей по вопросам безопасности. В каких-то случаях эти процессы могут завершиться присоединением к НАТО, в других случаях речь пойдет о совместном участии отдельных членов этой организации и стран, не входящих в ее состав, но тесно ассоциированных с альянсом, в проводимых под эгидой НАТО операциях безопасности. Хорошим примером является развертывание в

134

2003 году в польском оккупационном секторе на территории Ирака украинских подразделений, тыловую поддержку которых осуществляет НАТО.

В любом случае с завершением второго крупного расширения состава Атлантического союза подвести окончательную черту под этим процессом не удастся. Развивающееся между НАТО и Россией сотрудничество, получившее мощный импульс благодаря образованию Совета Россия - НАТО, мешает Москве выдвигать возражения против желания Украины примкнуть к альянсу. В мае 2002 года, вскоре после того, как было реализовано решение об учреждении Совета, Украина объявила о своем твердом намерении добиваться в будущем членства в НАТО (а также на определенном этапе - приема в ЕС). Хотя она вряд ли сумеет в скором времени удовлетворить установленным критериям, очевидно, что со стороны альянса было бы стратегически неразумно пренебрегать чаяниями Украины. Греша разжечь тем самым имперские амбиции России. Соответственно, процесс целенаправленного поощрения Украины к

подготовке к вступлению в НАТО (которое могло бы состояться до окончания текущего десятилетия) станет следующим логичным шагом.

Сходные соображения применимы и к неустойчивому Кавказскому региону. Прежде входивший в орбиту исключительного имперского контроля России, он в настоящее время насчитывает три независимых, но плохо защищенных государства (Грузию, Армению и Азербайджан), а также множество мелких этнических анклавов Северного Кавказа, все еще находящегося под властью России. Терзаемый изнутри острыми этническими и религиозными противоречиями, регион, к тому же, традиционно является центром борьбы за влияние между Россией, Турцией и Ираном. В постсоветский период к этим давним конфликтам примешалось интенсивное соперничество вокруг раздела энергетических ресурсов Каспийского моря. Кроме того, не исключено, что весьма многочисленное азербайджанское население северозападного Ирана подольет масло в огонь региональных пожаров, потребовав воссоединения со своей недавно получившей независимость и имеющей лучшие шансы

135

на процветание родины: вопрос, вероятно, лишь в том, когда это случится.

Никто из трех традиционных претендентов на главенствующую роль в этом пространстве, то есть ни Россия, ни Турция, ни Иран, не обладает сейчас такой мощью, чтобы в одиночку навязать свою волю региону в целом. Даже совместного выступления двоих из них против третьего игрока, скажем России и Ирана против Турции, было бы недостаточно, поскольку в глубине сцены проступают силуэты еще двух фигур - Соединенных Штатов (присутствующих здесь через посредство НАТО, одним из ведущих членов которой является Турция) и Европейского союза (вступления в который Турция добивается). Между тем без энергичного вмешательства извне тлеющее на Кавказе пламя внутренних социальных, политических, этнических и религиозных конфликтов не только не угаснет, но и, судя по всему, будет

приводить к периодическим вспышкам насилия, как это уже неоднократно случилось после 1990 года.

Все большая очевидность этого положения может даже заставить Россию признать, пусть и скрепя сердце, что ее интересам скорее соответствовала бы та или иная форма взаимодействия с евроатлантическим сообществом, направленного на превращение Кавказа в более стабильный, приверженный сотрудничеству и процветающий регион. За десять лет, истекших после распада ее исторической империи, Россия испытала две кровопролитные войны, которые она с жестокостью вела против рвущейся к независимости Чечни, и они не только нанесли огромный урон моральной репутации России, но и продемонстрировали физические пределы ее способности вести имперскую войну в послеимперскую эпоху.

В 90-х годах XX века НАТО выступила в новой роли, установив стабильность на охваченном волнениями и насильственными конфликтами Балканском полуострове. К началу следующего десятилетия стало ясно, что не удастся обойтись без своего рода Пакта стабильности для Кавказа - программы по образцу Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы. И коль скоро шансы заручиться со временем поддержкой России возросли, учитывая ее

136

общую заинтересованность в координации с возглавляемым Америкой альянсом, а также расширение ее экономических и политических связей с Турцией, стабилизация Кавказа может - и должна — во все большей степени считаться в том числе обязанностью НАТО.

В данных обстоятельствах как Грузия, так и Азербайджан, чьи руководители уже открыто выразили интерес к перспективе вступления в Атлантический союз, скорее всего, активизируют усилия, добиваясь официального членства в этой организации. Тогда вряд ли останется в стороне и Армения; с удвоенной энергией возобновится поиск формулы урегулирования армяно-азербайджанского этнотерриториального конфликта,

а это, в свою очередь, облегчит нормализацию турецко-армянских отношений и в итоге откроет дверь для приобщения Армении к НАТО. Дополнительный импульс такому раздвижению географических пределов стабилизирующей миссии НАТО дает, как уже отмечалось, принятое Россией ее собственное стратегическое решение признать верховенство атлантического сообщества в структуре глобальной безопасности. Как только Россия смирилась с неизбежностью, если не с желательностью, дальнейшего расширения НАТО и предпочла подсластить горькую реальность, заявив о своем дружественном равенстве с альянсом в рамках Совета Россия - НАТО, все преграды на пути прогрессирующего проникновения НАТО внутрь бывшего советского пространства рухнули.

К тому же, совершенный после 11 сентября прорыв американских военных в бывшие советские республики Центральной Азии - Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан — и первоначально неохотное решение Москвы закрыть глаза на этот факт облегчили разным постсоветским государствам выяснение возможностей установления более тесных военно-политических связей с евроатлантическим сообществом во имя совместной борьбы против терроризма. Государства региона, несомненно, обратили внимание на то, что российское правительство, пожалуй, не без затаенного недовольства, но проявляя немалый реализм, не только молчаливо согласилось с участием Америки в обеспечении безопасности своего доселе

137

священного и неприкосновенного «ближнего зарубежья», но и даже признало ее участие в Совместной декларации Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 24 мая 2002 г. Язык документа не оставлял места для двусмысленных толкований: «В Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем наш общий интерес в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств этого региона». Важные геостратегические последствия такого

заклучения очевидны.

Хотя сам Кремль выказывал расположение к Западу еще до 11 сентября, события этого дня помогли оправдать его позицию в обстановке критики со стороны тех представителей российской политической элиты, которые считали правительство чересчур уступчивым по отношению к напористой Америке. Стратегическое решение президента Путина проистекало из реалистичных геополитических расчетов: в условиях возвышения Китая на Востоке (по объему производства Китай превосходит Россию уже в пять, а по численности населения - в девять раз), нарастающей враждебности со стороны 300 с лишним миллионов мусульман на Юге (чья численность за два десятилетия вполне может превысить 400 миллионов), экономической слабости самой России и переживаемого ею демографического кризиса (российское население уже сократилось до 145 миллионов человек и продолжает уменьшаться) у России в буквальном смысле слова нет выбора. Соперничать с Америкой было бы бесполезно, а заключить союз с Китаем означало бы подчиниться ему.

Разумеется, совершенно невероятно, чтобы в ближайшем будущем, например в течение десяти лет, Россия стала членом НАТО. Ей потребуется время, чтобы построить общество, отвечающее предъявляемым к членам организации демократическим критериям, но есть и другие препятствия: свойственная России ностальгическая гордыня и ее традиционная склонность к секретности. Нынешнюю политическую элиту страны слишком больно - задевает мысль о том, что прием России в НАТО зависит теперь от голосования ее прежних вассалов - балтийских

138

государств. А российским генералам было бы тяжело стерпеть необходимость допускать натовских контролеров и экспертов к изучению российских военных бюджетов и инспекции вооружений.

И все же в более отдаленной перспективе Россия, возможно, уразумеет, что присоединение к НАТО упрочит безопасность ее границ, в особенности

на Дальнем Востоке, где российское население стремительно редет. Не исключено, что в конце концов это соображение окажется самым убедительным. А в какой-то момент, в зависимости от эволюции Китая, крепнущее сотрудничество России с НАТО по вопросам, касающимся различных конкретных угроз глобальной безопасности (как предусмотрено Советом Россия - НАТО), могло бы заложить фундамент для построения трансевразийской системы безопасности, которая простиралась бы на значительную часть континента, охватывая даже Китай (подробнее эта тема рассматривается ниже).

Еще более длительный срок понадобится России, чтобы подготовиться к вступлению в ЕС, если таковое вообще когда-нибудь состоится'. Членство в Союзе потребует полной реорганизации социально-экономических и правовых структур этой страны. Здесь не существует коротких путей: речь идет о многоплановом и комплексном процессе, и ни Европейский союз, ни Россия ни в малейшей степени не готовы к подлинной интеграции. Все это, однако, не обязательно является преградой к предварительной частичной координации, направленной на создание самых благоприятных возможностей для обеих сторон в области торговли, инвестиций и все более свободного перемещения рабочей силы и ориентированной на постепенную интеграцию России в европейскую систему. Калининградская область Российской Федерации вскоре окажется целиком в кольце территории членов НАТО и ЕС. Особые договоренности по поводу Калининграда, главным образом об упрощении доступа его жителей в соседние страны, могли бы стать прологом к окружению России (на началах сотрудничества) расширяющимся евроатлантическим сообществом.

139

Кремль, несомненно, надеялся, что сближение с Америкой — особенно Америкой, контуженной ударами 11 сентября и, следовательно, более склонной сочувственно отнестись к российским интересам, - принесет ему материальные и геополитические выгоды. Предполагалось, что согласие с

США усилит позиции России в диалоге с Китаем, поможет привлечь инвестиции для возрождения российской экономики, укрепить влияние России в пределах ее бывшей империи и, к тому же, втянуть Соединенные Штаты в затяжной конфликт с мусульманским миром, который отвлечет враждебные помыслы исламских сил от России. Однако невзирая на подобные прагматические расчеты сближение с Америкой подразумевало готовность очутиться в одной упряжке с ней, причем слабая сторона была обречена оказаться гораздо более прочно скованной, нежели сильная.

Таким образом, сделанный Россией и единственно доступный для нее выбор, пусть даже продиктованный тактическими мотивами, предоставил Западу стратегический шанс. Он создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше вглубь Евразии. Расширение уз между Западом и Россией открыло для проникновения Запада, и в первую очередь Америки, в некогда заповедную зону российского «ближнего зарубежья». Но в конечном счете у России просто не остается альтернативы, если она желает сберечь ценнейшее из своих территориальных владений. Неисчислимы природные богатства Сибири - вот что сулит России наиболее радужные перспективы, а без западной помощи Россия не может быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над этой землей⁴.

Соответственно, транснациональные усилия по развитию и заселению Сибири способны стимулировать подлинное сближение между Европой и Россией. Для европейцев Сибирь могла бы обернуться тем, чем Аляска и Калифорния, вместе взятые, стали в свое время для американцев: источником огромных богатств, полем выгодного приложения капиталов, своего рода «эльдorado» для самых предприимчивых поселенцев. Чтобы удержать Сибирь, России понадобится помощь; ей не под силу одолеть эту

140

задачу самостоятельно в условиях переживаемого ею демографического спада и новых тенденций в соседнем Китае. Благодаря

масштабному европейскому присутствию Сибирь могла бы со временем превратиться в общеевразийское достояние, использование которого происходило бы на многосторонней основе (стоит вспомнить, что Поволжье осваивалось приглашенными для этого немецкими колонистами) и открыло бы перед пресыщенным европейским обществом увлекательную перспективу покорения «новых рубежей».

До тех пор одной из главных задач евроатлантической политики будет оставаться целенаправленная поддержка усилий по консолидации России в качестве постимперской страны, развивающей демократию. Учитывая отсутствие в России глубоко укоренившейся демократической политической культуры, сохраняющиеся у значительной части ее политической элиты имперские амбиции и авторитарные наклонности российских властных структур, серьезные отступления назад здесь все еще возможны. По-прежнему не исключена вероятность поворота к националистической диктатуре. Европе надлежит зорко следить за тем, чтобы ее складывающееся «энергетическое партнерство» с Россией не давало Кремлю новых рычагов политического воздействия на соседей. Сотрудничеству с Россией должны сопутствовать одновременные усилия по укреплению геополитического плюрализма в пределах ее бывшего имперского пространства, которые поставят непреодолимый заслон любым попыткам восстановить империю. Так что НАТО и ЕС следует сделать все для включения новых независимых постсоветских государств, прежде всего Украины, в орбиту расширяющегося евро-атлантического сообщества.

На карту поставлена будущая глобальная роль евро-атлантического сообщества в обеспечении безопасности. Включение со временем в евроатлантическую систему России в качестве нормального европейского государства среднего ранга (которое уже не является имперским Третьим Римом) позволило бы заложить гораздо более прочную и всеобъемлющую основу для улаживания нарастающих конфликтов в западно- и центральноазиатской части

Мировых Балкан. Тем самым удалось бы утвердить мировое первенство евроатлантических институтов, а благодаря их главенству было бы бесповоротно покончено с ожесточенной борьбой за превосходство, которую столь долго, с таким напряжением сил и такими разрушительными последствиями вели между собой европейские нации.

Но нельзя медлить и с повышением роли Европы в поддержании глобальной безопасности. Острие новых угроз всеобщей безопасности в настоящий момент направлено не столько на Европу, сколько на Америку, прежде всего в связи с углубляющейся и все более односторонней вовлеченностью США в дела Ближнего Востока, обуреваемого жаждой отмщения. Однако в конечном счете эти угрозы неделимы: когда над Америкой нависает опасность, это означает большую уязвимость Европы. Посему их ответ должен быть совместным, и Америка с Европой располагают общим инструментом — НАТО. Вопрос в том, как этим инструментом распорядиться, принимая во внимание основную миссию НАТО, политические проблемы американо-европейского партнерства и желание Европы приобрести некоторый автономный военный потенциал. Во времена «холодной войны» союзники по обе стороны Атлантики исходили из единого понимания характера угрозы и признания взаимозависимости своей уязвимости. Оборона Западной Европы была тождественной обороне Америки, и наоборот. После событий 11 сентября на обоих берегах океана преобладали те же ощущения, но лишь до поры до времени. Первой реакцией Европы на нападение была безоговорочная солидарность с Америкой. Впервые за всю свою историю НАТО ввела в действие статью 5 (Вашингтонского договора), единодушно заявив, что все члены организации участвуют в совместной обороне против общей угрозы. Хотя в ходе военной кампании в Афганистане Соединенные Штаты предпочли не опираться на силы НАТО, сочтя за лучшее использовать собственные войска и несколько отборных, обладающих высокой способностью к оперативному

к взаимодействию частей из союзных англосаксонских государств, позднее контингенты стран НАТО, развернутые для поддержания мира в освобожденном от талибов

142

Афганистане, превысили по численности дислоцированные в этой стране американские подразделения.

В первые месяцы после 11 сентября европейские союзники Америки поддержали Вашингтон также в том, что двумя главными (и потенциально взаимосвязанными) угрозами глобальной безопасности являются терроризм и распространение оружия массового уничтожения. Но вскоре выяснилось, что некоторые не сразу заметные, но важные различия в точках зрения Америки и Европы создают препоны на пути к подлинному трансатлантическому сотрудничеству в сфере глобальной безопасности. Расхождения касаются двух ключевых вопросов: природы угрозы и масштаба надлежащих ответных действий.

История уже познакомила европейцев с терроризмом, и, возможно, оттого они видят в нем в меньшей степени воплощение зла и в большей степени - порождение политики. А раз так, считают они, то и противостоять террористической угрозе "следует, признав взаимосвязь между прямыми мерами по истреблению террористов и политическими действиями, призванными уничтожить политические и социальные корни этого явления. Иными словами, борьба с терроризмом не может быть центральным организующим принципом политического курса Запада в области глобальной безопасности; этот курс должен иметь более широкую политическую и социальную направленность и охватывать усилия по устранению глубоко скрытых факторов, способствующих появлению террористов и используемых ими в своих интересах. Пожалуй, наиболее острые противоречия между представителями континентальной Европы и американцами наблюдаются в оценке ими палестинского терроризма: многие американцы, включая некоторых членов администрации, видят в нем зло, по

большой части не имеющее отношения к оккупации Израилем палестинских земель, тогда как многие европейцы склонны думать, что оккупация и особенно создание на этих землях еврейских поселений подстегивают террористическую деятельность.

Во-вторых, как выразился один из ведущих германских аналитиков по международным вопросам, «американцам свойственно смотреть на весь мир как на поле

143

деятельности Атлантического сообщества, европейцы же хотят действовать в пределах Европы и на подступах к ней, то есть в пространстве, рамки которого пока весьма расплывчаты, но в любом случае гораздо уже»⁵. Различия в подходах, которые после окончания «холодной войны» мало-помалу становились все отчетливее, в еще более острой форме прорвались наружу после 11 сентября. В представлении Соединенных Штатов, борьбу с «глобальным терроризмом» надлежало вести на всей планете, и для НАТО было бы вполне естественно включиться в глобальное противоборство, защищая «цивилизацию как таковую», если прибегнуть к эмоциональным словам президента Буша. В глазах европейцев это походило на нажим в расчете принудить Европу поступиться ее общей заинтересованностью в глобальной стабильности в угоду сиюминутной одержимости Америки «осью зла», и в частности Ираком.

Коль скоро Европа будет шаг за шагом приближаться к политическому объединению, потихоньку (пусть даже очень медленно) обзаводясь собственным военным потенциалом, разрыв между нею и Америкой во взглядах на глобальную безопасность может еще больше увеличиться, тем более что определяемый Европой периметр ее собственной сферы безопасности будет неминуемо раздвигаться. Но даже тогда способность Европы выполнять сколько-нибудь серьезные боевые задачи вне зоны своей ответственности останется весьма ограниченной. В ближайшие несколько лет у планируемого европейского корпуса быстрого реагирования в

количестве 60 тысяч человек, если только он не будет существенно усилен, по-прежнему будет отсутствовать полный спектр военных средств, необходимых для ведения масштабных боевых действий на большом удалении от европейских границ. А это значит, что суть постепенно расширяющейся роли Европы в области безопасности можно сжато выразить простой формулой: взаимодополняемость с Америкой, но не независимость от нее.

Проблемой, наиболее способной побудить Европу взять на себя более весомые функции в обеспечении безопасности за пределами континента и даже стимулировать

144

формирование у нее чувства своего особого стратегического предназначения, является положение на Ближнем Востоке⁶. Учитывая близость этого региона к Европе и ее исторически сложившиеся политические и экономические интересы в ближневосточном пространстве, Европейскому союзу придется играть более активную роль в умиротворении этой территории. Однако чтобы утвердиться в таком амплуа, Европе надо также захотеть возложить на себя часть бремени по совместному с Америкой финансированию и осуществлению направленных на установление мира усилий.

Фактически у европейцев есть шансы выполнять постепенно возрастающую, но по-прежнему вспомогательную роль в сфере глобальной безопасности, как они это делали в Афганистане и, возможно, вскоре станут делать в Ближневосточном регионе. Если на Ближнем Востоке будет развернут объединенный американо-европейский контингенту пусть даже частично состоящий из подразделений европейского корпуса быстрого реагирования, координация его действий и командование им, вероятно, будут осуществляться структурами НАТО, в свете чего открывшиеся перед альянсом горизонты, новые масштабы его миссии в сфере безопасности предстанут еще рельефнее. Эффект европейского участия и связанная с ним

неизбежность для Америки более тесно консультироваться с Европой по политическим проблемам региона укрепят роль расширяющегося евроатланти-ческого сообщества в качестве ядра глобальной стабильности. Но все это произойдет при условии, что как Вашингтон, так и Брюссель научатся находить равновесие между разделением совместного бремени и совместным принятием политических решений.

Метастабильность Восточной Азии

Восточной Азии еще предстоит определить, будет ли ее геополитическое будущее походить на судьбу Европы в первой половине XX века или на европейскую историю второй половины того же столетия. Кое-чем сегодняшняя

145

Азия навевает мрачные воспоминания о Европе в канун 1914 года. Впрочем, это еще не значит, что регион обречен воспроизвести трагический европейский опыт саморазрушения. Быть может, Азия избежит повторения ошибок Европы, не сумевшей справиться с междоусобным соперничеством своих держав. Но надо отметить, что регион метастабилен, то есть находится в том состоянии прочной устойчивости, от которого не останется и следа, как только под внезапным воздействием некоего фактора наступит разрушительная цепная реакция.

Стабильность региона может оказаться под угрозой из-за роста могущества ряда азиатских государств. Здесь нет никаких сдерживающих «кооперативных» структур, отвечающих за региональную безопасность. Жгучие взаимные обиды ближайших соседей в сочетании с острыми национальными переживаниями выглядят особенно зловеще на фоне стратегической уязвимости соответствующих стран. Современные азиатские державы действуют в быстро меняющемся и преимущественно неструктурированном региональном контексте, которому недостает многосторонних механизмов сотрудничества в области политики, экономики и безопасности, подобных тем, что существуют в сегодняшней Европе и даже в Латинской

Америке. Посему Азия объединяет в своем лице символ все более впечатляющего экономического успеха, социальный вулкан и воплощение политического риска.

На ее просторах находящийся на подъеме Китай соперничает за региональное первенство с союзником Америки — Японией; противоестественно разделенная Корея представляет собой мину, готовую взорваться в любой момент; будущее Тайваня служит яблоком раздора; Индонезия уязвима внутренне; а считающая себя ровней Китаю Индия встревожена угрозой с его стороны. Китай и Индия (равно как и недруг Индии - соседний Пакистан) официально являются ядерными державами. Северная Корея дерзко притязает на ядерный статус, а Япония едва противостоит искушению в сжатые сроки создать собственный ядерный потенциал. Восходящая держава, Китай, напоминает кайзеровскую Германию, которая завидовала Великобритании, враждовала с Францией и презирала

146

Россию; сегодняшний Китай, все более прагматично подходя к роли Америки в Тихоокеанском регионе, нервно реагирует на Японию, свысока взирает на Индию и ни во что не ставит Россию.

На состоянии глобальной безопасности неминуемо отзовется то, как в реальности будет развиваться международная обстановка на Дальнем Востоке. А это, в свою очередь, будет во многом зависеть от образа действий двух ведущих восточноазиатских государств - Китая и Японии, а также от того, какое влияние на их поведение окажет Америка. Стабильная Восточная Азия, порукой которой был бы постепенно институционализирующийся и тщательно сбалансированный стратегический треугольник в составе США, Китая и Японии, обеспечила бы критически важный восточный плацдарм для противостояния стихии беспорядка на обширных евразийских пространствах. Индия, Россия и Европейский союз тоже могут внести соответствующий вклад во взаимодействие участников главной триады, но лишь в качестве

периферийных фигур.

Взаимным жалобам и претензиям, отягощающим отношения между азиатскими государствами, несть числа. Они связаны с историческим прошлым, территориальными спорами и культурным несходством. Китайцы негодуют из-за сохраняющего отдельный статус Тайваня, вина в том Америке, со страхом и неусыпным вниманием наблюдают за перевооружением Японии, осуждают японцев за то, что те недостаточно покаются в злодеяниях военного времени, и они не забыли о территориях, которые Россия отхватила у них в период их исторической слабости. Японцы видят в Китае источник потенциальной угрозы своей безопасности и приобретающего вес конкурента, собирающегося оспаривать экономическое и политическое преобладание Японии в регионе. А то, что Россия по-прежнему удерживает южные острова Курильской гряды, наполняет японцев такой злобой, что спустя свыше 55 лет после завершения Второй мировой войны формальный российско-японский мирный договор все еще ждет своего подписания. К тому же, японцы все больше рассматривают свою зависимость от Соединенных Штатов

147

не как желанный долговременный выбор, а скорее как временную стратегическую необходимость, продиктованную опасной нерешенностью проблемы Кореи, расчлененной в результате Второй мировой войны. Индонезийцы с тревогой следят за ростом китайского могущества, а индийцев возмущает высокомерный отказ китайцев признать Индию равновеликой Китаю силой в Азии и пугает угроза со стороны неформального китайско-пакистанского альянса.

Не облегчают положения имеющие глубокие корни национальные комплексы, обостряемые мучительными историческими воспоминаниями. Японцы достигли вершин имперского величия и скатились в бездну сокрушительного поражения на протяжении одного и того же столетия. Они остаются единственными жертвами применения атомного оружия. Им

прекрасно известно, что они обделены природными ресурсами, и их все больше беспокоят социально-экономические последствия быстрого старения населения страны (по этому показателю Япония занимает второе место в мире). Китайцы с горькой обидой перебирают в памяти длительную историю национальных унижений, которые им причиняли японцы, американцы, русские, британцы и французы, а также - в меньшей степени — немцы и итальянцы, внесшие свою лепту в подавление «боксерского» (Ихэтуаньского. — *Прим, пер.*) восстания. С отмиранием официальной коммунистической идеологии главной опорой политического единства Китая станет, вероятно, набирающий силу китайский национализм. На периферии региона индийцы, озабоченные усиливающимися межобщинными распрями у себя дома, с ревностью обнаруживают, что Китай обладает гораздо большей привлекательностью для прямых инвестиций иностранного капитала. А русских терзает мысль, как бы в более отдаленной перспективе им не пришлось уступить свои дальневосточные территории более могущественному и густонаселенному Китаю.

К этому водовороту страхов, антагонизмов и комплексов добавляется стратегическая уязвимость всех и каждого. Экономическое выживание любого из главных

148

игроков на азиатской сцене целиком обуславливается беспрепятственным доступом морских торговых судов всего лишь к двум-трем крупным портам. Достаточно заблокировать несколькими магнитными минами подход к Шанхаю, Йокогаме или Бомбею (и еще к одному-двум портовым городам), чтобы буквально застопорить экономическую жизнедеятельность Японии, Китая или Индии. Экономика этих стран зависит почти исключительно от доставляемых морским путем грузов, в том числе от импортируемой нефти, без которой их существование абсолютно невозможно. Железнодорожные каналы торгового сообщения не только не пригодны для островных государств, вроде Японии или Индонезии, но и

мало что значат для Китая и Индии. Жизненно важный, особо ценный морской путь представляет собой расположенный вблизи от Сингапура Малаккский пролив, ибо через этот узкий проход осуществляются торговый обмен дальневосточных стран с Европой и доставка ввозимой с Ближнего Востока нефти.

Неудивительно, что в Азии понемногу набирает обороты гонка военно-морских вооружений. Параллель с военно-морским соперничеством, наблюдавшимся в прошлом веке в Европе, напрашивается сама собой. Без громких речей все главные протагонисты усиливают свои подводные флоты, обзаводятся надводными кораблями, оборудованными для размещения ударных вертолетов, изучают возможности приобретения авианосцев и жаждут увеличить дальность действия авиации. Китай и Индия усердно трудятся над созданием могучих, способных патрулировать океанские просторы военно-морских сил и ведут энергичные переговоры с Россией о закупке одного из крупных авианосцев, строительство которых не успел завершить Советский Союз. Обе державы проводят модернизацию флотилий эскадренных миноносцев (оснащая их в том числе приобретенными у России современными моделями) и наращивают мощь своих подводных флотов, рассматривая их как основу контроля над морским пространством. В своих работах по вопросам стратегии китайские специалисты в области военно-морского планирования настаивают на расширении зоны

149

патрулирования китайских военно-морских сил в юго-западном направлении, тогда как индийские эксперты все более упорно подчеркивают не только особую ответственность ВМС страны в Индийском океане, но и необходимость утвердить присутствие Индии к востоку от Малаккского пролива.

Не теряют даром времени и японцы. В 2001 году они оповестили о том, что Япония начинает регулярно направлять вооруженные патрульные корабли в Малаккский пролив для участия в защите японских танкеров и

грузовых судов, подвергающихся нападениям местных пиратов. Располагая современным флотом великолепно оснащенных эсминцев, японцы, помимо этого, задались целью увеличить радиус действия своих военно-морских сил за счет приобретения так называемого десантного корабля-дока (LPD), приспособленного для размещения ударных вертолетов, а возможно, и самолетов с неподвижным крылом. С завершением запланированного строительства дополнительных эсминцев водоизмещением 13 500 тонн Япония получит на вооружение корабли, превосходящие итальянский авианосец «Гарибальди», способный нести 16 реактивных истребителей «Харриер». Располагая дозаправляемыми в воздухе истребителями большого радиуса действия (эти средства, обладающие способностью при условии дозаправки покрывать большие расстояния, по официальной малоправдоподобной версии, предназначены для «гуманитарных» целей) и современным подводным флотом, японские военно-морские силы, которые все еще скромно выглядят по сравнению с ВМС США, уже являются самыми технически передовыми и могучими в Азии.

В конечном счете ответ на вопрос, что ждет Дальний Восток - война или мир, - во многом зависит от того, каким образом Китай и Япония будут взаимодействовать друг с другом и с Соединенными Штатами. Если бы Соединенным Штатам довелось вывести свои войска из этого региона, повторение сценария европейской истории XX столетия было бы весьма вероятным. У Японии почти не оставалось бы иного выбора, кроме как незамедлительно рассекретить свою уже осуществляемую программу

150

переворужения и ускорить ее выполнение; Китай, скорее всего, ринулся бы стремительно наращивать свои ядерные силы, которые до сих пор были предназначены служить лишь минимальным средством сдерживания; Тайваньский пролив стал бы ареной национального самоутверждения китайцев; Корея, по всей видимости, пережила бы кровопролитие, в ходе которого наступил бы конец ее разделению, а,

воссоединившись, возможно, превратилась бы в ядерную державу; и наконец, под прикрытием опасного ядерного зонта в китайско-индийско-пакистанском треугольнике могли бы возобновиться открытые боевые действия с применением обычных вооруженных сил. И вот тогда хватило бы одной-единственной спички, чтобы вызвать взрыв.

Однако в ближайшее десятилетие или около того наиболее вероятна модель, определяемая взаимодействием таких факторов, как возвышение Китая, откровенно рвущегося к статусу могущественной региональной державы, неуклонное наращивание Японией все более внушительной военной мощи в неясных пока целях и старания Америки держать под контролем оба вышеуказанных процесса. Такие усилия потребуют от нее скрупулезных стратегических расчетов и по-настоящему тонкого понимания чаяний как китайской, так и японской стороны. Китай вступает в посткоммунистическую фазу своего развития в качестве все более националистически настроенной державы, а Японии (все еще занимающей второе место в мире по экономическому потенциалу) начинает досаждать степень зависимости ее безопасности от Америки, которая временами позволяет себе произвол и может оказаться перегруженной обязательствами.

Китайский взгляд на мир и на роль в нем самого Китая стал гораздо прагматичнее и свободнее от доктринальных предубеждений, в особенности после событий 11 сентября. Столкнувшись с очевидным намерением России бросить заигрывание с идеей российско-китайской коалиции, направленной против американского «гегемонизма», китайцы явно озаботились опасностью очутиться в международной изоляции. Они отказались от своих неистовых разоблачений американской агрессивности и от

151

громогласных обвинений в адрес Соединенных Штатов в том, что те замышляют войну против Китайской Народной Республики. Если еще в первой половине 2001 года подобные словоизлияния в изобилии встречались в китайских средствах массовой информации⁷, то к 2002 году черно-белая

картина глобальной конфронтации между миролюбивыми государствами и поджигателями войны уступила место гораздо более нюансированным интерпретациям. Весьма показателен в этом отношении здравый анализ ситуации в номере от 4 февраля 2002 г. издания «Цзефанцзюнь бао», официального органа Генерального политического управления Народно-освободительной армии Китая (НОАК), где было сделано следующее заключение: «Основополагающими характеристиками в развитии международной обстановки в настоящее время и на ближайшее будущее являются: всеобщий мир в сочетании с локальными войнами, всеобщее спокойствие в сочетании с очагами напряженности и всеобщая стабильность в сочетании с локальными беспорядками».

Далее китайские аналитики утверждали, что «проблематика международной безопасности все более диверсифицируется, происходит переплетение традиционных и нетрадиционных факторов безопасности, а ущерб, причиняемый такими нетрадиционными вызовами безопасности, как терроризм и торговля наркотиками, приобретает более серьезный масштаб». Отражая подход, в большей мере отмеченный доктринальными клише, печатный орган НОАК выступил с предостережением: несмотря на вышесказанное, отмечалось в газете, Соединенные Штаты все более расположены придать союзам с их участием, прежде всего НАТО и оборонительному договору с Японией, наступательный характер, что не может не вызывать озабоченности у Китая. Нет нужды добавлять, что именно альянс между Японией и Америкой более всего тревожил пекинских стратегов.

То, что китайцы испытывают здоровое чувство почтения к потенциальному могуществу Японии, понятно. То, что они намеренно преувеличивают ее мощь, также не удивительно, ибо тем самым националистические эмоции китайских масс направляются в надлежащее русло,

избавляя от осложнений отношения Китая с Америкой. Китайцы отдают себе отчет в том, что непрерывный приток прямых иностранных инвестиций и передовых технологий в страну, а также доступ экспортируемой продукции китайской промышленности на один из важнейших зарубежных рынков зависят от сохранения неантагонистических отношений с Соединенными Штатами. Напротив, приглушенное и тщательно контролируемое недружественное соперничество с Японией не только исторически естественно, но и политически целесообразно: оно позволяет укрепить национальную сплоченность, избежав непомерно высоких международных издержек.

Посему масс-медиа неустанно твердят китайскому народу, что Япония уже снова превратилась в крупную военную державу, что ее военные возможности, и без того значительные, продолжают быстро увеличиваться, а более специализированные издания НОАК постоянно информируют о том, как политическую элиту страны. Мощь Японии, как говорится, представляет все более серьезную угрозу безопасности Китая и региона в целом, особенно учитывая наращивание ею технологически передовых средств для ведения наступательных операций. Более того, воинственные заявления любого японского политика, как правило, широко обыгрываются в китайских СМИ, которые, к тому же, скрупулезно фиксируют каждый малейший признак тяготения Японии к отказу от ее формального конституционного обязательства исходить в военной политике из сугубо оборонительных потребностей в узком смысле слова.

Согласно китайским политическим и военным изданиям, Япония, помимо того, что она имеет сверхсовременные военно-морские и военно-воздушные силы и занимает второе место мире по объему ассигнований на национальную оборону, наращивает внушительный арсенал баллистических ракет, который в качественном отношении уже превосходит аналогичные силы Франции и самого Китая и даже сопоставим с потенциалом Америки. Разработанная в конце 90-х годов японская ракета М-5 представляет собой,

как утверждается, усовершенствованный вариант последней и самой мощной американской

153

модели МБР - твердотопливной ракеты МХ, а новейшая модель, якобы предназначенная для космических исследований, ракета Н-2А, имеет радиус действия 5С'Ю км, что обеспечивает Японии способность, используя обычную двухтонную боеголовку, поразить любую цель на территории Китая. В то же время очевидный интерес Японии к сотрудничеству с Соединенными Штатами в создании оборонительной системы на базе управляемых ракет и приобретение ею сверхсовременных эсминцев ПВО «Эгис» рассматриваются как свидетельство ее намерения добиться стратегического превосходства над Китаем⁸.

В более мрачных китайских прогнозах дело выглядит так, будто Япония вот-вот превратится в мощную ядерную державу. В доказательство этого предположения приводятся следующие аргументы: Япония располагает когортой высококвалифицированных ученых, способных произвести полностью готовые детали ядерных зарядов и быстро («всего за одну неделю», по словам китайского репортера) собрать их; Япония с ее 44 атомными реакторами уже является третьим в мире производителем атомной энергии; по объему перерабатываемого ядерного топлива (до 800 с лишним тонн) Япония удерживает третье место в мире, уступая только Америке (2100 тонн) и Франции (1200 тонн); предполагается, что этот объем значительно увеличится в ближайшее десятилетие и к тому времени Япония будет располагать самыми большими запасами плутония в мире, хотя даже имеющегося сегодня количества вполне достаточно для изготовления тысяч ядерных боеголовок. Короче говоря, Япония изображается как «*де-факто* ядерная держава, стоящая на пороге создания ядерного оружия»⁹.

Учитывая рост военного потенциала Японии, китайцы считают наиболее пугающими два сценария. Согласно первому из них, Япония вырывается из всех пут либо потому, что ей удастся добиться независимости

от Америки, либо ввиду внезапного ухода США с Дальнего Востока. Опираясь на свою крепнущую военно-морскую мощь и ядерный потенциал, она встает на путь откровенно враждебной политики по отношению к Китаю и заключает островной альянс с Тайванем. В представлении китайцев

154

Тайвань в этом случае превратится в новый, образца XXI века эквивалент государства Маньчжоу-го, образованного в первые десятилетия XX века в китайской Маньчжурии под нажимом и протекторатом японских милитаристов. Вслед за этим может пробить час военного столкновения между Китаем и Японией.

Второй сценарий предусматривает, что существующие в сфере безопасности узы, связывающие США с Японией, Южной Кореей и Тайванем, которые формально носят двусторонний характер, а в случае с Тайванем являются в основном неофициальными, будут открыто преобразованы Соединенными Штатами в союз антикитайской направленности. Политический статус Тайваня окажется таким же, как и в первом сценарии, даже если Соединенные Штаты, по-видимому, будут в меньшей степени, нежели националистическая Япония, расположены поощрять формальное отделение Тайваня от Китая. В любом случае КйТай попадет в геополитическое окружение, и тогда Индия, вероятно, не устоит перед соблазном воспользоваться ситуацией и станет оказывать давление на Китай, требуя вернуть территории, насильственно от нее отторгнутые, по ее утверждению, в ходе пограничного конфликта начала 1960-х годов.

То, что некоторые политически влиятельные круги Тайваня охотно приветствовали бы оба варианта развития событий, прозрачно дал понять тайваньский президент Чэнь Сюйбянь, который в начале 2002 года призвал к совместной разработке противоракетных оборонительных комплексов усилиями США, Японии и Тайваня. Тайваньские СМИ благосклонно освещали комментарии японских и тайваньских военных специалистов в поддержку «молчаливого союза» между Японией и Тайванем, призванного

сдерживать Китай. Как заметил один тайваньский эксперт по вопросам обороны, «для Японии, имеющей дело с Тайванем как с молчаливым союзником, самое важное будет знать, что Тайвань - настоящий союзник»¹⁰.

Принимая во внимание вышеупомянутые опасности, китайцы будут крайне скрупулезно оценивать эволюцию американо-японских связей и их воздействие на

155

традиционную конкуренцию между Китаем и Японией. Может обнаружиться, как это ни парадоксально, что по мере отхода Китая от коммунистической идеологии и прагматического признания им своей заинтересованности в относительно стабильных отношениях с Соединенными Штатами рост японской военной мощи заставит китайцев больше ценить неизменную зависимость Японии от США. Тогда практическая значимость подлинно стабильного американо-китайско-японского сближения перевесит прежде свойственную китайцам тенденцию рассматривать мир в навеянных доктринальными убеждениями категориях дихотомического противостояния.

Имеются признаки того, что такая перемена уже происходит. В последнее время некоторые китайские эксперты публично заявляют, что, проводя умелую тонкую политику и бдительно следя за секретными аспектами американо-японских связей, Китай сумел бы не просто избежать развития событий в русле вышеописанных мрачных сценариев, но и добиться большего. Подобный курс благоприятствовал бы формированию в японском обществе чувства принадлежности к общему азиатскому миру, препятствуя поощряемому Америкой долговременному отчуждению Японии от Азии. Ее отчуждение, как опасаются китайцы, может стать следствием неустанных стараний Америки, жаждущей превратить Японию из азиатской страны в тихоокеанский эквивалент Соединенного Королевства - страну со своим отдельным, островным, отличающим ее от государств континента самосознанием, которая служила бы Америке в качестве ее привилегированного

партнера в Тихоокеанском регионе и ключевой миссией которой было бы оказание помощи Америке в сдерживании «китайской угрозы». Желая подтолкнуть Японию к тому, чтобы она, напротив, отождествляла свое будущее с Азией, один китайский специалист в области внешней политики прибегнул к следующему утверждению: «Для Китая самым идеальным результатом улучшения китайско-японских отношений является благотворный, равносторонний и предполагающий активное взаимодействие прогресс в отношениях между Китаем, США и Японией»¹¹.

156

С этой целью Пекин все более упорно добивается улучшения своих отношений как с Соединенными Штатами, так и с Японией, невзирая на военные усилия последней. Сдвиг в позиции Китая позволяет извлечь важный стратегический урок: плавное, тщательно дозированное укрепление роли Японии в сфере безопасности в действительности повышает заинтересованность Китая в сохранении стабильного сотрудничества с Соединенными Штатами, в неизменности американо-японских связей и поддержании сбалансированности китайско-японо-американского треугольника.

Тем не менее со стороны руководства США было бы заблуждением считать, что столь же ощутимое наращивание вооруженных сил Тайваня аналогичным образом имело бы положительный эффект. Постепенно обретающая могущество Япония, если только она не отдалится полностью от США, вряд ли употребит свои совершенствующиеся военные навыки на то, чтобы бросать прямой вызов жизненно важным интересам Китая. Иначе обстоит дело с Тайванем. Существует немалый риск, что сепаратистски настроенные политические силы Тайваня не устоят перед искушением воспользоваться любым существенным ростом военного потенциала как благоприятной возможностью провозгласить формальную независимость острова от Китая. В такой ситуации ни одно китайское правительство, даже самое авторитарное, не сможет остаться пассивным, особенно учитывая

возросшее влияние национализма на сознание китайских масс. Ярость китайского народа в этом случае в состоянии спровоцировать военное столкновение между Китаем и Америкой с дестабилизирующими последствиями для всего региона.

Помимо тайваньского вопроса, китайских руководителей во внешнеполитической сфере и впредь будет волновать главным образом то, насколько динамичный характер примет наращивание Японией военной мощи, в какой мере ему будет сопутствовать ее политическое самоутверждение и каковы международные амбиции этой страны, а также в какой степени союз с Америкой будет оказывать сдерживающее воздействие на военное

157

усиление Японии. В этой связи имеются основания для осторожного оптимизма. Едва ли Соединенные Штаты или Япония ринутся менять стратегическую ориентацию. Периодические кампании в американских масс-медиа, в ходе которых Китай пытаются изобразить в качестве будущей сверхдержавы, грядущего соперника и источника главной угрозы для Америки, не привели к серьезному давлению со стороны Конгресса или общественности, с тем чтобы заставить США занять более враждебную позицию по отношению к Китаю. Никто не призывает к срочному перевооружению Японии, как это было в отношении Западной Германии в 1950-е годы - в опасное десятилетие «холодной войны».

Сами японцы демонстрируют глубокое понимание озабоченности Китая и, вероятно, будут по-прежнему держаться в тени, даже продолжая неуклонно укреплять свои военные возможности. Их военные усилия, похоже, продиктованы не страстным стремлением японской нации обрести независимую военную мощь, а во многом осмотрительностью и нежеланием оказаться совершенно беззащитными в случае внезапного отказа США от своих обязательств. В конечном счете Япония скорее руководствуется целью иметь надежный запасной вариант, чем замышляет неожиданный разрыв

союзнических отношений.

На самом деле то, что демократические ценности и ярко выраженная антимилитаристская этика глубоко укоренились в мышлении японцев, делает большую честь японскому народу и его политической элите. Ведущиеся сейчас в Японии дискуссии о масштабах и геостратегических целях национальных военных программ, неизменная поддержка общественностью строгих конституционных запретов на использование японских вооруженных сил за рубежом - все это отражает рациональное и ответственное видение международной роли Японии. Короче говоря, сегодняшняя Япония - конституционная демократия истинного образца - является добропорядочным гражданином мира.

Конечно, в Японии раздаются голоса, ратующие за более уверенное поведение на международной арене, и особенно слышны они стали после событий 11 сентября.

158

Но, за исключением не имеющего заметного влияния крикливого меньшинства, те, кто настаивает на более активной роли страны, делают упор главным образом на обязанность Японии как второй по экономическому потенциалу державы мира взять на свои плечи соразмерную долю ответственности за обеспечение глобальной безопасности. В общем и целом такая линия не подразумевает призывов к полной военной независимости и разрыву уз, связывающих Японию с Соединенными Штатами. Растущая склонность отказаться от интернационалистского пацифизма, возможно, присутствует, но это не означает намерения встать на путь националистического милитаризма.

Типичными являются взгляды, высказанные после событий 11 сентября председателем постоянного комитета по внешней политике и обороне верхней палаты японского парламента. «Простое пацифистское представление о том, что военная йощь есть зло, сложилось в послевоенной Японии в результате страшного опыта, пережитого страной в годы Второй

мировой войны, - отметил он. -Эта идея, получившая преувеличенное толкование, переросла в так называемый пацифизм одной страны, и мы должны критически переосмыслить свои позиции в этом отношении». «Японии как ответственному члену международного сообщества, - продолжал японский политик, -надлежит обрести способность играть свою роль в противодействии новым угрозам, возникшим в эпоху после окончания «холодной войны». Далее, мы должны создать систему, которая защитит наши жизни, собственность и землю от традиционных угроз (таких, как вооруженное нападение со стороны других стран)... И наконец, нам надо внести поправки в законодательство, чтобы обеспечить успешное функционирование альянса между Японией и США, необходимого для сохранения общего военного равновесия в Восточной Азии»¹².

Это и многие другие подобные заявления отражают крепнущие в обществе настроения в поддержку более напористой политической линии Японии на мировой арене. Япония явно отходит от пассивной пацифистской позиции, тяготея к более активной вовлеченности

159

в международную жизнь, включая не только операции по поддержанию мира, но и прямое военное участие в принуждении к миру (как в Ираке). Тем не менее такая ориентация далека, как небо от земли, от независимой, националистической, милитаристской внешней политики, которая имеет шансы стать реальной только вследствие фундаментального и угрожающего изменения военно-политической обстановки вокруг Японии.

В отличие от европейских стран накануне 1914 года, ни Китай, ни Япония не ударились в националистические разглагольствования о своем великодержавном будущем. В отличие от советских руководителей, которые нередко похвалялись, что Россия вот-вот выроет могилу Соединенным Штатам, китайцы склонны подчеркивать (и совершенно справедливо) свою относительную отсталость и то, как много времени понадобится на ее преодоление¹³.

Японцы, пережив в 1980-х годах недолгое суетливое упоение, во многом вызванное опасениями Америки, испугавшейся, что Япония вот-вот станет «следующим сверхгосударством», столь же скромны в оценке своих долгосрочных перспектив. Они прекрасно отдают себе отчет не только в уязвимости собственной страны в случае глобальных беспорядков, но и в том, какие помехи ее благоденствию создают затянувшаяся экономическая депрессия и старение населения Японии.

Еще одно обстоятельство крайне важно: китайцы лучше, чем кто бы то ни было, знают, что у них нет и в течение определенного времени не появится достаточных сил, чтобы позволить себе серьезные военные провокации. Любой военный сценарий, способный перерасти в столкновение с Соединенными Штатами, означал бы для Китая катастрофу. При желании Соединенные Штаты могли бы установить блокаду вокруг Китая, полностью парализовав тем самым его внешнюю торговлю и поставки нефти в страну¹⁴. Но даже если этого не случится, серьезный конфликт в регионе, как уже отмечалось, чреват воплощением в жизнь еще одного кошмара китайских стратегов - появлением обладающей сверхсовременным военным потенциалом Японии, рвущейся к новой политической роли и не связанной опекой США.

160

Гораздо более правильным курсом для Китая было бы экономно расходовать свои силы, создавать условия для дальнейшего экономического роста, терпеливо работать над укреплением экономической зависимости Тайваня от материка и осторожно культивировать рост особого азиатского политического самосознания, пестуя экономическое сообщество азиатских стран, куда со временем удалось бы заманить и Японию. Политический интерес Китая к формированию такого отдельного, не связанного с Америкой, сообщества явно растет. Там-то, ожидают китайцы, их политический голос будет звучать громче всех - и Америке придется прислушаться к нему.

Китайцам ведомо не только то, что для осуществления всех этих

замыслов нужен мир на Дальнем Востоке. Они также понимают, что в мирной обстановке Китай имеет шанс стать в буквальном смысле глобальной фабрикой - всемирным центром производственных инвестиций и главным в мире экспортером готовой промышленной продукции. По его вине уже разоряются некоторые традиционные секторы промышленности высокоразвитых стран, включая Америку, и даже экономически быстро развивающихся конкурентов Китая, наподобие Индии. К тому же, китайские фирмы начинают скупать обанкротившиеся японские компании в Юго-Восточной Азии. Китайцы чувствуют, что приблизительно через два десятка лет благодаря совокупному эффекту этих тенденций Китай может превратиться в доминирующую торговую державу и политического лидера Азии.

В любом случае период неизменно осмотрительного поведения Китая во внешних делах продлится не менее чем до 2008 года. Олимпийские игры 2008 года, которые предстоит принимать у себя Пекину, слишком значимы для самовосприятия Китая и слишком существенны с точки зрения его социально-экономического преуспевания, чтобы он мог допустить их срыв в результате спровоцированного им самим международного кризиса. Это в одинаковой степени касается Тайваньского пролива и Северной Кореи.

Кроме того, китайская элита ощущает, что внутри страны усиливается политическая и социальная напряжен-

161

ность, создающая потенциальную угрозу стабильности системы в целом. Среди многочисленных обстоятельств, способных привести к политическим и социальным беспорядкам, особое место занимают два фактора: возросшая доступность Интернета для молодого поколения и все более видимые признаки социального неравенства. Первый фактор подрывает давнюю монополию Коммунистической партии на информацию. Около 35 миллионов китайцев пользуются Интернетом, и, как показывают исследования, это главным образом молодые, относительно состоятельные,

образованные и, следовательно, полные социальных и политических стремлений мужчины. Склонные доверять «всемирной паутине» в качестве основного источника информации, они предпочитают искать нужные им сведения не в отечественных базах данных. Любопытно следующее сравнение: в то время как только 4% японских пользователей Интернета посещали неазиатские сайты, в Китае число пользователей, посещающих неазиатские сайты, составило 40%¹⁵.

Второй фактор - растущее социальное неравенство — по-видимому, будет порождать все более трудноразрешимые дилеммы с точки зрения формально эгалитарной доктрины режима. Даже официальный печатный орган Коммунистической партии открыто признал, что «разрыв между богатыми и бедными начал и продолжает увеличиваться, а дисбалансы в распределении будут становиться все очевиднее... Противоречия и конфликты приобретают все более антагонистический характер»¹⁶. В других китайских исследованиях отмечается, что социальное неравенство уже достигло «опасного уровня»¹⁷.

В общем, на протяжении по крайней мере ближайшего десятилетия, а может быть, и дольше Китай вряд ли окажется готовым бросить серьезный политический вызов существующему на международной сцене иерархическому международному порядку. Благодаря этому у Америки остается время, чтобы не дать Восточной Азии воспроизвести катастрофический европейский опыт 1914 года и последующих лет, а повести ее в том направлении, где азиатским странам предстоит по-своему повторить успех, выпавший на долю Европы после 1950 года.

162

В распоряжении Соединенных Штатов есть приблизительно десять лет, чтобы преобразовать складывающееся между ними, Японией и Китаем неформальное политическое равновесие в более структурированные отношения в сфере безопасности, способные выдержать всевозможные трения и соперничество, свойственные уже восставшей от политического

сна, но институционально неразвитой Восточной Азии. Однако необходимые структуры и партнерские договоренности не возникнут сами собой. Только Соединенным Штатам по плечу дать импульс их появлению и побудить присоединиться к ним другие страны, включая динамично развивающуюся Южную Корею.

Возможно, это выглядит парадоксальным, но для того, чтобы такое трехстороннее равновесие было устойчивым, Японии надлежит расширить свои политические обязательства. Постепенно Японии придется взять на себя полномасштабную ответственность в сфере международной безопасности, а это подразумевает более обширный спектр военных возможностей. Японский пацифизм не должен принимать форму бесконечного одностороннего отречения от истинных атрибутов региональной державы. В долгосрочной перспективе для сохранения мира на Дальнем Востоке нужна такая Япония, которая, не угрожая Китаю, вместе с тем не чувствовала бы себя ни уязвимой перед китайской мощью, ни униженной своей зависимостью от Америки. Если Япония будет полноценным в военном отношении союзником Америки в Тихоокеанском регионе, а не американским протекторатом в плане безопасности, это повысит заинтересованность Китая в мирной Восточной Азии и в то же время уменьшит его шансы, используя паназиатские настроения, направить японский национализм в антиамериканское русло.

Соответственно, Соединенным Штатам следует поощрять осторожное, но непрерывное укрепление японского военного потенциала, которое должно координироваться в том, что касается использования высоких технологий, с оборонными ведомствами США, и осуществляться с упором на военно-воздушные и военно-морские силы, а не на создание крупной сухопутной армии, предназначенной действовать на материке. Необходимо также убедить

Японию развивать элитные ударные силы, приспособленные для проведения специальных операций, и участвовать с их помощью в

непосредственных акциях за пределами страны в целях содействия миру на планете. Деятельность в интересах всеобщего мира должна считаться совместимой с конституционными полномочиями Японии, ограничивающими ее военную роль самообороной.

Одновременно наряду с активизацией эпизодического, довольно скромного и в основном неформального трехстороннего диалога между США, Японией и Китаем в сфере безопасности этим трем странам надлежит организовать официальный процесс регулярных трехсторонних консультаций по военным вопросам. Если каждая сторона получит возможность свободно делиться своими опасениями и расспрашивать остальных об их стратегических замыслах, то такие обсуждения положат начало зарождению хотя бы крупиц взаимного доверия. В свое время рамки процесса можно будет раздвинуть, вовлекая в него другие азиатские государства и обращаясь к более обширному кругу вопросов региональной безопасности.

Например, вопросы безопасности на Корейском полуострове могли бы стать мотивом для включения в круг участников консультаций военных из Южной и Северной Кореи. Постепенно и другие азиатские страны получили бы возможность присоединиться к расширяющемуся и получившему более официальный статус диалогу. Проблема ядерного вызова, столь дерзко брошенного Северной Кореей, может быть разрешена мирным образом только на основе многостороннего сотрудничества, в котором предстоит принять участие всем примыкающим к обеим Кореям государствам. Если же такой ответ в духе регионального сотрудничества не искать, то остается два почти одинаково непривлекательных варианта развития событий: закрывая глаза на претензии Северной Кореи, США усилят расположенность японцев полагаться на собственные силы в области безопасности, а в случае единоличной военной реакции со стороны Америки, которая уже последовала бы, если бы не занятость США Ираком, весь регион может оказаться втянутым в военные действия.

Не стоит недооценивать такой осложняющий положение фактор, как поднимающий голову корейский национализм, который на протяжении десятилетий сдерживался расчленением Кореи между двумя конкурировавшими блоками. В Южной Корее национализм естественным образом нашел свое выражение в проамериканской ориентации, не утратив притом резких антияпонских акцентов. Но с окончанием «холодной войны» и появлением нового поколения корейцев, которое рассматривает войну 1950 года между Севером и Югом как событие далекого прошлого, начало формироваться более ярко выраженное сознание отдельной корейской общности. В глазах многих Америка выглядит не столько защитницей, сколько державой, заинтересованной в сохранении раздела страны. Хотя пока эти настроения не характерны для большинства населения, само их возникновение свидетельствует, что военное присутствие США в Южной Корее все больше становится спорным вопросом.

Между тем ядерный вызов со стороны Северной Кореи стал лакмусовой бумагой для проверки перспектив эффективного регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Если Соединенные Штаты не сумеют добиться реального прогресса в таком сотрудничестве, региону не избежать постепенного нарастания напряженности, не говоря уже о дальнейшем распространении ядерного оружия. Очевидно, что на карту поставлено многое. Неспособность справиться с этой проблемой могла бы нанести непоправимый ущерб позициям Америки в Северо-Восточной Азии, тогда как, обеспечив единый подход Китая, Японии и России к сложившейся ситуации, США создали бы прецедент для более масштабного сотрудничества в области безопасности и на более обширных евразийских пространствах.

С развитием регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии существующая Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) могла бы быть преобразована в структуру, охватывающую всю Евразию. Несмотря на ограниченность своих полномочий, ОБСЕ в ее

нынешнем виде сыграла полезную роль в наблюдении за осуществлением ряда миротворческих

165

инициатив, предпринятых в связи с этническими конфликтами, которые разразились в Европе после окончания «холодной войны». Расширение географических рамок этой организации привело бы к появлению общеевразийского форума по вопросам безопасности, в задачу которого входило бы отражение таких новых вызовов, как транснациональный терроризм и распространение оружия массового уничтожения.

В гораздо более отдаленном будущем этот процесс мог бы увенчаться становлением трансконтинентальной евразийской системы безопасности. С расширением НАТО, особенно если к ней в той или иной форме будет приобщена Россия, могут сложиться условия для создания трансевразийской структуры коллективной безопасности, охватывающей также Китай и Японию. Хотя подобному форуму будет недоставать сплоченности НАТО, он способен превратиться в центральный институт по обеспечению мира в Евразии. Круг его ведущих участников, расширяясь, мог бы постепенно включить и другие государства, например Индию. Имеющие стабилизирующий эффект долговременные союзы Америки с Японией и Южной Кореей еще долго останутся необходимыми, но это - реальность, которую все больше признают как Китай, так и Россия.

Тем временем в интересах предстоящего начинания стоило бы также придать ежегодным саммитам «большой восьмерки» характер политико-экономического консультативного процесса, который более точно отражал бы новые мировые реальности. Первоначально встречи в верхах «большой семерки» задумывались для того, чтобы предоставить возможность консультироваться друг с другом руководителям ведущих и экономически самых мощных демократических государств. Включение России (и, следовательно, переход к «большой восьмерке») мотивировалось

политическим стремлением дать переживающей трудные времена постсоветской России - хотя она не является ни подлинной демократией, ни одной из главных экономических держав - ощущение достойного статуса и причастности. Принимая во внимание этот прецедент, бессмысленно по-прежнему отстранять от участия в этих

166

встречах Китай и Индию, с включением которых образовавшаяся «большая десятка» превратилась бы в значимый механизм экономических и политических консультаций в масштабах Евразии.

В контексте поэтапного расширения сотрудничества, опирающегося на крепнущий институциональный фундамент, вероятно, улучшатся перспективы конструктивного урегулирования как тайваньского, так и корейского вопросов. Только по-настоящему распространившийся с коммунистическим прошлым Китай (если не формально, то по крайней мере де-факто порвавший со своими прежними доктринами) в состоянии сделать воссоединение привлекательной идеей для Тайваня. Но благодаря быстрому развитию экономических связей между островом и материком, внутренним переменам в Китае и его постепенному вовлечению в широкую трансконтинентальную систему безопасности вероятность воссоединения в том или ином варианте~на основе некоей новой формулы будет расти. Точно так же Корея будет объединена лишь тогда, когда ее воссоединение сочтет выгодным для себя Китай и когда он также перестанет видеть в Соединенных Штатах и Японии источники потенциальной угрозы.

Таким образом, на Дальнем Востоке Соединенным Штатам предстоит выполнять повестку дня, требующую последовательности и долговременной стратегической ответственности. Но неуклонная интеграция Дальнего Востока в более широкие евразийские структуры безопасности со временем улучшит шансы на более эффективное устранение как привычных, так и новых угроз, подстерегающих Восточную Азию.

Ревани Евразии?

Этот обнадеживающий сценарий исходит из того, что трансатлантическая и транстихоокеанская стратегии Америки будут и впредь строиться на основе здравого подхода как к стилю, так и к существу глобального лидерства Америки. Если ситуация изменится, нельзя будет исключить опасность того, что Америка столкнется с широким

167

недовольством стран континента ее мировым первенством и в итоге утратит свое стратегическое верховенство в Евразии.

На протяжении последних 60 лет Америка играла столь кардинальную роль в мировых делах, что в настоящее время как европейские, так и азиатские государства едва ли могут думать о заключении каких-либо международных договоренностей, не подразумевающих тем или иным образом политическое участие Америки. Для Европы это положение дел было освящено Организацией Североатлантического договора и в предстоящие годы, по-видимому, дополнительно закрепится установлением связи между ответственностью НАТО и неспешно создаваемыми военными возможностями Евросоюза. На Дальнем Востоке военные узы, связавшие Америку с Японией, Южной Кореей и неофициально с Тайванем, сделали безопасность этих трех государств неотделимой от безопасности Америки. Даже сам Китай, десятилетиями критиковавший военное присутствие Америки в Азии, в последние годы сменил позицию, признав, что (по выражению ответственного чиновника КНР) «цели политики Китая и Соединенных Штатов, относящиеся к поддержанию стабильности в Азии, в основном идентичны»¹⁸.

Это положение может пошатнуться, если Европа и Азия попадут под власть популистского антиамериканского движения, которое именуется панъевропеизмом на Западе и паназиатским течением — на Востоке. У каждого из этих движений имеются предшественники, причем, ни то, ни другое по сию пору не преуспело в битве за сердца и умы большинства европейцев или жителей Азии. Оба представляют собой зарождающиеся формы

наднационального регионализма. В Европе панъевропейское движение громко заявило о себе после ужасных бедствий Первой мировой войны, но оказалось бессильно преодолеть националистический партикуляризм европейских народов. В годы Второй мировой войны Гитлер, особенно в ходе нападения на Советский Союз, пытался заручиться поддержкой профашистски настроенных французов, бельгийцев, голландцев и норвежцев, апеллируя к защите «общей Европы» от большевистских орд.

168

Его старания увенчались минимальным успехом. На Дальнем Востоке японские милитаристы вынашивали идею «великой восточноазиатской сферы общего процветания» и, эксплуатируя паназиатские лозунги, пробовали взывать к антиколониальным чувствам китайцев, тайцев, яванцев, бирманцев и индийцев. Но и здесь эти потуги оказались напрасными, даже если они внесли свою незначительную лепту во взлет антиколониальных настроений.

Нельзя полностью отменить вероятность, как бы мала она ни была в настоящий момент, антиамериканской реакции, рядящейся в европейские и азиатские одежды. Она может стать реальностью, если панъевропейское и паназиатское движения соберут под свои знамена всех, кто видит в Америке общую угрозу. В этом случае антиамериканизм будет осознанно выражать себя в форме регионального национализма, а объединяющей платформой послужат старания сократить американское присутствие или даже полностью вытеснить Америку с западной и восточной окраин Евразии.

В Европе образцовым воплощением панъевропеизма, черпающего политическое вдохновение в недовольстве американской гегемонией в целом и ее последствиями на Ближнем Востоке в частности, может стать франко-германский альянс - своего рода возрожденная империя Карла Великого. Раздражение, досада, ропот, вызываемые политическим, стратегическим и культурным преобладанием Америки, сольются тогда в едином русле борьбы за дело самостоятельной пан-Европы. Первое представление о характере

столь экстремального курса дают вопли протеста, которыми европейцы встретили предпринятую Соединенными Штатами в 2003 году войну против Ирака¹⁹.

На Дальнем Востоке, где идеология сдает свои позиции и набирает силу национализм, Китай начинает заново определять свое место, на этот раз не в качестве «революционной державы», а как предполагаемый лидер Азии. Он уже является главным торговым партнером большинства государств Юго-Восточной Азии, и его экономическое и политическое присутствие становится все более ощутимым в прежде подконтрольной России Центральной Азии. Китайские официальные лица говорят о растущей

169

роли Азии и связывают будущее этой части мира с будущим Китая. Избранный в марте 2003 года новый председатель КНР Ху Цзинтао, находясь в мае 2002 года с визитом в Малайзии (в качестве вице-председателя), заявил, что «Азия не может достичь процветания без Китая». «История уже доказала и будет доказывать и впредь, что Китай является активной движущей силой развития азиатских стран», - отметил китайский лидер. Упоминания о миссии Китая в Азии, подчеркивающие его особую роль, все чаще присутствуют и во внешнеполитических декларациях китайского руководства.

Азиатская политическая ориентация уже отчетливо проявляется в растущей институционализации собственно азиатского регионального сотрудничества. Китай, Япония и Южная Корея ежегодно проводят сепаратные трехсторонние встречи на высшем уровне; существует тенденция формирования азиатского экономического блока; обсуждаются перспективы сотрудничества в области безопасности на азиатской региональной основе. Некоторые азиатские лидеры не делают секрета из того, что все это направлено на высвобождение из-под верховенства Соединенных Штатов. Китайцы достаточно открыто выражают свой замысел. «...Создание организации сотрудничества в восточноазиатском регионе стало одной из долгосрочных стратегических целей Китая... Китай уже понял, что

интеграция региона означает не только социальную и экономическую интеграцию, но и политическую, равно как интеграцию в области безопасности. В то же время он понял и другое: для того, чтобы завоевать доверие стран, находящихся на периферии региона, и играть ту роль, которую должна принять на себя в регионе крупная держава, необходимо во всех отношениях смешаться и слиться с обществом, господствующим в регионе, и вместе с другими странами определить единый план игры и следовать ему»²⁰.

Все это не осталось незамеченным японскими наблюдателями, некоторые из которых многозначительно объясняют китайские усилия намерением создать «экономическую сферу великого Китая». «Существует опасность возникновения в Азии зоны великого Китая, -

170

предостерегают также японские комментаторы, - а это, в свою очередь, может привести к политике регионализма, исключая присутствие внешних держав»²¹. К тому же, из обсуждения внешнеполитических проблем в японском обществе явствует, что японцев все больше беспокоит, как бы действующие на Дальнем Востоке договоренности в области безопасности не были поколеблены и Япония не оказалась перед необходимостью фундаментального выбора. Как уже отмечалось, наиболее вероятной реакцией Японии на серьезный дестабилизирующий удар по метастабильной системе отношений в Восточной Азии - например на неспособность Америки успешно и в контексте регионального подхода справиться с брошенной Северной Кореей вызовом - был бы резкий и ни с кем не согласованный поворот к ремилитаризации. А это само по себе усилило бы и склонность Китая более открыто выступить во главе континентально-азиатского движения, направленного на вытеснение из региона внешних сил.

Неустойчивый характер японского и корейского национализма вносит опасный элемент неопределенности. Обе страны были сперва усмирены, а затем возвышены - и все это произошло в результате сложившейся после

Второй мировой войны зависимости от Америки. Зависимость этих стран от США получила свое рациональное обоснование, поскольку она была признана исторической, а также стратегической необходимостью. Но стоит такому признанию уступить место недовольству, и радикальный национализм в обеих странах может приобрести антиамериканскую направленность, стимулируя становление регионального азиатского самосознания, которое будет выражать себя через стремление к независимости от американской гегемонии. Потенциал для подобного развития событий имеется в обеих странах, и некий неожиданный, но травмирующий сдвиг способен привести его в действие²².

Возникновение антиамериканских панъевропейских и паназиатских тенденций, особенно если США будут разжигать страсти, проводя политику единоличных решений, помешает формированию требуемой структуры глобальной безопасности. Даже если эти движения не

171

приобретут доминирующего влияния, они способны повернуть вспять процесс глобального строительства, поступательно развивавшийся в последние несколько десятилетий. А возобладав, они могут вытеснить Америку из Евразии. Понимание этой опасности должно побудить США приложить еще больше усилий к углублению и расширению стратегических связей Америки с имеющими жизненно важное значение западными и восточными регионами Евразии.

¹ В реальности происходит увеличение разрыва в военной мощи между Соединенными Штатами и Европейским союзом. Системный сравнительный анализ расходов США и Западной Европы на исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) военного назначения, выполненный в начале 2003 года в Министерстве обороны Франции, показал, что Европа стоит на пороге «настоящего технологического разоружения», поскольку совокупные расходы европейских стран составили всего 40% от расходов США в 1980 году, 30% - в 1990 году и менее 23% - в 2000 году. См.: *Jsnard* }.

L'Europe menacée par le désarmement technologique // *Le Monde*. - 2003. - 15 avr.

² *Le Gendre B.* L'Europe de demain se cherche un passé // *Le Monde*. - 2002. - 23 nov.

³ В начале 2001 года тогдашний председатель ЕС и премьер-министр Швеции Горан Перссон, вопреки модным веяниям, безоговорочно отверг даже эвентуальную возможность членства России в Евросоюзе. Без всяких церемоний он заявил: «Россия - не европейская, а континентальная страна, занимающая обширные части Европы, а также Азии... Я могу себе представить, что когда-то мы будем поддерживать весьма широкомасштабное экономическое сотрудничество с Россией, потому что обе стороны нуждаются в этом... Но принять Россию - значило бы фундаментально изменить характер ЕС». См.: *Zecchini L.* Relations avec la Russie sent d'une extrême importance // *Le Monde*. - 2001. - 23 mars.

⁴ Если провести прямую линию от Каспия к Сахалину, то азиатская территория Евразии окажется разделенной на две части: севернее - крайне малонаселенные Сибирь и российский Дальний Восток, где проживает 30-35 миллионов человек, и непосредственно к югу - крайне густонаселенная зона, где сосредоточено приблизительно 3 миллиарда китайцев, индийцев и мусульман.

⁵ *Sornmer T.* Die deutsche Außenpolitik: unterwegs Entwurf einer Reiseroute für die Diplomatie der Berliner Republik // *Die Zeit*. - 2001. - N 10.

" По выражению одного французского обозревателя, «главной слабостью внешней политики «пятнадцати» (стран ЕС. - *Прим. пер.*) является прежде всего бесхребетность... Чего недостает «пятнадцати»?

172

Ответ очевиден: политического проекта и общего видения» (*Zecchini L.* Les complexes de l'«Europe-puissance» // *Le Monde*. - 2001. - 20 avr.). После 11 сентября подобные сетования получили широкое распространение в Европе, что подчеркивает зияющий контраст между однобокой целеустремленностью

Америки и отсутствием у европейцев стратегической миссии даже на Ближнем Востоке - в непосредственно примыкающем к Европе регионе.

⁷ С типичным для того времени яростным осуждением Соединенных Штатов выступил 20 апреля 2001 г. официальный орган Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) газета «Жэньминь жибао», в которой утверждалось, что «войска США неустанно сеют смуту по всему миру, создавая огромную угрозу миру и стабильности на планете», и все это — под аккомпанемент своих «гангстерских мелодий». Публичная полемика о политике Америки, представленная на страницах того же самого официального печатного органа спустя почти год, 23 марта 2002 г., не оставляла сомнений в произошедшей перемене. Когда один из участников дискуссии стал доказывать, что Америка использует войну с терроризмом ради сохранения собственного глобального превосходства, он получил отповедь от одного из собеседников, заявившего, что определяющая американскую позицию «главная тенденция направлена на взаимное сотрудничество и доверие» в отношениях между США и КНР. Еще одним примером трезвого анализа взаимоотношений между США и КНР является статья под заголовком «Пять больших различий между Китаем и Соединенными Штатами требуют надлежащего обращения», опубликованная 21 февраля 2002 г. в принадлежащей КНР ежедневной газете «Вэньвэй бао», выходящей в Гонконге.

⁸ Примечательно, что Япония решилась на развертывание двух-уровневой системы противоракетной обороны, состоящей из ракет-перехватчиков морского (SM3) и наземного базирования (PAC3), для которой требуется как минимум восемь эсминцев «Эгис». Стоимость этой системы может составить от 500 млрд. до 1 трлн. иен с лишним (примерно от 4,2 до 8,4 млрд. долларов). (См. редакционную статью: Япония упорно выполняет политическое решение развернуть ракетную оборону до 2006 бюджетного года (на кит. яз.) // Санкэй симбун. -2003. - 23 июня.)

* В числе многочисленных рассуждений в обоснование вышеука-

занного заключения можно отметить материал о японских ракетных технологиях в газете «Цзефанцзюнь бао» за 12 февраля 1999 г.; статью в «Жэньминь жибао», появившуюся 11 декабря 2000 г. и посвященную общим размерам японского оборонного ведомства и его масштабному бюджету; публикацию от 17 июня 2002 г. в общетематическом еженедельнике официального китайского агентства новостей «Ляован», в которой главное внимание уделялось ядерной проблеме.

¹⁰ См. репортаж Моника Чжу: *Chu M. Taiwan and Japan «Silent Allies» // Taipei times. - 2001. - 24 July.*

¹¹ *Пан Чжунъин. Обсуждение американского фактора в китайско-японских отношениях (на кит. яз.) // Жэньминьван. - 2002. - 23 апр. (интернет-издание ЦК КПК).*

173

¹² Кейдзо Такеми (цит. по: Санкэй симбун. - 2001. - 27 дек.). Конференция представителей японского частного бизнеса выступила с рекомендацией, во многом созвучной заявлению Такеми: учредить при кабинете министров Национальный стратегический совет, который помогал бы разрабатывать планы, предназначенные обеспечить более эффективное реагирование Японии на чрезвычайные ситуации в мире, и параллельно организовать японо-американскую стратегическую конференцию в составе официальных лиц и ведущих фигур частного сектора «в целях расширения союзнических отношений между Японией и США» (редакционная статья в газете «Санкэй симбун», 10 марта 2002 г.). Кроме того, как свидетельствуют опросы общественного мнения в Японии, несмотря на то что идея внесения поправок в японскую конституцию имеет сторонников, преобладающее большинство (даже среди тех, кто поддерживает некоторые изменения) по-прежнему выступает за неизменность статьи 9, в которой Япония отказывается от права войны.

¹³ В исследовании, подготовленном Китайской академией наук и представленном общественности в марте 2001 года, сделан вывод, что к 2050

году Китай станет всего лишь «умеренно развитой» страной.

¹⁴ Начиная с 1993 года Китай импортирует нефть во все более значительном количестве; если в настоящее время 20% его потребностей в этом сырье обеспечиваются за счет поставок из-за рубежа, то к 2010 году эта цифра, вероятно, превысит 40%, а по объему ввозимой нефти Китай обгонит Японию. (Положение в области нефтяной безопасности Китая (на кит. яз.) // Дагунбао. - 2000. - 10 нояб.) Связанное с этим ощущение уязвимости заставило Китай задуматься о создании мощной национальной системы стратегических запасов нефти. См.: Инвестировать 100 миллиардов долларов в строительство стратегической нефтяной системы (на кит. яз.) // Дагунбао. - 2002. - 13 нояб.

¹⁵ Согласно газетным сообщениям. См.: South China Morning Post. - 2001. - 27 July; 2002. - 8 July. Конечно, не исключено, что эти цифры отражают всего лишь недостаточное количество имеющихся в Китае национальных сайтов либо недостаток там сайтов определенного рода, наподобие новостных лент, по сравнению с Японией и другими странами.

¹⁶ См. подробное сообщение: Политический вопрос, заслуживающий серьезного изучения (на кит. яз.) // Жэньминь жибао. - 2001. - 31 мая.

¹⁷ См. обзор исследований китайских специалистов: South China Morning Post. - 2001. - 20 June; 2002. - 7 Jan. Если использовать коэффициент Джини - международно признанный показатель неравенства доходов, то опасный уровень составляет 0,4; к 2002 году неравенство между городскими и сельскими жителями достигло в Китае 0,59, то есть уровня, который представляет угрозу социальной стабильности. Изменению этого индикатора в последние два десятилетия в обществе с эгалитарной идеологией вполне может сопутствовать недовольство людей внезапным появлением богатства у немногочисленной группы, особенно если известно о широком распространении коррупции.

Азии Министерства иностранных дел) (см.: Китай и Азия в новый период (на кит. яз.) // Дагунбао. - 2003. - 11 янв.). Он также отметил, что «присутствие США в этом регионе есть объективная исторически сложившаяся реальность».

" «В течение нескольких недель европейская общественность громко изливает свои чувства... Между тем эта общественность говорит не на одном языке. Она говорит по-испански, по-французски, по-итальянски, по-английски, по-немецки или по-польски... Значительное большинство приходит к одному и тому же выводу: иракская война, которую ведут и возглавляют Соединенные Штаты, незаконна и опасна... И возможно, через 10 или 20 лет люди будут вспоминать, что именно весной 2003 года на улицах и площадях Европы была написана преамбула к Европейской конституции». (См. редакционную статью: So students, come rally // Sueddeutsche Zeitung. - 2003. - 26 Mar.)

²⁰ Еще один крупный шаг китайской дипломатии // Женьминь жибао. - 2003. - 9 окт.

²¹ См. редакционную статью: АСЕАН плюс три; необходимо остерегаться лидирующей роли Китая (на яп. яз.) // Санкэй симбун. -2002. - 2 нояб. Далее в статье следовал призыв к Японии «сотрудничать со странами, расположенными за пределами региона... чтобы не допустить усиления азиатского регионализма, главным идеологом которого является Китай». См. также редакционную статью: Год, когда предстоит сделать важный выбор — распрощаться с «инактивизмом» (на яп. яз.) // Санкэй симбун. — 2003. — 1 янв.

²² Хотя это явление пока не затронуло большинство населения, в обеих странах наблюдаются усилившееся чувство близости к другим азиатским народам и некоторая обеспокоенность нынешним статусом. В Южной Корее эти нарождающиеся настроения проявляются в более откровенном и настойчивом признании принадлежности всех корейцев к единой нации, а в японском обществе - в рассуждениях о том, что Японии следует тверже

стоять на собственных ногах и играть более активную роль в Азии. Как показали опросы общественного мнения в Японии, проведенные в 2001 году правительством и в начале 2002 года - газетой «Асахи симбун», явное большинство японцев предпочитают, чтобы Япония оказывала экономическую помощь главным образом другим азиатским странам. Второй опрос выявил также высокую степень интереса японцев, жителей Южной Кореи и китайцев к более тесному региональному сотрудничеству. Согласно помещенному в Интернете обзору, посвященному 56 «новым азиатским лидерам» (как они были названы на Мировом экономическом форуме), более половины из них считают желательным дальнейшее развитие экономического сотрудничества в Азии и около двух третей находят наиболее предпочтительной моделью интеграции формулу «АСЕАН+3» (Китай, Япония, Корея) или «АСЕАН+4» (Китай, Япония, Корея, Индия). См.: *So Chi-yon. Korea to Become Research Base for Asia // The Korea Times. - 2003. - 21 June.*

ЧАСТЬ II

Американская гегемония и всеобщее благо

Роль Америки в мире определяется двумя главными реалиями современности: беспрецедентными масштабами американской глобальной мощи и беспрецедентной глобальной взаимозависимостью. Первая отражает фактор монополярности в развитии международных отношений под американской гегемонией - неважно, провозглашается ли это громогласно или осуществляется исподволь, но такова мировая реальность. Вторая подтверждает ощущение того, что всеобщий, хотя, может быть, и не всегда благотворный процесс глобализации постепенно лишает конкретные государства их священного суверенитета. Сочетание этих двух факторов приводит к далеко идущим изменениям в сфере международных отношений, вызывает не только отмирание традиционной дипломатии, но и, что более важно, рождение неформального глобального сообщества.

Эти изменения не просто символически, а фактически подтверждаются

появлением первой мировой столицы. Эта столица, однако, не Нью-Йорк, где периодически заседает Генеральная Ассамблея всех национальных государств. Нью-Йорк мог бы стать такой столицей, если бы новый мировой порядок возник на основе всеобъемлющего сотрудничества суверенных государств, опирающегося на правовую фикцию равенства суверенитетов. Но такого мирового порядка не сложилось, и само это понятие стало неким анахронизмом на фоне транснациональной

175

176

глобализации и исторически уникального масштаба суверенной американской мощи.

И все же мировая столица появилась, но не между Гудзоном и Ист-Ривер, а на берегах реки Потомак в Вашингтоне, - первая глобальная политическая столица в мировой истории. Ни Рим, ни древний Пекин - бывшие столицами региональных империй, ни даже викторианский Лондон (за исключением, может быть, международной банковской сферы) не приблизились к тому средоточию глобальной мощи и возможностям принятия решений, которые теперь сконцентрированы в нескольких кварталах центральной части Вашингтона. Решения, принимаемые внутри отчасти перекрывающих друг друга, но очень четко ограниченных треугольников, распространяют американскую мощь на весь мир и весьма существенно влияют на то, как идет процесс глобализации. Линия, прочерченная от Белого дома до монументального здания Капитолия, затем к*напоминающему крепость Пентагону и обратно к Белому дому, образует периметр этого треугольника власти. Другая линия - от Белого дома до расположенного в нескольких кварталах от него Всемирного банка, затем к Государственному департаменту и обратно к Белому дому (это пространство также включает Международный валютный фонд и Организацию американских государств) - обозначает треугольник глобального влияния. Взятые вместе, эти два треугольника свидетельствуют о том, до какой

степени «мировые дела» в их традиционном понимании стали для Вашингтона внутренними делами, замкнутыми в пределах его окружной дороги.

Сегодня наиболее выдающимся событием в области внешней политики большинства государств является визит главы этого государства в Вашингтон. Такие визиты подробнейшим образом освещаются национальной прессой этих стран как исторические события, о каждом шаге путешествующего лидера сообщается в мельчайших деталях. Иностранному послу считается высшим достижением своей карьеры, если ему удастся организовать получасовую встречу своего лидера с президентом США. Многим приходится довольствоваться пятиминутной

177

встречей в Овальном кабинете и фотографией на память, о которой сообщается в национальной прессе (без указания продолжительности) как об историческом событии'. Поскольку мировую столицу сейчас посещает в среднем один иностранный лидер в неделю, большинство визитов вообще игнорируется национальной и даже местной вашингтонской прессой.

Один весьма солидный итальянец, друг Америки, ухватил суть этого явления. Он приводит воспоминания стареющего римского императора о его путешествии в Грецию в юности из замечательного романа «Воспоминания Адриана» франко-бельгийской писательницы Маргарит Юорсенар:

«Среди заполненной науками жизни в Афинах, где оставалось место и для удовольствий, я жалел не о самом Риме, а о царящей там атмосфере, в которой постоянно решаются мировые дела, где слышен шум приводных ремней и шестерен машины государственной власти... В сравнении с этим миром активных действий милая сердцу греческая провинция казалась мне дремлющей в легкой дымке идей, где изменения были редкостью и политическая пассивность греков казалась какой-то рабской формой самоотречения».

Итальянский наблюдатель добавляет: «Эти слова нередко вспоминали

посетители Вашингтона, как и автор данной статьи, европеец из Рима»².

Отметить сказанное - вовсе не значит упиваться всесилием американской власти. Тем не менее необходимо признать главенствующую роль США в мировых делах и сосредоточение в Вашингтоне глобальных институтов, отражающих историческую связь между глобальной мощью США и глобальной взаимозависимостью в век мгновенной связи. Традиционная дипломатия, проводившаяся «чрезвычайными и полномочными послами» в соответствии с подробнейшими инструкциями своих министров иностранных дел (часто полагавшихся на элегантных аристократов, владевших иностранными языками), уступила место глобальному интерактивному процессу, центр которого находится главным образом в Вашингтоне.

178

Прямые телефонные переговоры глав государств и министров иностранных дел при синхронном переводе стали повседневным явлением. Все чаще проводятся консультации по замкнутым телевизионным сетям. Прямой официальный диалог с широким кругом американских и международных учреждений, расположенных в мировой столице, стал привычным делом для старшего звена иностранных правительственных чиновников по всему миру.

Эта новая реальность также отражается в расширении и укреплении личных связей иностранных политических деятелей и бизнесменов с Америкой. Многие из них учились в американских университетах. Обучение в ведущем американском университете в последнее время стало просто социально необходимым для элиты даже в странах с давними интеллектуальными традициями и чувством национальной гордости, таких как Франция. Пройдет некоторое время, и Эта практика распространится на такие до недавнего времени изолированные общества, как Россия и Китай. Это явление еще больше распространено в среде международной деловой элиты и руководства расположенных в США глобальных финансовых инсти-

тутов. Мероприятия таких престижных организаций, как Трехсторонняя комиссия (собрание элит неправительственных организаций Северной Америки, Восточной Азии и Европы), все чаще напоминают встречи выпускников колледжей.

Сопутствующий, но более распространенный феномен - появление ярко выраженной глобальной элиты, с глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью. Представители этой элиты свободно говорят по-английски (обычно в американском варианте) и пользуются этим языком для ведения дел; эта новая глобальная элита характеризуется высокой мобильностью, космополитическим образом жизни; ее основная привязанность - место работы, обычно это какой-либо транснациональный бизнес или финансовая корпорация. Типично, что высокие должности в таких корпорациях занимают уроженцы других стран; около 20% крупнейших европейских компаний возглавляют лица, которых ранее считали

179

бы иностранцами. Ежегодные встречи Всемирного экономического форума стали, по существу, партийными съездами новой глобальной элиты: ведущие политики, финансовые магнаты, крупные коммерсанты, владельцы СМИ, известные ученые и даже рок-звезды. Эта элита все более явно демонстрирует понимание своих собственных интересов, дух товарищества и самосознание³.

Она знаменует собой появление глобальной заинтересованности в сохранении стабильности, процветания и, в конечном счете, демократии. В фокусе ее внимания находится Америка. Тем самым признается, что даже глобальное сообщество нуждается в центре сосредоточения идей и интересов, фокусной точке кристаллизации каких-то форм консенсуса, источнике последовательно направленных инициатив. Даже если формально все это не дает Вашингтону особого статуса мировой столицы, сосредоточение внимания на Америке является признанием двоякой реальности

нашего времени: мощи одной страны и транснациональной глобализации.

Однако эта беспрецедентная комбинация включает два критически важных фактора, может быть, даже противоречия: во-первых, между динамикой процесса глобализации и заинтересованностью США в сохранении собственного суверенитета и, во-вторых, между демократическими традициями Америки и обязанностями власти. Америка провозглашает плодотворные и отвечающие интересам всего мирового сообщества блага глобализации, но сама соблюдает эти правила главным образом тогда, когда это ей выгодно. Она редко признает, что глобализация расширяет и укрепляет ее собственные национальные преимущества, даже несмотря на то, что эта глобализация порождает бурлящее и потенциально опасное недовольство в мире. Кроме того, американская глобальная мощь противоречит американской демократии, как внутренней, так и экспортированной. Внутренняя американская демократия затрудняет осуществление национальной мощи на международной арене, и наоборот, глобальная мощь Америки может создать угрозу демократии в США. Более того, Америка, считая себя историческим поборником демократии, подсознательно экспортирует

180

демократические ценности по каналам глобализации. Но это порождает в мире ожидания, которые плохо согласуются с иерархическими требованиями гегемонистской державы. В результате действия этой двойственной диалектики Америке все еще необходимо определить собственную роль в мире, причем такую, которая выходила бы за пределы противоречивых факторов глобализации - демократии и доминирующей державы.

В недалеком прошлом роль Америки было легко определить в политически четких и приемлемых категориях. Эта страна вышла из разрухи Второй мировой войны экономически более могущественной, чем в начале войны. Но она еще не была мировой доминирующей державой. В военной и в

еще более важной - политической сфере у США был грозный противник: победоносный, могущественный в военном отношении и идеологически агрессивный Советский Союз.

Таким образом, отношения с Советским Союзом стали определяющим фактором американской внешней политики. Первоначально это не было столь очевидно для американской внешнеполитической элиты, сохранявшей на протяжении нескольких лет иллюзии о послевоенном сотрудничестве победителей. Более того, упадок Британской империи некоторое время маскировался воспоминаниями о победоносной «Большой тройке», собиравшейся в Тегеране и Ялте и обсуждавшей результаты победы в Потсдаме после поражения Германии. Однако вскоре стало ясно, что ключевым является вопрос о том, будут ли отношения Америки с Россией определяться духом партнерства или станут откровенно враждебными.

К 1950 году вопрос уже заключался в том, приведет ли конфликт с Советским Союзом к открытой войне. В результате на протяжении последующих четырех десятилетий глобальные обязательства Америки имели четкую цель: не допустить военной экспансии Советского Союза и нанести ему поражение в идеологическом плане. Это была глобальная по масштабности задач, но региональная по форме политика, с главным акцентом на Атлантическом альянсе, предназначенном для сдерживания коммунистической империи.

181

Эта всеобъемлющая и вполне реалистическая стратегия сочетала политические и военные аспекты. Она делала упор на политическое единство демократий и военное сдерживание противника. Ее ключевым моментом была свобода (на определенном этапе даже «освобождение»), а требования соблюдения прав человека в конечном счете стали мощным инструментом подрыва коммунистического соперника изнутри. Она сочетала американское лидерство с признанием важной роли союзников. В конфликтном мире государств-наций эта стратегия способствовала развитию политической

взаимозависимости, признанию новых реалий конкурирующих транснациональных идеологий и возрастанию интерактивности глобальной экономики. Но самое важное - она победила.

С 1990 года, всего лишь за одно десятилетие, Соединенные Штаты выдвинули три главные проблемы, определяющие принципы их взаимодействия с миром. При президенте Джордже Буше-старшем они заключались в трех словах: новый мировой порядок. В некотором смысле эта концепция напоминала сохранявшиеся после 1945 года иллюзии о том, что коалиция времен Второй мировой войны сохранится и станет основой более спокойного и проникнутого духом сотрудничества мира под эгидой только что созданной Организации Объединенных Наций. Новый мировой порядок 1990-х годов был также основан на ложных посланках: победа Америки в «холодной войне» будет знаменовать появление новой мировой системы, основанной на легитимной и распространяющейся от одного субъекта к другому демократии. Заявление Буша по этому поводу - как это имело место в ходе его обращения к Конгрессу 6 марта 1991 г. - звучало почти лирически: «Итак, мы являемся свидетелями появления нового мира. Мира, в котором перспектива нового мирового порядка является реальностью... Мира, в котором Объединенные Нации, освобожденные от бремени "холодной войны", смогут реализовать историческое видение своих основателей. Мира, в котором свобода и уважение прав человека найдут свое место в каждой стране».

Президент Билл Клинтон, несмотря на то что он разделял эту оптимистическую оценку, подчеркивал приоритет

182

экономико-технологической революции в определении облика мира с меньшим количеством более прозрачных границ, с большей экономической взаимозависимостью и меньшей опорой на политическую мощь. Для него вопрос был не столько в новом мировом порядке, сколько (вероятно) в плодотворной динамике и глобализации. «Это основная реальность нашего

времени», - отметил Клинтон в послании Конгрессу 27 января 2000 г. В новом явлении он видел главную надежду человечества и огромную возможность для Америки стать его знаменосцем, основным двигателем и получателем наибольшей выгоды от самого процесса. Глобализация стала излюбленной темой Клинтона.

Однако и Буш-старший, и Клинтон недооценили степень нарастающего глобального недовольства, которое как-то затмевалось затянувшимся конфликтом с Советским Союзом. Это недовольство, проистекающее из национальных и религиозных конфликтов и усиливаемое нарастающей социальной нетерпимостью к различным формам неравенства и угнетения, долго бродило подспудно и вырвалось наружу только после окончания «холодной войны». Надежды на новый мировой порядок и на плодотворное глобальное сотрудничество умерли насильственной смертью 11 сентября 2001 г.

Уже через год следующий президент — Джордж У. Буш нарисовал более зловещую картину будущего и изложил новую концепцию американской внешней политики: глобальная гегемония и борьба с терроризмом. Представления о мировом порядке, основанном на сотрудничестве, уступили место обеспокоенности по поводу «глобального терроризма». На смену возглавляемой Америкой глобализации пришла «коалиция желающих» с манихейским принципом «кто не с нами, тот против нас», который стал некоей глобальной линией, начерченной на песке. Заявления представителей администрации по вопросам национальной безопасности в 2002 году отражали как ее решимость поддерживать военное превосходство США по сравнению с любой другой державой, так и особое стратегическое право противодействовать угрозам путем нанесения превентивных военных ударов.

И все же президент Буш, при всем его скептицизме в отношении принципа многосторонности и меньшем по сравнению с его

предшественниками энтузиазмом относительно тенденций развития обстановки в мире, вынужден был признать, что американская мощь реализуется в условиях складывающегося глобального сообщества. Он сделал больший акцент на глобальных угрозах Америке, но в то же время признал основополагающую реальность всемирной взаимозависимости. Основная дилемма Америки в век глобализации заключается в том, чтобы определить верный баланс между суверенной гегемонией и нарождающимся мировым сообществом и найти пути разрешения опасного противоречия между демократическими ценностями и обязанностями глобальной державы.

¹ Каждый американский президент создает свой личный стиль приема важных посетителей. Неофициальный протокол, установившийся в период президентства Джорджа Буша, имел следующие градации: 30-минутная встреча в Овальном кабинете свидетельствовала о серьезном отношении к гостю и его стране; государственный обед означал особые национальные отношения (в первые два года администрации Буша было только два государственных обеда — один в честь президента Мексики и другой в честь Польши); встреча в Кэмп-Дэвиде (с нарочитой неофициальностью) означала личную близость к американскому президенту (например, премьер-министр Блэр); приглашение в гости на ранчо Буша в Кроуфорде, штат Техас, было знаком признания важности страны, представляемой гостем, и его личных отношений с президентом США (кроме Блэра там бывали председатель КНР Цзян Цзэминь, наследный принц Саудовской Аравии Абдулла и президент России Путин).

² *Cesare Merlini. US Hegemony and the Roman Analogy: A European View // The International Spectator. - No. 3 (2002). - P. 19.*

³ По некоторым оценкам, этот форум объединяет лидеров глобального бизнеса, которые в совокупности контролируют более 70% мировой торговли. См.: *Jenni Russell. Where the Elite Preens Itself // New Statesman. - 2002. - 28 Jan.*

Дилеммы глобализации

Для Америки громкое слово «глобализация» имеет противоречивое значение. Оно означает наступление новой эры всемирной доступности информации, прозрачности и сотрудничества и в то же время символизирует моральную глухоту и безразличие к проявлениям социальной несправедливости, что, как считают, характеризует богатейшие страны мира, в первую очередь Соединенные Штаты Америки. ~^

Первоначально термин «глобализация» возник как нейтральная характеристика процессов, связанных с глобальными последствиями технологической революции. Полное определение было предложено в 2000 году профессором Чарльзом Дораном, который описал этот феномен как «взаимодействие информационной технологии и мировой экономики. Этот процесс можно характеризовать в плане интенсивности, глубины, объема и стоимости международных операций в информационной, финансовой, коммерческой, торговой и административной сферах во всемирном масштабе. Резкое увеличение масштаба этих операций в последнее десятилетие и повышение их уровня составляет наиболее поддающиеся измерению проявления процесса глобализации»¹. Стоит отметить ссылку на «поддающиеся измерению» аспекты глобализации, что подразумевает, по крайней мере отчасти, объективный характер этого процесса.

Однако к 2001 году этот на первый взгляд нейтральный экономический термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. Первоначально глобализация означала макроэкономическую реструктуризацию, которая в мировом масштабе отражала основной

184

185

опыт промышленной революции на национальном уровне: специализация и экономическая оптимальность порождают относительную выгоду, заставляющую переносить производство туда, где интенсивное использование труда позволяет получать наибольшую прибыль, или туда, где

имеется относительно дешевая квалифицированная рабочая сила, или где имеются хорошие условия для инноваций. Неудивительно, что Китай стал излюбленным примером для сторонников глобализации.

Но в период промышленной революции критерии эффективности масштаба операций и сравнительной выгоды действовали в рамках внутренне не ограниченных экономик. Мир, однако, до сих пор является политически разделенным на национальные государства, которые могут либо соглашаться с требованиями, выдвигаемыми глобализацией, либо пытаться действовать вопреки им. Глобализация предлагает таким странам смешанный набор стимулов. С одной стороны, она создает возможности для экономического роста, притока иностранного капитала и постепенного преодоления широко распространенной бедности. С другой стороны, она нередко грозит массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией. Для группы избранных она обеспечивает выход на новые рынки и возможность политического доминирования. Чем более продвинуты в технологическом отношении страны, чем больше их капитал и экономический инновационный потенциал, тем больший энтузиазм вызывает у национальных элит этих стран распространение глобализации.

Таким образом, концепция глобализации приобретает несколько значений и служит нескольким целям. Этот термин дает якобы объективный диагноз положения в мире; отражает концептуальные предпочтения; опровергает контркредо (или антитезис), отрицающее эти предпочтения; генерирует политико-культурную критику, направленную на изменение сложившейся в мире иерархии власти. В каждом из этих проявлений концепция глобализации служит определяющим критерием эмпирической или нормативной реальности. Одним она позволяет

анализировать реальность, другим показывает, какой эта реальность должна быть, третьим - какой она не должна быть. А для многих концепция

выполняет все эти функции одновременно.

Естественная доктрина глобальной гегемонии

С падением коммунизма и возникновением иллюзий относительно прекращения всех идеологических конфликтов вообще глобализация стала для Америки удобным обобщением и привлекательным образом складывающихся в мире условий. Она отражала новую реальность возрастающей глобальной взаимозависимости, движимой в основном новыми технологиями <вязи, когда национальные границы, оставаясь демаркационными линиями на карте, перестают быть реальным препятствием для свободной торговли и движения капитала. В этом смысле глобализация вызвала к жизни прямо-таки половодье публикаций, которые превозносят наступление нового славного века (часто забывают, что мир до 1914 г. был почти так же свободен от торговых и финансовых барьеров и еще более открыт для миграции) и усматривают в глобализации главную суть того, что происходит в мире в XXI веке.

Таким образом, для большей части американской политической и экономической элиты глобализация является не просто достойным внимания фактом, но и четкой нормой, определяя как содержание этой нормы, так и механизм ее толкования, не только инструментом диагностики, но и программой действий. В систематизированной форме эти аспекты глобализации составляют доктрину, основанную на морально прочном утверждении исторической неизбежности глобализации.

Симптоматично, что глобализация как в ее диагностическом, так и в доктринальном значении пользуется наибольшей поддержкой крупных глобальных корпораций и финансовых институтов, которые до недавнего времени предпочитали называть себя «многонациональными».

187

Для них это магическое слово имеет вполне определенную ценность: преодоление традиционных ограничений на экономическую деятельность в мировом масштабе, которая была характерна для национального периода

современной мировой истории. Некоторые сторонники глобалистских концепций делают восторженные заявления не только об экономических, но, как утверждается, и неизбежных политических выгодах этого процесса².

Неудивительно, что в 1990-х годах глобализация из экономической теории превратилась в национальное кредо. Ее достоинства разъяснялись в многотомных академических исследованиях, провозглашались на международных конференциях бизнесменов, рекламировались глобальными финансовыми и торговыми организациями. Диагностическая функция концепции глобализации и ее кажущаяся объективность использовали американские традиции антиидеологии, подобно тому как это имело место в ходе борьбы с коммунизмом: отрицание доктрины было возведено в ранг альтернативной доктрины. Таким образом, глобализация стала неофициальной идеологией политической и деловой элиты США; она определяет роль Америки в мире и отождествляет Америку с предполагаемыми благами, которые несет новая эра.

Президент Клинтон был особенно неутомим в пропаганде исторической неизбежности, социальном предпочтении и потребности человечества в американском политическом лидерстве на пути в новую эру глобализации. Выступая в различных аудиториях, от Государственной Думы России до Национального университета Вьетнама, не говоря уже о бесчисленных американских собраниях, Клинтон провозглашал:

Глобализацию нельзя ни задержать, ни предотвратить. Это экономический эквивалент таких сил природы, как ветер, вода... и мы не можем ее игнорировать — она не исчезнет сама собой (Национальный университет Вьетнама, 17 ноября 2000 г.).

Сегодня мы должны принять неумолимую логику глобализации, заключающуюся в том, что все, от прочности нашей экономики до безопасности наших

только внутри наших границ, но и на другом конце планеты (Сан-Франциско, 26 февраля

1999 г.).

Те, кто хочет остановить силы глобализации, потому что они боятся их разрушительных последствий, на мой взгляд, ошибаются. Опыт 50 лет показывает, что большая экономическая интеграция и более тесное политическое сотрудничество являются позитивными силами. Те, кто считает, что глобализация касается только рыночной экономики, тоже ошибаются... Мы должны признать, что глобализация сделала нас всех более свободными и взаимозависимыми (Всемирный экономический форум, 29 января

2000 г.).

Россия, как и все страны, стоит перед лицом сильно изменившегося мира. Его определяющей чертой является глобализация (российская Государственная Дума, 5 июня 2000 г.).

Поезд глобализации нельзя повернуть вспять... Если мы хотим, чтобы Америка была на правильном пути... нам не остается ничего другого, как взять на себя управление этим поездом (Университет штата Небраска, 8 декабря 2000 г.).

Как только глобализацию стали популяризировать как ключ к пониманию происходящих в наше время перемен, как вектор, определяющий их направление, и как только это понятие стало восприниматься как нечто отвечающее американским интересам, стало легче рассматривать глобализацию одновременно как благотворный и неизбежный процесс. Может быть, не столь сложная и догматическая, как марксистская идеология, послужившая ответом на развитие промышленного капитализма, глобализация стала модной идеологией постидеологической эпохи. Она несет в себе все черты идеологии: она оказалась исторически своевременной, была обращена к ключевым властным элитам, обладающим общими интересами, содержала критику того, что следовало отрицать, и обещала лучшее будущее.

Таким образом, глобализация заполнила основной пробел в новом статусе Америки как единственной мировой сверхдержавы. Международная мощь в ее политическом и экономическом измерении - даже когда она концентрируется в каком-то одном национальном государстве - нуждается в социальной легитимности. Эта легитимность необходима как руководящей, так и подчиненной стороне. Первые добиваются признания, потому что оно дает им чувство уверенности, ощущение миссии и моральную силу для достижения собственных целей и защиты своих интересов. Последним это необходимо для оправдания своего подчинения, для облегчения приспособления к этому статусу и пребывания в нем. Доктринальная легитимность снижает издержки, связанные с осуществлением власти, приглушает протест со стороны тех, кто является объектом этой власти. В этом смысле глобализация является естественной доктриной глобальной гегемонии.

Такая констатация отнюдь не снижает привлекательности глобализации относительно идеалистической традиции американского политического поведения. Защищая собственный суверенитет как национального государства, американское общество всегда испытывало некоторую антипатию в отношении международной силовой политики. Глобализация, с ее утопическими представлениями о всемирной открытости и сотрудничестве, играет на этих чувствах, создавая политический противовес настроениям большей части организованной рабочей силы, чья настороженность в отношении глобализации, объяснимая вполне понятной тревогой по поводу того, что некоторые производства будут выведены за рубеж, приводя к сокращению рабочих мест, а сама Америка пойдет по пути деиндустриализации, все больше воспринимается как эгоистический анахронизм, который угаснет, когда Америка завершит свой переход в постиндустриальный технотронный век³.

Враждебность профсоюзов, а также некоторых национальных отраслей

промышленности в отношении глобализации, таким образом, представляется провинциальной и близорукой по сравнению с видением мира без границ,

190

мира, в котором стремление к личному благополучию не заслоняется узким национализмом и становящимися все более архаичными государственными границами. В таком варианте национальный американский опыт с его переменчивыми, не связанными географическими границами моделями экономической деятельности воспринимается как универсальный и просто экстраполируется на весь земной шар. Это приводит к парадоксальному результату, когда строго заботящееся о своем суверенитете американское государство становится страстным пропагандистом экономической доктрины, превращающей суверенитет в анахронизм.

Кроме того, идеалистическое представление о глобализации подкрепляется некоторыми ее бесспорно положительными результатами. Многонациональные корпорации довольно чувствительно относились к таким вопросам, как недопустимость эксплуатации детского труда, традиционно распространенного во многих слаборазвитых и наиболее бедных государствах. Привлекаемые рынками с дешевой рабочей силой западные компании не могут игнорировать риск общественного осуждения их практики развитыми странами. И они практически отказались от использования детского труда. Помимо этого, предлагая чуть вышеоплачиваемую работу, чем принято на местном рынке, глобальные компании внесли некоторый вклад в борьбу с бедностью, особенно в Китае, который привлек наибольшие прямые иностранные инвестиции. Некоторые многонациональные корпорации пошли еще дальше и взяли на себя определенные обязательства в социальной сфере. В некоторых случаях открытие границ иностранным компаниям в известной мере способствовало повышению внимания к вопросам охраны окружающей среды, к которым местное общество было равнодушно.

Из всего вышеизложенного наиболее существенным по своим

социальным и политическим последствиям является спор о том, что глобализация способствовала заметному сокращению мировой бедности. И хотя многие экономисты это оспаривают, похоже, что количество очень бедных людей (живущих на 1 доллар или менее

191

того в день) в последнее время несколько сократилось как в процентном отношении, так и в абсолютном исчислении. Но эта позитивная тенденция не касается особой ситуации в Китае, хотя другие крупные регионы «третьего мира» выигрывают от этого меньше⁴.

Вопрос о том, приводит ли сокращение наиболее острой нищеты к сглаживанию неравенства в мировом масштабе или глобализация, наоборот, обостряет это неравенство, принося плоды в непропорциональных масштабах наиболее богатым странам, является предметом острых споров. В конечном счете аргумент о том, что глобализация помогает сократить разрыв между богатыми и бедными или по крайней мере как-то улучшает положение бедных по сравнению с тем, что могло быть, является ключевым аргументом в пользу этой теории. Известно также (как это показано в следующем разделе), что противники глобализации отвергают эти аргументы в принципе, считая глобализацию весьма неоднозначным процессом, а то и вообще рассматривая эту доктрину как прикрытие западной, в первую очередь американской, империалистической эксплуатации.

Как бы то ни было, для Соединенных Штатов в их новой роли доминирующей мировой державы доктрина глобализации является полезной системой координат для определения современного мира и взаимоотношений Америки с этим миром. Она привлекает своей интеллектуальной незамысловатостью, дает понятные объяснения сложностей постиндустриального и постнационального периода: свободный доступ к мировой экономике представляется естественным и неизбежным следствием новых технологий, а Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ) служат институциональным

воплощением этого факта в глобальном масштабе. Свободный рынок должен быть глобальным по своему масштабу, и на нем конкурируют смелые и трудолюбивые. Страны должны оцениваться не только по степени их внутренней демократизации, но и по тому, насколько они глобализированы.

Привлекательность идеологии определяется не только тем видением будущего, которое она предлагает, но и ее

192

мифами о настоящем. Здесь одно легитимирует и усиливает другое. Глобализация предлагает несколько таких мифов. Один из них имеет отношение к постсоветской России, в отношении которой политика США в период администрации Клинтона основывалась на механистических и даже догматических представлениях, выведенных из доктринального определения глобализации. Администрация часто провозглашала свою уверенность в том, что чем скорее Россия примет принципы рыночной и глобально взаимозависимой экономики, тем скорее ее политика станет отвечать «всеобщим» стандартам по меркам западной цивилизации.

Таким образом, почти с марксистским детерминизмом развитие демократии в России рассматривалось в основном как результат действия рыночных сил, а не как следствие действия более глубинных философских и духовных ценностей. «Избрание» президента Путина было даже провозглашено!» главными экспертами Клинтона по России как высшее доказательство того, что демократия в России стала свершившимся фактом. К сожалению, последовавшее отступление России от норм открытого общества и подлинной демократии стало отражением риска, присущего сведению сложных процессов глобализации к простым формулам.

Другой миф представляет Китай как зеркало глобализации. Ожидания Америки, связанные с Китаем, в отличие от России, сводились главным образом к экономике. Не было никаких официальных заявлений на тот счет, что автоматическая связь между глобализацией и демократией подведет Китай к рубежу демократической эры. Тем не менее Китай постоянно

приводят как пример успешной глобализации - модели быстрого экономического развития, достигнутого за счет международной либерализации и открытости внешнему капиталу. Сочетание этих факторов действительно вызвало весьма заметный устойчивый экономический рост, что создало предпосылки для вступления Китая в ВТО - крупный шаг на пути прогрессивной глобализации. Однако эти результаты были достигнуты в рамках авторитарного государства с экономикой, в которой доминирующее положение занимал

193

государственный сектор, и в государственных границах, которые только в отдельных случаях можно считать прозрачными. Китай обязан своим экономическим успехом не столько глобализации, сколько просвещенной диктатуре.

Пожалуй, самым распространенным аргументом сторонников глобализации в деловом мире является утверждение о том, что она создает равные условия для конкурентной экономической деятельности. Точно так же как миф о бесклассовом обществе был составной частью коммунистической идеологии (несмотря на строго стратифицированную советскую реальность), представление о том, что глобализация способствует созданию равных конкурентных условий для всех игроков, является важным источником легитимизации новой доктрины вне зависимости от существующей реальности.

А эта реальность, безусловно, не настолько однозначна. Некоторые государства явно более равны, нежели другие. Более богатые, сильные и развитые государства, особенно Америка, естественно, находятся в лучшем положении, позволяющем им занимать главенствующее место в этой игре. В ВТО, Всемирном банке или МВФ голос США слышен громче всех⁵. Таким образом, глобальная гегемония и экономическая глобализация превосходно дополняют друг друга: США выступают за открытую глобальную систему, но они же в основном и определяют правила, решая, насколько они хотят

быть зависимыми от этой системы.

Преимущества для Америки многочисленны. Сам по себе масштаб американской экономики, где США как потребитель опережают все другие страны, дает американским представителям на торговых переговорах мощные рычаги. В то же время американская экономика является самой конкурентоспособной и самой инновационной в мире (в 2002 г. она снова занимала первое место по индексу роста конкурентоспособности и по индексу макроэкономической конкурентоспособности, которые ежегодно определяются Всемирным экономическим форумом). Соединенные Штаты тратят больше на научно-исследовательские разработки и занимают значительно больший

194

сегмент глобального рынка высоких технологий, чем любое другое государство. Американские многонациональные корпорации непосредственно контролируют несколько триллионов долларов иностранных активов, в то время как американская экономика - гораздо большая по масштабам и более диверсифицированная, чем любая другая, - является локомотивом глобальной экономики. Неудивительно, что Соединенные Штаты могут официально заявлять, что не собираются менять свои законы, понижать торговые барьеры или компенсировать другим странам убытки в соответствии с правилами ВТО⁶. Исходя из внутривластных соображений, США последовательно сохраняли высокие протекционистские барьеры для сельскохозяйственной продукции и устанавливали жесткие квоты на импорт стали и текстиля из более бедных стран, отчаянно добивавшихся выхода на американский рынок. Развивающиеся страны продолжают просить Америку снизить торговые барьеры, но им недостает силы, чтобы быть услышанными.

О равных возможностях реально можно говорить только применительно к Соединенным Штатам и Европейскому союзу. Когда имеется согласие обеих сторон, они могут диктовать всему миру свои

условия финансовой деятельности и торговли. В противном случае это становится настоящим поединком тяжеловесов. Например, в один из таких моментов ЕС выдвинул обвинение, что коды Службы внутренних доходов США обеспечивали американским бизнесменам неоправданные преимущества. Сначала США просто проигнорировали этот протест, но когда ЕС пригрозил ввести ответные меры и отменить преимущества, которые означали для американцев потерю почти 4 млрд. долларов, Соединенные Штаты немедленно потребовали арбитража ВТО. Соперничая с ЕС, Соединенные Штаты могут использовать свои отношения с торговыми партнерами в Азии в качестве рычага давления с целью заставить европейцев пойти навстречу интересам США.

Таким образом, «ровная» игровая площадка перекашивается каждый раз, когда это затрагивает интересы США. Более того, Америка, в отличие от ее экономического

195

партнера - ЕС, обладает огромной военной мощью, а сочетание военной и экономической мощи генерирует непревзойденное политическое влияние. Это влияние может быть использовано для продвижения американских интересов при сочетании приверженности экономической глобализации (потому что это экономически выгодно) и последовательного отстаивания американского государственного суверенитета (когда это политически выгодно). Могущество позволяет Америке - права она или нет - преодолевать это очевидное противоречие.

Понятно, что эта своекорыстная доктрина применяется избирательно, и эта непоследовательность распространяется на связанную с ней проблему многосторонности. Администрация Клинтона, несмотря на свою приверженность концепции глобализации как ключевой доктрине США, решила по политическим причинам отказаться от выполнения Киотского протокола, который она подписала в 1998 году. В конечном счете ей не удалось достичь соглашения по сдерживанию глобального потепления, она

также подписала политически противоречивый договор о Международном уголовном суде, но с оговорками, требующими поправок Сената. Впоследствии при администрации Буша эти колебания превратились в прямую оппозицию. Это подало миру четкий сигнал: когда международные соглашения приходят в противоречие с интересами американской гегемонии и могут ущемить американский суверенитет, приверженность США глобализации и многосторонности имеет четкие пределы.

Наконец, сам масштаб американского доминирования означает, что новые моменты в процессе экономической глобализации почти автоматически воспринимаются в мире как обратная сторона всепроникающей американской массовой культуры. На самом деле глобализация в большей степени является результатом неуправляемого проникновения современных технологий через традиционные барьеры времени и пространства, чем намеренным результатом реализации американских доктрин. И все же историческое совпадение нарождающегося интерактивного глобального сообщества и политически доминирующей экономически динамичной и привлекательной

196

в культурном отношении нации образует некий сплав глобализации и американизации.

Клеймо «Сделано в США» четко и неотвратно проступает на глобализации. И эта глобализация как национальная доктрина мирового гегемона в конечном счете отражает и выражает свое национальное происхождение. Без этой национальной базы глобализация - даже если этот термин кому-то нравился как аналитическая концепция - не смогла бы стать политически могущественной доктриной, вызывающей международные противоречия. Она становится таковой только после институализации, как религия стала силой после того, как она была воплощена в церкви, или коммунизм, когда он отождествился с советской системой. Подобный симбиоз с уже существующей и могущественной реальностью - к худу или к

добру — становится неотъемлемым элементом, определяющим эту доктрину.

Цель контрсимволизма

В силу отмеченных выше причин глобализация порождает мощные антиамериканские настроения и главным образом из-за широко распространенных представлений о том, что она является не только инструментом для осуществления социально-экономических перемен, но и для культурной гомогенизации и политического доминирования. Доктрина глобализации, таким образом, порождает собственную антитезу, в которой сращивание глобализации с американизацией выступает в качестве контркредо, являющегося одновременно антиглобалистским (по существу противостоящим американскому политическому верховенству) и антиглобализационным (критически оценивающим экономические и социальные последствия глобализации как таковой).

Победа в «холодной войне» поставила Америку во главе мира. Она оказалась в доминирующем положении, но без какого-либо интеллектуально убедительного обоснования привлекательности американской системы. Утверждения марксизма об «исторической неизбежности

197

движения человечества к коммунизму», звучавшие на протяжении большей части беспорядочного XX века, были драматически опровергнуты распадом советского блока. Часто раздававшаяся критика капитализма также показала свою несостоятельность: капитализм доказал, что он более продуктивен и лучше вознаграждает людей, чем социализм. Сегодня даже коммунистический Китай пытается сохранить политический режим «коммунизма» за счет внедрения капитализма. Ничто не может сравниться с демократией и свободным рынком. Некоторые даже считают, что наступил конец истории.

Но история еще не закончилась. Именно потому, что моральное содержание глобализации в лучшем случае остается расплывчатым, а восприимчивость ее сторонников к вопросам социальной справедливости не

всегда просматривается, у многих существует желание заклеить глобализацию как новую универсальную доктрину эксплуатации⁷. Морально инертная и духовно пустая глобализация обвиняется ее критиками как идеология высшего материализма, превосходящая в этом плане даже марксизм. Она подвергается осмеянию как своекорыстная идеология членов советов директоров корпораций, лишенная всякой заботы о социальной справедливости, патриотизма, морали и этики.

Это обвинение вызвало прилив сил у ранее разочаровавшихся марксистов, а также симпатии популистов, анархистов, защитников окружающей среды, представителей разного рода культов, шовинистов правого толка, не говоря уже о более серьезных скептиках - на экономическом и даже теологическом уровнях, - относительно предполагаемых благ глобализации. Взрывы насилия в первом году XXI века во время конференции ВТО в Сиэтле, заседаний Всемирного банка в Вашингтоне и МВФ в Праге, а также в других местах стали первыми признаками появления контркредо.

Контрсимволизм - явление в политике не новое. Это происходит тогда, когда более слабая сторона принимает (по крайней мере внешне) правила игры, применяемые более сильной стороной, и направляет их против сильной стороны. Классическим примером является мобилизация

198

индийских масс партией ИНК Махатмы Ганди, который использовал тактику мирного гражданского неповиновения и призывы к британскому либерализму для завоевания политических симпатий в Великобритании и нейтрализации возражений британских правителей против независимости Индии. Движение за гражданские права в Америке в итоге победило за счет использования тактики, связанной с американскими конституционными традициями. В Польше «Солидарность» сбросила навязанный Советами коммунистический режим, мобилизовав «пролетариат» на защиту прав рабочих, прежде чем она открыто взяла курс на национальное освобождение.

Одним из главных просчетов Организации освобождения Палестины является то, что она никогда последовательно не придерживалась тактики контрсимволизма, чтобы вызвать в Израиле симпатии к ее усилиям по достижению независимости Палестины от *Израиля*. ~~^

Отрицание глобализации аналогичным образом связано с попыткой превратить в контрсимволы ключевые с исторической точки зрения постулаты глобализации. К ним относятся: моральная подоплека глобализации, в какой степени она на самом деле преследует (или не преследует) цель улучшить условия жизни людей; ее экономические достижения в области социальной политики и выполнения роли социального регулятора в мире, где экономическое неравенство, несмотря на осуждение, становится все более явственным. Короче говоря, антиглобализация в интеллектуальном плане развивается от неясного ощущения в направлении контркредо, эмоционально подпитываемого антиамериканизмом.

В этом качестве она заполняет пустоту, создавшуюся после коллапса коммунизма. Новое контркредо сосредоточивает внимание одновременно на главных политических и экономических реалиях современного мира, а именно гегемонии и глобализации, и подвергает их критике. Оно также объединяет различные протестные движения, особенно направленные против Америки, и туманно намекает на какое-то альтернативное видение будущего. Не будучи столь же систематическим и всеобъемлющим,

199

как марксизм, оно, тем не менее, успешно апеллирует к разуму и чувствам.

Одной из движущих сил нового контркредо являются принципиальные противоречия между обычно прагматичными сторонниками глобализации и их более эмоциональными оппонентами. Воинственные социально-политические движения зачастую приводятся в действие не столько материалистическими импульсами, сколько острым ощущением социальной несправедливости. Коммунизм получил свой первый толчок в этом направ-

лении именно от таких ощущений, и потребовалось семь десятилетий советского лицемерия, чтобы дискредитировать его привлекательность. В той мере, в какой глобализация воспринимается как движимая силами свободного рынка, она трактуется ее противниками как своекорыстная и антигуманистическая. Экстремальные проявления контркредо привлекают самодовольных догматиков и безнадежных идеалистов, способных объяснить любые проявления бурных политических страстей⁸.

Для оправдания своего возмущения критики глобализации иногда использовали осторожные и морально мотивированные возражения относительно ничем не ограниченного капитализма, высказывавшиеся римским папством с конца XIX века. В наше время, в 1961 году, папа Иоанн XXIII в своей энциклике *Mater et Magistra* сосредоточился на «возрастающей важности социальных отношений», свойственной современному миру, что, по его мнению, требовало большего внимания к вопросам «социализации». Эта ссылка (и особенно само слово) широко толковалась как принципиальная критика капитализма. Через четыре десятилетия папа Иоанн Павел II в своем выступлении 27 апреля в Папской академии социальных наук подчеркнул, что «глобализация, как и всякая другая система, должна служить человеку, она должна служить солидарности и общему благу». Он предостерег, что «изменения технологий и трудовых взаимоотношений происходят слишком быстро, чтобы культура могла за ними угнаться», и призвал человечество «уважать разнообразие культур». Вместе с тем папа осторожно отметил, что «сама глобализация *a priori* ни хороша, ни

200

плоха. Она будет такой, какой ее сделают люди». Его обеспокоенность только высветила широко распространенную тревогу в отношении основных причин, которыми мотивируется глобализация.

В основе формирующегося контркредо лежат разнообразные проявления недовольства, но у него пока еще нет главного теоретика и официальной доктрины. Эта идеология - в процессе формирования, но и в

этом качестве она занимает определенное место. Помимо серьезной академической критики глобализации как экономической теории очень большое влияние оказали взгляды скончавшегося в 2002 году видного французского социолога Пьера Бурдьё, сформулировавшего свой приговор глобализации в виде главного тезиса о том, что «объединение выгодно доминирующему», и утверждавшего, что мировой рынок является политическим явлением - «продуктом более или менее осознанно проводимой политики». Он не оставил своим поклонникам сомнений в том, кто осуществляет это планирование.

«Модель экономики, имеющая исторические корни в традициях конкретного общества, а именно американского, одновременно становится неизбежной, становится судьбой и проектом всеобщего освобождения, преподносится как конец естественной эволюции, как гражданский и этический идеал, который во имя предполагаемой связи между демократией и рынком сулит политическую свободу народам всех стран.

То, что предлагается и навязывается всем как универсальный стандарт любой рациональной экономики, в действительности является универсализацией конкретных характеристик одной экономической системы, укоренившейся в истории и социальной структуре конкретной страны - Соединенных Штатов Америки»⁹.

Из этого приверженцы нового кредо делают вывод, что глобализация «не является выражением эволюции» и продуктом современной технологии, а «придумана и создана людьми с конкретной целью - отдать примат экономическим ценностям (корпоративным) перед всеми

201

другими ценностями»¹⁰. Глобализация, таким образом, представляет собой всеобщий империализм экономически наиболее конкурентоспособных и политически могущественных, в первую очередь Соединенных Штатов.

Дело, однако, не ограничивается Соединенными Штатами. Против глобализации как политики, выгодной сильным и привилегированным мира

сего, могут выступать и некоторые слои населения слаборазвитых стран, находящиеся в подчинении богатых меньшинств. По словам одного проницательного аналитика глобализации, пока еще не все замечают, что некоторые местные «рынки сосредоточивают несметные богатства в руках «посторонних меньшинств»... что вызывает этническую зависть хронически бедного большинства»¹¹. Эти меньшинства в силу лучшего образования и более широких контактов располагают большими возможностями привлекать иностранные инвестиции и становиться партнерами иностранного бизнеса. Глобализация помогает им извлечь максимум пользы из своего привилегированного положения, что влечет дальнейшее углубление национального неравенства и обостряет межнациональную напряженность. Неутешительная реальность заключается в том, что экономические привилегии этнического меньшинства создают весьма взрывоопасную политическую ситуацию; этническая зависть может стать мощной ксенофобской силой, вызывающей враждебное отношение к порождаемой глобализацией несправедливости.

Неудивительно, что атака на глобализацию и особенно на ее связь с Америкой имеет существенную культурную составляющую. По мнению критиков, продвигая глобализацию по экономическим и политическим причинам, Америка также преследует своекорыстные цели культурного империализма. В глазах этих критиков глобализация является синонимом американизации, означает навязывание другим американского образа жизни, вызывающего прогрессирующую культурную гомогенизацию мира по американскому образцу. Такое политическое обвинение напоминает лозунг французских коммунистов о том, что США занимают «кокаколониацией» мира.

202

Этот культурный фактор привносит в дискуссию острый идеологический момент. Он не только сводит вместе различные оттенки антиглобалистской идеологии, но и обеспечивает поддержку элит некоторых

ключевых государств, особенно Франции и России.

Для французской политической и культурной элиты нынешнее американское глобальное превосходство - пусть даже и переносимое как неизбежное зло ради международной безопасности — представляется формой культурной гегемонии. Многие представители этой элиты рассматривают глобализацию как американский план распространения всепроникающей массовой культуры, пагубно действующей на национальное культурное наследие конкретных стран. Подобная перспектива вызывает глубокое неприятие у элиты, которая не только безгранично гордится собственным культурным наследием, но и считает его имеющим мировое значение. Ее самозащита против предполагаемого вульгаризирующего и гомогенизирующего влияния последствий глобализации почти неизбежно принимает антиамериканскую окраску.

Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые появления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры. Считается, что эта угроза охватывает диапазон от использования английского языка как средства межнационального общения - будь то в области контроля за воздушным сообщением или как рабочий язык международных чиновников - до опасного влияния на традиции французской кулинарии со стороны проводимой американцами линии на использование в сельскохозяйственном производстве и животноводстве технологий генной инженерии, считающихся вредными для человека.

Правда, следует отметить, что Франция и Америка дорожат своей исторической дружбой, основанной на искренней и проверенной временем приверженности демократическим ценностям. Тем не менее на смену затухающему вызову марксизма пришла новая напряженность во франко-американских культурных отношениях, которая затронула даже официальный диалог двух

стран. Например, в 2000 году Соединенные Штаты организовали встречу в Варшаве «Сообщества демократических государств» (с участием министров иностранных дел более 100 стран), в ходе которой министр иностранных дел Франции утверждал, что американский способ поддержки демократии в глобальном масштабе плохо сочетается с необходимостью уважения международного культурного многообразия. Он призывал участников не «ставить знак равенства между универсализмом и навязыванием западных ценностей» и осуждал «доминирование англо-американской модели свободного рынка»¹².

Подобная критика со стороны французов придала антиглобализму некоторый налет интеллектуальной эlegantности. Тем временем российская элита все чаще предлагает более антагонистичное политическое определение контркредо. Большая часть этой элиты инстинктивно испытывает антиамериканские настроения, но ей недостает системности в формулировках для оправдания этой враждебности и придания ей конкретного направления. Здесь присутствуют вполне понятные сожаления Москвы по поводу утраты ею своего места на верху глобальной иерархии и недовольство эксклюзивным местом, которое занимают США. Большая часть российской элиты понимает неоспоримый факт, что коммунизм дискредитирован и возврата к нему быть не может. Ставка на национализм, чтобы не сказать шовинизм, может способствовать внутривнутриполитической консолидации, но не принесет России внешних союзников. Было бы затруднительно, а по сути бесполезно соревноваться с Америкой на основе национализма, который фокусирует внимание на ужасающих условиях в самой России. Для противостояния американской «гегемонии» Россия должна заручиться международной поддержкой, а это, в свою очередь, требует солидного интеллектуального обоснования.

Поэтому представления о том, что глобализация - это прямое продолжение американского глобального политического превосходства, являются ниспосланной Богом идеологической возможностью, которая дает

основание для всеобъемлющей косвенной критики единственной сверхдержавы и без явного антиамериканизма создает

204

предпосылки для объединения сбитых с толку и деморализованных сегментов посткоммунизма, антикоммунизма, псевдокоммунизма, националистических и шовинистических элементов в российской элите. Она даже позволяет использовать остаточные явления старой советской кампании «борьбы с космополитизмом» для выработки такой позиции, в которой антиглобализм фактически станет антиамериканизмом. Россия не может экономически соперничать с Америкой, но контраст между российской бедностью и американским изобилием может быть сведен к обвинению, что Америка, в отличие от России, в культурном отношении бесплодна, материалистически алчна и лишена духовного призвания.

В политическом плане подобного рода взгляды приобщают Россию к другим распространенным проявлениям антиглобализма в мире. Российская элита традиционно претендовала на какую-то особую роль для России сначала как для Третьей Рима христианского мира и позже как центра мировой революции, символом которой являлся развевавшийся над Кремлем красный флаг. Когда в декабре 1991 года этот флаг был спущен, статус России в глазах многих понизился до статуса простого национального государства, которое больше уже не олицетворяет какие-то трансцендентальные и транснациональные ценности. Таким образом, идея контркредо обладает для России определенной привлекательностью и отвечает ее чаяниям на восстановление самоуважения и более эффективное идеологическое противодействие глобальному превосходству американского бизнеса и массовой культуры¹³.

Есть также еще одна своекорыстная и чисто внутренняя причина настороженного отношения московской элиты к возглавляемой США глобализации. Эта элита традиционно испытывала сильные предпочтения в отношении высокоцентрализованной системы управления. Централизованная

власть отвечает ее интересам, в то время как глобализация угрожает ослаблением этой власти и снижением эффективности национальных политических институтов. Российская элита инстинктивно отвергает идею децентрализованной нации, в которой

205

регионы в меньшей степени зависят от Москвы и большей степени напрямую взаимодействуют с «заграницей»¹⁴.

Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации. В условиях, когда марксизм утратил свое значение как во внутривнутриполитическом контексте, так и в глобальном масштабе, политическое руководство Китая нуждается в альтернативном доктринальном обосновании своей монополии на власть в стране, в то время как в международном плане оно стремится выработать общее интеллектуальное видение близких по духу противников американского «гегемонизма». Последний аспект, касающийся утверждений об изначальном антидемократизме глобализации, играющей на руку сильным, дает весьма удобный аргумент в защиту отстаиваемой Китаем идеи «многополярности»¹⁵.

Можно также уловить некоторые элементы формирующейся контрдоктрины в частых заявлениях китайцев относительно концепции «азианизма» (предположительно при главенстве Китая), которую надо развивать в интересах независимого обеспечения коллективных интересов стран Азии перед угрозой гегемонистской глобализации. Поддерживаемая Китаем концепция «азианизма» может стать привлекательной альтернативой глобализации, использующей общность взглядов влиятельной китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии и китайцев в КНР. Два недавних китайских бестселлера: «Китай может сказать "нет"» (явное подражание очень популярному антиамериканскому памфлету, написанному видным японским националистом и озаглавленному «Япония, которая может сказать "нет"»), и «Китайский путь: в тени глобализации», отражают представления о том, что

глобализация является продолжением американского политического и экономического гегемонизма.

Парадоксально, но именно приверженность Китая глобализации, а не противодействие ей может стать препятствием для мирового экономического господства США. Как уже отмечалось, Китай является излюбленным примером для всех, кто пытается рекламировать глобализацию. Китай не только привлекает американский капитал,

206

который видит все меньше возможностей для приложения в сфере национального производства в самих США, но и вообще становится все более притягательным для прямых иностранных инвестиций, привлекаемых низкой себестоимостью производимой продукции, высокой производительностью труда и избыточной дешевой рабочей силой Китая. Если эту тенденцию связать с заметным падением уровня прямых иностранных инвестиций в экономику США, которые сокращают дефицит торгового баланса, и прогрессирующим падением прибыльности американской промышленности, успех глобализации, превратившей Китай в главную промышленную фабрику мира, может стать основным фактором в крахе американской промышленности¹⁶.

И наконец, возражения антиглобалистов имеют еще один вполне практический аспект. Контридеологи понимают, что американская экономика является локомотивом глобального развития и американская мощь является основой мировой стабильности. Заметный экономический спад в США и его отрицательное воздействие на мировую экономику могут повернуть вспять тенденцию развития свободной мировой торговли (эта тенденция энергично поддерживается находящимися в Вашингтоне всемирными организациями). Учитывая, что американская мощь не отделима от жизнеспособной американской экономики, экономический кризис приведет к ослаблению влияния Америки в мире, ослабит явно позитивную связь между глобализацией и интересами безопасности США и стимулирует

пагубное национальное экономическое соперничество. Многие мощные группировки, выражающие национальные экономические интересы, от немецких угольщиков до японских производителей риса и американских сталелитейщиков, по крайней мере в краткосрочном плане, только выиграют от возрождения протекционизма.

Эта смесь мотиваций и убеждений еще не составляет последовательную и систематичную антиглобалистскую идеологию по типу марксистской связи псевдоисторического детерминизма и идеалистического фанатизма. Это, скорее, протест против пугающего будущего и

207

возмутительного настоящего, чем альтернативный план для человечества. Короче говоря, глобализация осуждается по различным причинам, многие из которых связаны с лежащим на ней негативным впечатком Америки, но контркредо пока еще не предлагает цельного, идеологически привлекательного альтернативного плана установления мирового политического и экономического порядка. Сторонники контркредо могут нападать на своего доминирующего противника, но они пока не в состоянии перейти в решительное контрнаступление.

Со временем, однако, может возникнуть целостная концепция контркредо, которая даст интеллектуальный импульс для возникновения откровенно враждебного ЙША политического климата. В период, когда стало модно считать, что век идеологий закончился, антиглобализация, сплавленная в единое марксистский экономический детерминизм, христианский гуманизм и тревогу о состоянии окружающей среды, подогреваемая сознанием глобального неравенства и обыкновенной завистью, имеет шансы стать цельной и глобально привлекательной антиамериканской доктриной.

Если это случится, то контркредо может превратиться в мощное орудие для всемирной мобилизации масс. В какой-то момент оно может стать объединяющей идеологической платформой для создания коалиции не только различных политических течений, но и государств, которые

объединятся для противодействия американской гегемонии. Наиболее фанатично настроенные идеологические и политические лидеры могут использовать в своих целях бытующие представления об американском эгоизме, равнодушии к интересам более бедных и слабых, произвольном использовании Америкой силы для того, чтобы представить ее как глобального врага номер один.

Ключевое слово здесь «могут». Опросы общественного мнения показывают нарастание критического и даже враждебного восприятия Америки. Однако эта тенденция скорее отражает недовольство поведением США как единственной мировой сверхдержавы, чем отрицание американского образа жизни как такового или доктрины

208

глобализации¹⁷. Примечательно, что когда глобализация определялась как «расширение торговли между странами в сфере товаров, услуг и инвестиций», большинство населения 25 стран выражало надежду, что это положительно скажется на их будущем. Однако мнения сильно расходились в отношении влияния глобализации на существующее в мире неравенство, что предположительно явилось результатом противоречивых сообщений средств массовой информации по этому вопросу. Но самым любопытным и потенциально самым значительным оказалось то, что при общей оптимистической оценке глобализации значительная часть респондентов также выразила некоторое одобрение антиглобалистских движений на том основании, что «они действуют в моих интересах»¹⁸.

Это удивительное сочувствие критикам глобализации может быть предупредительным сигналом. Возможно, общество ощущает, что глобализация, разрушая связь между жизненно важными экономическими решениями и теми, кого они непосредственно касаются, может подорвать веру общества в демократию. Наиболее слабые и бедные страны, особенно остро уязвимые в социальном отношении группы, могут решить, что их отсекают от принятия политических решений, непосредственно затраги-

вающих их благополучие. Если национальная экономика пошатнется, никто, никакие далеко расположенные многосторонние институты (вроде ВТО или МВФ), никакие наднациональные образования (вроде ЕС), никакие гигантские глобальные корпорации и финансовые институты (расположенные в далеких городах богатых стран) не будут нести политическую ответственность. Для многих экономическая глобализация будет означать утрату государственности.

Распространяющееся чувство социального бессилия создаст исключительно благоприятный климат для разного рода демагогов. Они будут повторять националистические лозунги, распространять марксистскую риторику, разоблачать пороки новой глобальной реальности, ответственность за которые можно возложить на алчных эксплуататоров из далекой Америки и Европы, и при этом контрсимволично прикрываться флагом демократии.

209

Глобализация, вместо того чтобы восприниматься как результат сжавшегося вследствие технологической революции мира, превратится в глобальный заговор против народов¹⁹.

Признание этого риска вовсе не означает одобрение критики демагогов или игнорирование связи между феноменом глобализации и возникновением нового типа политической гегемонии. Однако неоднозначная реакция общества на глобализацию свидетельствует о наличии потенциально серьезной проблемы. Глобализация имеет как положительные, так и отрицательные стороны, и если американские политики сознательно не привнесут в нее политически очевидное моральное содержание, сосредоточенное на улучшении условий жизни людей, их некритическая поддержка этого процесса может вызвать негативную реакцию.

Сердцевину этого морального компонента должно составлять развитие демократизации. Для всех стран, затронутых процессом глобализации, должны быть созданы возможности выражать свое мнение. Если менее развитым странам позволить высказываться, то у них будет меньше

оснований и желания критиковать моральную легитимность глобализации. Демократизация глобализации будет долгим, сложным и трудным процессом, который часто может идти вспять и потребует твердого американского лидерства. Тем не менее Америка в состоянии привнести необходимую моральную составляющую в свой подход к проблеме глобализации, приглушая доктринальные импульсы, делая на практике то, к чему она призывает, и ставя в центр внимания всеобщее благо.

Соединенным Штатам следует как в политической риторике, так и в практической политике преподносить глобализацию не как священное писание, а как возможность улучшения условий жизни людей. Это несколько смягчит нынешний излишне идеологизированный подход к глобализации. Стремление к открытости рынков и снижению торговых барьеров должно быть не самоцелью, а средством улучшения экономического климата в мире. «Свобода торговли» и «мобильность капитала» сохраняют свою роль основополагающих принципов, но

210

их нельзя без разбора навязывать всем странам без учета местных политических, экономических, социальных и других особенностей. Приглушение идеологии в пользу более индивидуализированного и дифференцированного подхода к глобализации продемонстрирует восприимчивость Америки к конкретным нуждам других стран, одновременно внушая такую же восприимчивость лидерам американского бизнеса.

Сейчас Америка подрывает свои шансы на моральное лидерство, требуя от других того, что сама для себя отвергает. Когда какие-то правила оказываются экономически невыгодны или политически неудобны Америке, она их часто нарушает. Подобная непоследовательность увеличивает подозрения к мотивам Америки, делая ее господство еще менее терпимым, и усиливает стремление других аналогичным образом нарушать системные правила. Учитывая роль Америки как главного локомотива

глобализации. Некоторые послабления могут быть оправданы, но они должны быть четко ограничены и не быть своекорыстным лицемерием.

Поскольку глобализация является благом для Америки, она должна принять участие в смягчении ее отрицательных проявлений. Сегодня благополучие Америки во многом зависит от того, как мир видит свое благо. Чем равнодушнее Америка относится к страданиям людей в мире, тем больше мир противится американскому лидерству. Поэтому Америка должна проявить готовность взять на себя известную долю расходов по улучшению условий в мире, не ожидая для себя немедленной отдачи²⁰. И наконец, идя на односторонние, но хорошо просчитанные жертвы в интересах глобального блага, Америка может убедить мир, что ее глобальное доминирование имеет доброкачественный характер, что она непосредственно занимается теми проявлениями неравенства, которые порождают антиамериканизм.

В конечном счете политическая притягательность контркредо зависит от того, как Америка осуществляет свое лидерство и в каком состоянии находится мировая экономика. Неустойчивость мировой экономики будет подпитывать сопротивление глобализации, поощрять

211

введение новых барьеров на пути свободной торговли, усугублять социальные трудности бедных стран, наносить ущерб американскому политическому лидерству и глобальной привлекательности демократии.

Для Америки дилемма глобализации создает не только риск изоляции в философском плане, но и риск возникновения доктрины, которая может вызвать подъем антиамериканизма в мире. В этой связи американскому руководству важно понять, что в наш век всеобщего политического пробуждения и общей международной уязвимости к современным средствам массового разрушения, безопасность зависит не только от военной мощи, но также и от преобладающего общественного мнения, от политического воплощения общественных страстей и от очагов фанатической ненависти.

Учитывая важную роль в международных делах Соединенных Штатов

и Европейского союза, тесное сотрудничество между ними в экономической и политической областях будет иметь критически важное значение для решения вопроса о том, станет ли контркредо мощной политической силой. Серьезный конфликт между этими двумя экономическими гигантами, которые, к тому же, являются мировыми центрами демократии, создаст угрозу не только их экономикам. Он поставит под удар процесс проведения справедливой, упорядоченной и развивающейся в демократическом русле глобализации.

Мир без границ, но не для людей

Глобализация предполагает существование мирового сообщества без границ для денег и товаров. Однако когда речь заходит о людях, ее сторонники и противники не могут сказать ничего определенного. И все же в течение нескольких предстоящих десятилетий сочетание миграционного давления, создаваемого неравномерностью демографических процессов и неравномерным распределением мировой бедности, а также социальных последствий неравномерного старения населения различных

212

стран, может реально изменить политическое лицо планеты.

Сторонники и противники глобализации принимают как данность мир, разделенный на национальные государства с соответствующими требованиями к гражданству и праву проживания. Некоторые критики глобализации сентиментально рассуждают о национальных границах как «важных гарантиях ничем не ограниченной экономической деятельности, когда каждая нация имеет свои законы, которые поощряют собственную экономику, обеспечивают здоровье и безопасность граждан, устойчивое использование природных и других ресурсов и т.п.»²¹. Действительно, в некоторых богатых государствах те же самые люди, которые решительно осуждают глобализацию, в то же время выдвигают резкие антииммиграционные лозунги, потому что хотят сохранить привычный для них облик национального государства.

Так было не всегда. До возникновения национальных государств, а фактически до появления относительно эффективных систем пограничного контроля передвижение людей ограничивалось не столько требованиями законов, сколько соглашением сторон, предубежденностью против чужаков, географическими препятствиями к переселению и отсутствием информации об условиях жизни за пределами собственного узкого круга. В Европе с раннего Средневековья и до XIX века передвижение ремесленников и расселение колонистов (например, немцев в Восточной Европе и даже России) было относительно свободно от политических ограничений и часто даже поощрялось просвещенными правителями. Однако со временем заокеанские географические открытия создали огромные возможности для спонтанного переселения.

В широком плане можно отметить, что до XX века миграция определялась социально-экономическими условиями, а не политическими решениями. И в этой связи национальный паспорт - всемирно распространенный атрибут XX века - символизирует утрату человечеством своего права (даже если его трудно было реализовать на практике) рассматривать Землю как свой общий дом.

213

Последствием стал национализм, с гуманитарной точки зрения явившийся шагом назад.

Сейчас этот вопрос снова встает в болезненной форме. Уже сейчас становится достаточно острой внутри- и внешнеполитической дилеммой, насколько непроницаемыми должны быть границы расширяющегося Европейского союза. Вопрос о том, как скоро нынешние государства - члены Европейского союза будут готовы отменить существующие ограничения на свободное передвижение рабочей силы из вновь принимаемых государств, был одной из самых трудных проблем при принятии Евросоюзом в 2002 году решения о приглашении десяти новых членов. Серьезным вызовом Евросоюзу в сфере международных отношений является и вопрос о том, как

его расширение повлияет на миграцию русских или украинцев (не только в страны Союза, но и через расширившееся пространство Союза между Россией и Калининградом).

Соединенные Штаты, как наиболее вожаденный объект глобальной миграции, стоят перед лицом аналогичных проблем. Почти одна четверть от насчитывающихся в мире 140 миллионов мигрантов находится в США, из которых 30 миллионов имеют статус рожденных за рубежом резидентов, а одна треть - выходцы из Мексики, которая также является основным источником нелегальной миграции в США. Вопрос о регулировании потока мигрантов, выгодном обеим сторонам, является постоянным раздражителем в двусторонних отношениях. Адаптация американцев к постоянно расширяющемуся культурному и лингвистическому присутствию латиноамериканской общины является для США серьезной внутренней проблемой.

Если рассматривать глобализацию как естественное следствие всемирной технологической революции, а не как доктринальную дискуссию, она делает весьма актуальной проблему глобальной миграции. Приведенные в таблице данные показывают усиливающийся демографический дисбаланс между богатыми Европой и Америкой и более бедными Азией, Африкой и Латинской Америкой.

Доля совокупного населения Европы и Северной Америки в мире не только уменьшилась с 30% в 1900 году

214

Таблица 1

Изменение распределения мирового населения

(в миллионах)

	1		2		2		бсо- ЛЮТ
	900 г.	000 г.	бсо	020 г.	бсо-		
			ЛЮТ			ЛЮТ	

	ас- ле- ни- е	от все- го	асе- лен- ие	от все- го	ны й при- рос- т (19 00- 200 0 гг.)	асе- лен- ие	от все- го	ный при- рос- т (20 00- 202 0 гг.)
Ази- я	47	7	,67 2	1	,72 5	,58 2	0	10
Аф- рика	33		94	3	61	,23 1	6	37
Лат- инская Америка	4		19		45	64		45
Евр- опа	08	5	27	2	19	95		32*
Сев- ерная Америка	2		14		32	70		6
Вес- ь мир	,65 0		,05 6		,40 6	,57 9		,523

* С 1999 года в 18 европейских странах смертность превышает рождаемость, в России и на Украине соотношение этих показателей имеет наибольшее отрицательное значение (базовые данные предоставлены ООН, Департаментом народонаселения).

до 17% в 2000 году, но в следующие 20 лет она упадет до 14% от общего числа жителей Земли. Население Европы фактически сократится, в то время как население Азии вырастет на 910 миллионов. Одновременно население самых богатых стран мира будет стареть. Таким образом, иммиграция является экономической и политической необходимостью для более процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах «третьего мира».

Большая часть «третьего мира» становится огромным тлеющим фитилем, раздуваемым антизападной и антиамериканской враждебностью, и глобальные демографические процессы могут поджечь его. Существует огромная разница в доходах на душу населения между богатым Западом, который сокращается в размерах и стареет, и более бедными Востоком и Югом, которые растут и будут оставаться относительно молодыми. В то время как

215

годовой доход на душу населения в Северной Америке (выраженный через покупательную способность) значительно превышает 30 тыс. долларов, а в странах Евросоюза он колеблется от 17 до 30 тыс. долларов, в самых густонаселенных странах «третьего мира» он составляет: 875 долларов в Нигерии, 2100 долларов в Пакистане, 2450 долларов в Индии, 3100 долларов в Индонезии, 3900 долларов в Египте и 4400 долларов в Китае. В 2001 году в

15 странах Африки годовой доход на душу населения был меньше 1 тыс. долларов - это менее 3 долларов в день.

В глобальном контексте этого бросающегося в глаза неравенства население, больше всего страдающее от бедности, будет испытывать и наибольший демографический стресс. Страны с наиболее высокими темпами роста населения в следующие 50 лет будут находиться в экономически наименее выгодных, политически наименее стабильных и наиболее подверженных социальным взрывам условиях. Эта зона охватит Палестину, Персидский залив и самые неустойчивые районы Южной Азии²². Если эти государства не смогут удовлетворить политические чаяния и экономические потребности своего «разбухающего» населения, что вполне возможно, то антизападные силы, стремящиеся дестабилизировать эти режимы и имеющие международные амбиции, могут найти здесь много сторонников.

Тот факт, что к 2020 году население беднейших регионов будет состоять в основном из молодежи - контингента наиболее беспокойного в политическом и социальном плане, - еще больше усилит социальную напряженность. Ожидается, что к 2020 году население в возрасте до 30 лет составит, соответственно: в Азии - 47%, на Ближнем Востоке и в Северной Африке - 57%, в зоне к югу от Сахары - 70%. По сравнению с этими цифрами в Северной Америке этот контингент будет составлять 42% и в Европе - 31%. Молодежный «выступ» будет особенно заметен на Ближнем Востоке и в Северной Африке, что в силу близости к Евросоюзу будет создавать для него особую угрозу. Как отмечается в докладе ЦРУ за 2001 год, «беднейшие и в силу этого политически наименее

216

стабильные страны мира, включая среди прочих Афганистан, Пакистан, Колумбию, Ирак, сектор Газа и Йемен, к 2020 году будут иметь наибольшее молодежное население. В большинстве стран не будет условий для успешной интеграции этой молодежи в общество»²³. Бесправная и разгневанная молодежь, лишенная всякой надежды, будет самым яростным

оппонентом международного порядка, который Америка хочет установить.

Эта асимметрия становится особенно взрывоопасной из-за беспрецедентной осведомленности бедных благодаря СМИ, в первую очередь телевидения, о лучших условиях жизни у других. Более того, мировая беднота все более концентрируется в хаотически растущих мегатрущобах, которые весьма уязвимы для воздействия со стороны политических радикалов или религиозных фундаменталистов, подогреваемых ксенофобскими настроениями. Таким образом, Америка, Европа, некоторые богатые страны и, возможно в скором времени Япония становятся для обездоленных, с одной стороны, притягательным магнитом, а с другой - объектом ненависти.

На этом фоне миграция начинает менять социально-культурную структуру Западной Европы. В некоторых европейских странах, таких как Австрия, Германия и Бельгия, доля граждан иностранного происхождения ненамного отстает от Америки, за ними следуют Франция и Швеция. В результате во многих европейских государствах возникли очаги политической и социальной напряженности, а антииммигрантские движения стали набирать силу. И все же ни Западная Европа сегодня, ни Япония завтра не могут позволить себе остановить иммиграцию. Экономика этих стран все больше нуждается в импорте молодой рабочей силы, отчасти оттого, что процветание сделало тяжелый труд менее привлекательным для местных уроженцев, но особенно в силу феномена, который только недавно привлек внимание общества, - из-за прогрессирующего и ускоряющегося глобального старения²⁴. Феномен старения общества имеет далеко идущие последствия для экономической глобализации и мировой геополитики. В составе населения увеличивается доля ничего не производящего населения и иждивенцев, одно-

временно возрастает политическая власть этих граждан. Это общемировая тенденция, хотя в национальном разрезе она идет неравномерно в связи с различным уровнем рождаемости и смертности. По

данным Американского бюро переписи и статистике ООН, в 2000 году средний возраст жителя Америки составлял 35,5 года; Европы (включая страны, не входящие в Евросоюз, и Россию) -37,7 года; Японии - 41,2 года; Китая - 30 лет; Индии -23,7 года, но к 2050 году средний возраст жителя Америки уже составит 39,1 года; Европы - 49,5 лет; Японии -53,1 года; Китая - 43,8 года и Индии - 38 лет.

С прогрессирующим уменьшением доли населения, занятого в производстве, и ростом числа иждивенцев увеличение бюджетной нагрузки, вызванное растущими потребностями социального обеспечения и связанное с этим замедление темпов экономического роста, видимо, получат глобальное распространение. Во всех странах увеличится количество людей, чей возраст превышает 65 лет, но в богатых странах станет меньше людей моложе 30 лет. Положение станет усугубляться тем, что богатые страны будут вынуждены расширить приток молодых иммигрантов, в основном более образованных, а это, в свою очередь, обострит социальные проблемы более бедных и менее развитых стран. Они будут «нести потери» в наиболее продуктивных, образованных и инициативных сегментах трудоспособного населения. По имеющимся оценкам, в настоящее время в США, странах Евросоюза, Австралии и Японии работает около 1,5 миллиона квалифицированных мигрантов из слаборазвитых стран. За последнее десятилетие только Африка потеряла 200 тысяч так необходимых ей квалифицированных профессионалов и около 30 тысяч докторов наук²⁵.

Долгосрочный эффект старения населения будет иметь глобальный характер, но в первую очередь он проявится в более богатых и развитых странах, особенно в Европе и Японии. В настоящее время Италия, Испания и Япония являются самыми «старыми» странами в смысле соотношения престарелых к общему населению. Но феномен старения общества распространяется, и его эффект усиливается параллельным процессом депопуляции, в

результате которой к середине века население более чем 30 стран сократится. В таких странах, как Испания и Италия, оно, вероятно, сократится на 20%, ненамного от этого отстанет и Япония. Таким образом, для более богатых и «старых» стран эта проблема будет становиться все острее. В сочетании со значительным сокращением рождаемости это может сдвинуть соотношение социально зависимой старшей группы к опасной в финансовом плане черте, приведет в не слишком отдаленном будущем к резкому возрастанию общественного долга и даже к дефолтам²⁶.

Население США, наоборот, будет увеличиваться, хотя и более медленными темпами, особенно иммигрантское, с характерным для него более высоким уровнем рождаемости. (По имеющимся оценкам, иммигранты и рождающиеся у них дети составят, две трети ежегодного прироста населения США.) В результате Америка, видимо, окажется в более благоприятном положении по сравнению со своими основными союзниками и даже некоторыми развивающимися странами в плане доли нетрудоспособного населения и пополнения своих трудовых ресурсов²⁷.

Самой болезненной стороной этого процесса будет то, что ни Европа, ни Япония не смогут сохранить свой уровень жизни и социальные обязательства в отношении пожилых граждан без значительного притока «свежей крови», так называемой «миграции замещения», но и это решение будет только частичным. На самом деле представляется маловероятным, что указанные страны разрешат иммиграцию в таких масштабах, которые обеспечат хотя бы поддержание существующего соотношения между активным населением и иждивенцами. Число иммигрантов, которых этим странам пришлось бы принять, исчислялось бы многими миллионами²⁸.

Первоначально Евросоюз может облегчить демографическую проблему за счет простого расширения в восточном направлении. Процесс ассимиляции иммигрантов облегчается, если они имеют общее культурное наследие и на их пути нет правовых барьеров. Например, для Франции или Германии интеграция иммигрантов

из Польши будет проходить гораздо более быстро и социально приемлемо, чем выходцев из Северной Африки или Турции, не говоря уже о возрастающем числе мигрантов из Южной Азии. Но даже Восточная Европа (особенно Украина и Россия) будут затронуты процессами старения населения и депопуляции, что уменьшит численность людей, которые могли бы эмигрировать на Запад.

Присутствие в Европе выходцев из Северной Африки, Турции и Ближнего Востока будет неизбежно возрастать, а вместе с этим будут углубляться связанные с этим процессом социальные и культурные конфликты. Недавняя острая реакция в Голландии на прибывающих иностранцев была связана с представлениями о том, что 5% населения - иммигранты из мусульманских стран (главным образом марокканцы и турки), численность которых за последние 30 лет возросла в 10 раз - отвергают существующие в Голландии мораль и образ жизни. Подобная реакция имела место и в других европейских странах.

Сочетание миграционных процессов и старения населения может вызывать в более богатых, «старых» и постепенно теряющих свое население странах пересмотр традиционных концепций национального государства. Это болезненный, но неизбежный процесс, связанный с глобализацией. В настоящее время почти все более богатые страны мира (за исключением США, Канады и Австралии) имеют четко выраженный национальный облик. Ассимиляция предусматривает не только формальное принятие гражданства и четкую приверженность общему будущему, как это имеет место в случае с Америкой, но также подлинное принятие общего и часто мистического прошлого. В Америке иммигранты обычно начинают считать себя американцами еще до того, как получают гражданство. В Европе дело обстоит иначе даже во Франции, известной своей традицией языковой ассимиляции. Для достаточно изолированной и культурно уникальной Японии сама идея абсорбции миллионов мигрантов выглядит почти невыносимой. В этих

странах национальная история, язык, культурное и религиозное самосознание так тесно переплетены, что принятие национального прошлого имеет почти такое же важное значение для

220

полной ассимиляции, как и чувство общего национального будущего.

Возникающая головоломка влечет и другие последствия, причем некоторые из них имеют существенное геополитическое значение для Америки. В широком плане их можно разделить на три категории по последствиям старения населения и иммиграции: (1) на национальный характер стран «первого мира»; (2) на роль этих стран в сфере международной безопасности и, что самое важное, (3) на глобальный политический вес Америки.

Разница между Германией 1900 и Германией 2000 года была очень метко определена одним (неназванным) источником как разница между страной, в которой «больше половины населения моложе 25 лет и бедно», и страной, в которой «больше половины населения старше 50 лет и богато». Оставляя в стороне некоторые статистические преувеличения, это определение отражает сущность происшедших перемен в национальном характере немцев: переход от энергичного и эмоционально заряженного к более сонному и удобному [gemuetlich] существованию. Таким образом, национальный характер отражает, скорее, образ жизни, чем направленную на самоутверждение модель поведения; здесь обладание летним домиком в соседней стране является более важным, чем захват территории этой страны.

Такого рода жизненная позиция, олицетворяющая западноевропейский опыт, наводит на мысль, что Евросоюз не будет склонен трансформировать свое будущее политическое единство в способность использовать военную силу в глобальном масштабе. Более того, финансовые трудности, связанные с возрастанием доли экономически зависимого пожилого населения, могут усилить антимилитаристские настроения и затруднить получение согласия электората на любое увеличение военных расходов Европы. К тому же,

отрицательные демографические тенденции еще более сократят контингент лиц, пригодных к военной службе. Обе эти тенденции, по всей видимости, затруднят привлечение в армию добровольцев.

Вскоре у Евросоюза, а затем, возможно, и Соединенных Штатов не останется другого выбора, как возродить

221

практику комплектования вооруженных сил, которая имела место в период до образования национальных государств. Теперь, когда основанные на воинской повинности граждан армии (истоки которых восходят к временам Французской революции) заменяются специалистами военного дела с высокой технической подготовкой, высокоразвитым странам, по-видимому, придется все больше ориентироваться на вербовку добровольцев из числа мигрантов. Национальная гордость уже не является определяющим фактором боевого духа, и профессиональные армии богатых стран все в большей степени будут комплектоваться хорошо подготовленными наемниками из числа граждан «третьего мира», лояльность которых будет простирается не дальше их следующей зарплаты.

Некоторое время у Соединенных Штатов будет преимущество, заключающееся в том, что они в меньшей степени, чем другие страны, будут подвергаться действию «ножниц», вызывающих старение населения и резкое снижение рождаемости. Если существующие прогнозы оправдаются, то Америка сохранит прочную демографическую базу, позволяющую ей осуществлять глобальное лидерство в соответствии со своими представлениями о глобализации. Ее богатые партнеры, по всей видимости, сохранят внутреннюю стабильность, но будут нуждаться в американской защите в плане обеспечения глобальной безопасности. Эти же страны, с их не растущим или сокращающимся населением, будут все в большей степени испытывать нарастание этнической напряженности, вызванной расширяющимся использованием иностранной рабочей силы. Глобализация может потерять для них свою привлекательность. Однако большая часть

Азии, Ближнего Востока и Африки, а также отдельные регионы Латинской Америки будут испытывать возрастающее давление политических и экономических факторов демографической ситуации.

В этом контексте опыт американского общества, с его культурным разнообразием и обращенными в будущее традициями ассимиляции, может стать обнадеживающей моделью для тех, кто еще находится в плену менее гибких

222

национальных концепций. Более того, у Америки в силу ее относительной живучести будут неплохие возможности для выработки каких-то программ совместных действий глобального масштаба, направленных на смягчение неблагоприятных последствий неравномерно идущих демографических процессов. Точно так же как ВТО стала необходимой для придания глобализации разумной упорядоченности, может потребоваться какой-то инструмент для регулирования (и гуманизации) глобальных миграционных процессов (всемирная миграционная организация?), который поможет ввести некие общие стандарты взамен произвола и непоследовательности в обращении с мигрантами. Конечно, национальные государства будут неохотно уступать право контроля над доступом на их территорию. Со временем, однако, неравномерная демографическая динамика заставит их искать более приемлемые решения, чем могут быть приняты любой отдельной страной. ^~^

В конечном счете глобализация, отдающая предпочтение богатым и занимающаяся проблемой нищих мигрантов таким образом, что это приносит пользу только тем же привилегированным, будет глобализацией, которая оправдывает ее критиков, мобилизует ее противников и еще больше раскалывает мир. Только мир, который будет все больше проникаться общим социальным сознанием и становиться более открытым к передвижению, пусть даже регулируемому, - причем не только товаров и капиталов, но и людей, - сможет реализовать положительный потенциал глобализации.

¹ *Charles Doran. Globalization and Statecraft. SAISphere (Winter 2000); Paul H. Nitze. School of Advanced International Studies.*

² Взять, к примеру, широко распространенное исследование, подготовленное в начале 2001 года совместно ведущей международной консультативной компанией А.Т. Керни совместно с престижным журналом «Форин полней», посвященное международным отношениям и озаглавленное «Индекс глобализации», которое, как утверждается, представляет собой «полный путеводитель по глобализации в 50 развитых и ключевых складывающихся рынках». Сопровождавший публикацию пресс-релиз компании Керни провозгласил «одним из самых

223

драматических выводов» этого исследования, что в более глобализированных странах отмечается «большее равенство в доходах, чем в менее глобализированных странах». В доказательство этого тезиса приводятся примеры Польши, Израиля, Чешской Республики и Венгрии. Правда, нигде не отмечается, что в этих странах всегда были сильны традиции социального равенства. Точно так же утверждается, что «в наиболее глобализированных странах мира больше гражданских свобод и политических прав, как они ежегодно оцениваются организацией «Фридом хаус». В «Индексе» также утверждается, что во всех приведенных случаях (Нидерланды, Швеция, Швейцария и др.) демократия и законность глубоко укоренились и подразумеваемая причинная связь имела место, но с обратным знаком. «Индекс», между прочим, назвал Сингапур самой глобализированной страной мира, что, предположительно, должно было как-то отразиться на положении с правами человека в этой стране. В очередном издании того же исследования («Индекс глобализации» 2002 г.) снова утверждалось, что «самые глобальные страны мира обеспечивают большее равенство доходов, чем их менее глобальные партнеры... За некоторыми исключениями, страны с высоким значением «Индекса глобализации» обеспечивают большую степень политических свобод... Сравнение позиций нашего «Индекса» с

«Международным обзором прозрачности», касающимся предполагаемой коррупции, показывает, что чиновники в наиболее глобальных странах менее коррумпированы, чем их коллеги в странах с закрытой экономикой». Из чего следует, что глобализация способствует развитию равенства, политических свобод и порядочности.

¹ Лидеры профсоюзов часто ссылаются на то, что в 1979 году в производственной сфере был занят 21 миллион американцев, что составляло 30% от всех работающих; к 2001 году число занятых в производстве сократилось до 16 миллионов, хотя общая численность рабочей силы увеличилась на 15 миллионов человек.

⁴ Сами китайцы оспаривают плодотворное влияние глобализации. Подробный анализ в официальном печатном органе Коммунистической партии (Two Major Trends in Today's World // People's Daily. -2002. — 3 apr.) отмечает, что «глобализация привела к увеличению разрыва между бедным Югом и богатым Севером... в последние 30 лет, число наименее развитых стран увеличилось с 25 до 49, число жителей Земли, находящихся в условиях абсолютной нищеты, возросло за последние пять лет с 1 миллиарда до 1 миллиарда 200 миллионов человек».

⁵ Повестка встреч министров стран — членов ВТО составляется так называемым «квадратом», состоящим из Соединенных Штатов, Канады, Японии и Евросоюза, на долю которых приходится около 1/3, мировой торговли. Более того, вопрос доступа на американский рынок дает представителям США беспрецедентные возможности оказания влияния на позиции других государств. Президентом Всемирного банка является американец, поскольку это удобно, и США имеют здесь наибольший процент голосов. В МВФ для принятия важных решений требуется 85% голосов в поддержку предложения, а доля

224

голосов США составляет 17,11%, что дает, таким образом, США фактическое право вето. Неудивительно, что некоторые называют МВФ и

Всемирный банк «дочерними предприятиями Министерства финансов США»,

" Согласно заявлениям аппарата торгового представителя США, «решения комитета по спорным вопросам не могут заставить нас изменить наши законы... Америка оставляет за собой право выполнять или не выполнять рекомендации этого комитета». См.: America and the World Trade Organization. - http://www.ustr.gov/html/wto_usa.html.

⁷ Это иллюстрируется результатами первого ежегодного «Индекса приверженности развитию», сформулированными Центром глобального развития и журналом «Foreign Policy», который «ранжирует самые богатые страны по тому, насколько их политика помогает или мешает развитию бедных стран», основываясь на сочетании экономической помощи, торговли, инвестиций, внимания к вопросам охраны окружающей среды, открытости для миграции и вклада в миротворчество. Страны «большой семерки», на которые приходится ²/ мирового производства, в целом занимают в этом «Индексе» невысокое положение, причем Соединенные Штаты занимают 20-е, а Япония - 21-е место (Ranking the Rich // Foreign Policy. - 2003. - May-June).

⁸ В одном из самых злобных откликов на события 11 сентября 2001 г., связавших их с глобализацией, известный французский философ Жан Бодриар провозгласил в своем памфлете «L'Esprit du Terro-risme» (Париж, 2001), что «терроризм аморален... и он является ответом на столь же аморальную глобализацию», причем последняя вызывает чувство сопричастности к «большому торжеству по случаю разрушения мировой сверхдержавы, или, скорее, по случаю ее в каком-то смысле саморазрушения, восхитительного самоубийства». По его мнению, человечество в настоящее время переживает четвертую мировую войну, причем если первая была направлена против колониализма, вторая - против нацизма, третья - против «советизма», то нынешняя, четвертая — против глобализма. Этот памфлет широко тиражировался газетой «Le Monde» 3 ноября 2001 г., которая напеча-

тала его полностью на двух полосах.

⁹ *Bourdieu P. Uniting to Better Dominate // Conflicts over Civilization, Items & Issues, 2, No. 3-4. - Winter 2001. - P. 1-6.*

¹⁽¹⁾ *Alternatives to Economic Globalization: A Better World is Possible, ed. Cavanagh J. et al. (San Francisco: Berrett-Koehler. - 2002. - P. 18.*

" Этот аргумент очень убедительно использован Эми Чуа в статье «A World on the Edge» (The Wilson Quarterly (Autumn 2002), предваряющей выход в свет ее книги «A World on Fire: How Free Market Exporting Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability»). Несколько примеров, подтверждающих ее точку зрения: на Филиппинах китайское население, составляющее 1% от общего числа, контролирует 60% экономики (причем около 60% филиппинцев живут на 2 доллара в день); в Индонезии китайцы, составляющие 3% населения, владеют 70% экономики частного сектора (проблема антикитайских выступлений периодически обостряется); аналогичную роль китайцы играют

225

в других странах Юго-Восточной Азии и в Бирме. В Западной Африке ливанские эмигранты занимают господствующее положение в некоторых отраслях торговли. В 1994 году в Руанде большинство из племени хуту убило около 800 тысяч из меньшинства тутси, традиционно занимавшего монопольное положение в скотоводстве. В Восточной Африке доминирующее положение в сфере коммерции занимали индийцы, пока их оттуда не вытеснили. В Зимбабве до недавнего времени небольшое количество белых фермеров владело большей частью сельскохозяйственных угодий.

¹² *Vedrine H. Democracy has many hues // Le Monde Diplomatique. — 2000. — Dec. Сама газета «Le Monde» печатала многочисленные антиглобалистские статьи. Типичной была статья Игнацио Рамоне (The Other Axis of Evil // Le Monde Diplomatique. - 2002. - 15 mars, в которой автор утверждал, что «существует целая индустрия, направленная на то, чтобы убедить*

человечество, что глобализация принесет ему счастье-Вооруженные этой идеологией рыцари глобализации создали диктатуру, которая зависит от пассивного сообщничества тех, кого она поработывает». Эта тема получила дальнейшее развитие в книге того же автора «Propagandes Silencieuses» (Paris Galilee, 2000). Справедливости ради следует отметить, что некоторые французы выступают с критикой подобной национальной ограниченности и тяги к прошлому тех, кто выступает с критикой глобализации, видя в этом чрезмерно обостренное восприятие гегемонистских тенденций США и «ищут убежища в традиционных формах мышления, делают шаг вперед и два шага назад». См.: *MШегон J.-C. La France et la mondialisation // Commentaire. - No. 100. - Winter 2002-3. - P. 817.*

¹³ Связь глобализации с американским глобальным империализмом весьма энергично аргументируется российским историком Александром Волковым в примечательно озаглавленной статье: «Международный тоталитаризм: никогда доселе в истории условия не были так благоприятны для реализации идеи мирового господства одной державы, которая когда-либо возникала» (*Rossiyskaya Gazeta. - 2003. -30 Jan.*). Предвестником такого подхода явилось совместное заявление в начале 2001 года президентов России и Нигерии. Это была попытка сформулировать идейную платформу, которая связала бы интересы «третьего мира» (представленного группой примерно из 135 стран-членов ООН) с Россией, объединенных стремлением противодействовать американскому глобализму и проявлениям глобализации.

¹⁴ См. откровенную дискуссию в: *Актуальные вопросы глобализации. - МЭиМО. - 1999. - № 4. - С. 39-47.*

^b Этот подход подробно обоснован в: *Two Major Trends in Today's World // People's Daily. - 2002. - 3 apr.*, где утверждается, что глобализация политически антидемократична и экономически дискриминационна.

¹⁶ «Китай, на который восторженные управленцы когда-то смотрели как на бездонный рынок, вместо этого быстро становится мировой

мастерской... Одно из последствий превращения Китая в производственного гиганта: он быстро становится ведущим мировым

226

дефляционным фактором. Производственный потенциал Китая приводит к снижению цен на постоянно расширяющийся круг промышленных, потребительских и даже сельскохозяйственных товаров, которые он продает по всему миру». Более того, в отличие от молодых промышленно развитых государств, Китай «не отказывается от производства дешевой продукции: игрушек, текстиля, одновременно расширяя свои позиции в высокоприбыльной и высокотехнологичной сфере». И последнее по порядку, но не по значению: «Влияние Китая на мировые цены и мировую стратегию, очевидно, будет возрастать. Вступление Китая в ВТО приводит к появлению весьма экономичных и остроконкурентных частных компаний, которые устремляют свои взоры за границу с целью облегчить ценовой пресс внутри страны». См.: *Leggett K. Burying the Competition // Far Eastern Economic Review. -2002. — 17 Oct.* Сами китайцы начали задумываться над своей возможностью стать «мировой фабрикой». Директор Национального экономического исследовательского института Фэнь Гань в статье «China Must Fight to Strengthen Its Manufacturing Industry Even As It Pursues High-Tech Industries, Services» (принадлежащая КНР газета «Ta Kung Pao». - Hong Kong, 2002. - 15 Nov.) пишет, что, «если он хорошо использует свою силу, то есть людские ресурсы, в виде огромной рабочей силы, состоящей из крестьян, мы считаем, что в предстоящие одно-два десятилетия Китай сможет стать глобальной производственной базой».

¹⁷ Глобальный обзор точек зрения («The Pew Global Attitudes»), проведенный исследовательским центром «The Pew Research Center» в 44 странах и опубликованный в конце 2002 года, выявил, что «большинство опрошенных в обследованных странах выражают недовольство американской односторонностью». Более того, в целом имидж Америки ухудшился, в некоторых случаях довольно значительно. Основные

исключения: Нигерия (положительный прирост 31%) и Россия (24%), что заставляет предположить, что на опрошенных сильно повлияло состояние официальных отношений между правительствами этих стран и США. Обзор также выявил, что «американское общественное мнение резко расходится с мировым в оценке роли США в мире и глобальных результатов действий США».

¹⁸ Согласно опросам, проведенным для Всемирного экономического форума компанией «Enviro-nics International Ltd.» в 24 странах в период между октябрём и декабрём 2001 года, соотношение между теми, кто считал, что антиглобалисты действуют в их интересах против тех, кто был с этим не согласен, составило, соответственно: в Турции - 73 и 8%, в Индии - 60 и 34%, во Франции - 54 и 35%, в Италии - 41 и 49%, в США - 39 и 52%, в Южной Корее - 35 и 65%, в Японии - 24 и 50%.

^{iv} Критики вопрошают: «Можно ли позволить узкой правящей элите, тайно заседающей вне поля зрения общественности, устанавливать правила, определяющие будущее людей?.. Главным свойством жизнеспособной демократии является отчетность... Так не может быть, когда управленческие решения принимаются в иностранных

227

корпорациях, директора которых живут за тысячи миль и, более того, перед которыми стоит задача обеспечения максимальной прибыли акционеров». См.: *Alternatives in Economic Globalization: A Better World is Possible* / Ed. John Cavanagh et al. - San Francisco: Berrett-Koehler, 2002. - P. 4, 57.

-° Это, например, может означать создание более действенной системы поощрений, которая побуждала бы американские фармацевтические компании поставлять свои лекарства дешевле туда, где в этом есть потребность, или создание более эффективной системы перераспределения продовольствия так, чтобы направить излишки западного продовольствия в страны, испытывающие в нем наибольшую необходимость, и в то же время

осуществлять дополнительные инвестиции с целью создания и развития их собственной производственной базы. Кроме того, это может включать такие менее бросающиеся в глаза меры, как создание неких структурных буферных звеньев в основных международных учреждениях, особенно в финансовых, например в МВФ, которые создавали бы определенный зазор между процессом принятия решений и точками приложения неофициального давления со стороны США, изолируя таким образом эти учреждения от чрезмерного влияния американских внутривластных интересов и позволяя им более последовательно действовать в направлениях, приносящих глобальную пользу.

²¹ *Nader R.* in preface to *Wallach L. and Sfoza M.* *Whose Trade Organization? Corporate Globalization and the Erosion of Democracy.* - Washington DC: Public Citizen Foundation, 1999. - P. x.

²² К регионам, в которых ожидается наибольший прирост населения к 2025 и 2050 годам, относятся: Йемен, оккупированные палестинские территории, Оман, Афганистан, Саудовская Аравия, Бутан, Пакистан, Иордания, Ирак и Камбоджа. См.: United Nations, Population Division, Department of Economic and Social Affairs // *World Population Prospects: 2000 Revision.* - 2001. - Febr.

²³ Central Intelligence Agency // *Long Term Demographic Trends: Reshaping the Political Landscape.* - 2001. - July. - P. 36.

²⁴ Поистине первопроходческое исследование в области возникающей реальности последствий глобального старения было проведено группой исследователей Центра стратегических и международных исследований (ЦСМИ) во главе с доктором Полом Хьюиттом. Аннотацию работы см. в отчете ЦСМИ («Meeting the Challenge of Global Aging». - 2002. - March), на котором основывается вышеприведенная дискуссия.

²⁵ *Growing Global Migration and Its Implications for the United States* // Central Intelligence Agency. - 2001. - 23 March. Некоторой компенсацией этих потерь служит то, что часть заработка этих людей возвращается в их страны

и помогает экономике.

²⁶ По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития, соотношение доли работающего населения к тем, кто старше 65 лет, составляющее в 2000 году в странах Евросоюза и в Японии 5:1, к 2015 году уменьшится до 3:1.

228

²⁷ В 1950 году США вместе с четырьмя другими развитыми странами занимали 4-е место среди 12 стран мира с наибольшей численностью населения, в 2000 году США вместе с тремя другими развитыми странами уже занимали 3-е место в той же группе. К 2050 году они все еще могут быть на 3-м месте, но остальные места в первой группе уже не будут занимать развитые страны.

²⁸ Существующие оценки потребностей имеют широкий разброс. Согласно вышеупомянутому докладу ЦРУ от марта 2001 года, Японии для поддержания нынешнего соотношения работающих и иждивенцев придется в течение нескольких лет подряд принимать ежегодно по 3,2 миллиона мигрантов, а, по оценке журнала «Economist» (2002. -31 Oct.), только для поддержания численности трудоспособного населения на нынешнем уровне Японии потребуется 5 миллионов мигрантов в год, Германии — 6 миллионов и Италии — 6,5 миллионов, что, очевидно, является совершенно неосуществимым. Но в более осторожном анализе Кеннета Превитта (Demography, Diversity, and Democracy // The Brookings Review. - 2002. - Winter. - P. 6) делается вывод, что «для поддержания стабильного уровня трудоспособного населения Италии... потребуется ежегодно 370 тысяч новых мигрантов, а Германии чуть меньше полумиллиона».

Дилеммы гегемонистской демократии

Сегодня Америка - это одновременно и ведущая мировая держава, и демократическое государство. Такое уникальное сочетание позволяет задаться вопросом: как сочетается экспорт американской массовой демократии с ее квазиимперской ответственностью; может ли американская

демократическая система правления стать ориентиром для меняющегося мира, который сегодня намного сложнее, чем это имело место в период биполярного противостояния; и насколько внутренняя американская демократия совместима с ролью державы-гегемона, как бы тщательно это ни маскировалось демократической риторикой.

Гегемония может защищать и даже развивать демократию, но она также может стать и угрозой для нее. Американская мощь сыграла решающую роль в нанесении поражения Советскому Союзу и остается определяющим фактором в плане как обеспечения национальной безопасности США, так и поддержания стабильности в мире. Гегемонистская держава может способствовать распространению демократии за рубежом, если только это делается при уважении прав и чаяний других и не дискредитируется лицемерным и демагогическим использованием демократических лозунгов. Однако гегемония может создать угрозу демократии в своей собственной стране, если она в своих претензиях, определяемых новой уязвимостью, перейдет границу, отделяющую разумные требования национальной безопасности от фантазмагорий, порожденных возникшими в обществе паническими настроениями.

В конечном счете именно сбалансированное сочетание американской демократии и американской гегемонии

229

230

дает человечеству наилучший шанс избежать изнурительной глобальной борьбы. Признание того факта, что демократия является основным компонентом американского мирового господства, позволяет поставить несколько вопросов. Каково политическое значение совершенно очевидной глобальной привлекательности американской массовой культуры? Какое влияние оказывает происходящий процесс преобразования США в мультикультурное общество на целостность американского стратегического видения? Какой риск для американской внутренней демократии несет

осуществление внешней гегемонистской роли Америки?

Америка и глобальный культурный соблазн

Термин «культурная революция» возник на фоне большой-человеческой[^]Трагедии, вызванной чудовищным политическим преступлением: жестокой попыткой Мао Цзэдуна перевернуть политические структуры коммунистического Китая с целью возрождения жизненных сил коммунистической революции, которые, по его представлениям, пошли на убыль. Взбудоражив молодежь и направив ее против правящей элиты и ее образа жизни, против исторических и культурных традиций самого Китая, стареющий диктатор надеялся разжечь пожар перманентной революции.

Социальное влияние Америки на мир в чем-то сродни феномену «культурной революции», но оно более привлекательно и не связано с насилием, а оказываемое им воздействие более стойко в плане долгосрочных интересов и в силу этого обладает большим преобразующим потенциалом. Вдохновляемая Америкой глобальная культурная революция не преследует политических целей и не строится на демагогии, но она изменяет социальную мораль, культурные ценности, личные вкусы, сексуальное поведение и материальные запросы молодого населения почти всего мира. Это молодое поколение, особенно его городская часть, все в большей степени характеризуется унификацией интересов, способов развлечений и

231

приобретательских инстинктов. Материальные возможности, доступные 2,7 миллиарда молодых людей в возрасте от 10 до 34 лет, существенно различаются от одной страны к другой, отражая неравномерность уровня жизни. Но существует весьма примечательное единство вкусов в отношении модных компактных дисков, американских фильмов и телевизионных сериалов, магнетической привлекательности рок-музыки, распространения цифровых игр, во всеобщем проникновении джинсов и влиянии на местные традиции американской массовой культуры. В результате может произойти смешение местных особенностей с

универсальными культурными ценностями, а связь последних с Америкой является вполне очевидной.

В основе необычайной привлекательности американской массовой культуры лежит американская демократия, придающая особое значение социальному эгалитаризму, сочетающемуся с неограниченными возможностями для самореализации и личного обогащения. Стремление к личному богатству - сильнейший социальный импульс в американской жизни и основа американского мифа. Однако наряду с ним существует и истинная эгалитарная этика, превозносящая индивидуума как главную единицу общества, поощряющая индивидуальное творчество и конструктивное соперничество. Она предоставляет каждому равные возможности для личного успеха или (о чем чаще всего предпочитают умалчивать) для поражения. Число неудачников неизбежно превышает число добившихся успеха, но именно последних пропаганда популяризирует, фокусируя индивидуальные мечты многих миллионов на заманчивой Америке.

Движимая этой притягательной силой Америка стала «внеплановым» и политически неуправляемым средством культурного соблазна, который просачивается, захватывает, меняет поведение и, в конечном счете, духовную жизнь все более значительной части человечества. Буквально ни один континент, ни одна страна (за исключением, может быть, Северной Кореи) не защищены от непреодолимого проникновения многопланового и мощного воздействия этого образа жизни.

232

Даже на пике «холодной войны», когда советская система все еще находилась в тисках сталинизма, иностранцам было ясно, что «железный занавес» не может оградить советскую молодежь от «пагубного» и «разлагающего» западного (и особенно американского) влияния. КГБ было легче изолировать советскую интеллигенцию от иностранной доктринальной «заразы», чем заставить комсомольцев не носить джинсы или отбить вкус к джазу и помешать им расспрашивать иностранцев о последних увлечениях

американцев. А когда Советы ослабили контроль, подражание всему запрещенному, иностранному стало массовым явлением.

Сегодня в условиях распространения глобальной связи и отсутствия убедительной альтернативной идеологии осуществлять идеологический контроль стало гораздо труднее. Сейчас массовой культуре могут сопротивляться только страны с глубоко традиционной культурой, большинство населения которых проживает в сельских общинах. Фактически единственным эффективным способом противодействия новым культурным соблазнам является историческая отсталость и самоизоляция. В остальном даже такие гордящиеся своей культурой и национальными традициями страны, как Франция¹ или Япония, не могут изолировать себя или отвлечь свою молодежь от заманчивых новых увлечений и всяких модных «штучек», которые в конечном счете, даже если не всегда явно, несут на себе клеймо «Сделано в США». Это притяжение стало частью виртуальной реальности, смутно ассоциируемой с Америкой, одновременно близкой и далекой.

Подобная ситуация не является результатом какого-то политического замысла. Она - динамичный продукт открытой, предприимчивой и высококонкурентной американской демократической системы. В этой системе гарантией успеха почти в любой сфере является новаторство, включая те сферы деятельности, которые в совокупности создают массовую культуру. В результате мы имеем глобальное доминирование США в области кино, популярной музыки, Интернете, узнаваемости брендов, массовых гастрономических привычках, в языке, в сфере высшего образования и менеджменте, короче говоря,

233

в том, что ученые называют «мягкой властью» американской гегемонии.

Исторически беспрецедентный масштаб американского культурного превосходства не имеет себе равных. Не видно соперников и на горизонте. Наоборот, американское культурное доминирование только усиливается по

мере того, как мир урбанизируется, усиливаются глобальные связи человечества и более отсталые районы сокращаются в размерах. Это так же справедливо в отношении Лагоса, как и Шанхая.

По-видимому, самое явное и осязаемое глобальное воздействие американская массовая культура оказывает через фильмы и телевизионные сериалы. Голливуд стал не только глобальным символом промышленности, которая в XX веке превратилась в самый важный источник развлечений (так же, как и культурного влияния); фильмы американского производства наиболее популярны в прокате и дают наибольшую финансовую отдачу. Американские фильмы приносят до 80% от всего сбора мирового кинематографа. Даже во Франции американские фильмы составляют от 30 до 40% проката и дают до 60% кассового сбора. В Китае первоначальный импорт ограниченного количества голливудских фильмов обернулся таким мгновенным кассовым успехом, что заставил правительство отказаться от попыток собственного производства «политически корректных», а по сути пропагандистских фильмов. То же самое можно сказать о влиянии американских телевизионных сериалов, некоторые из них («Даллас» и «Пляж») уже дали сотням миллионов зрителей по всему миру представление об американском образе жизни (идеализированное и искаженное).

Для молодежи новая популярная музыка служит захватывающей средой для погружения и самовыражения. Большая часть ее происходит из Соединенных Штатов. Согласно еженедельным рейтингам, проводимым музыкальной индустрией в январе 2003 года, даже в Индии 9 из 20 самых популярных дисков были американскими; аналогичная или более высокая статистика отмечается в других странах. В дополнение к этому телевизионные программы MTV с ее 33 каналами всемирного вещания,

234

VH1 (музыкальные программы, ориентированные на чуть более старшее поколение) и детские программы «Nickelodeon» собирают около 1 миллиарда слушателей в 164 странах. Так же как в кино и на телевидении,

новая музыка связана с почитанием кумиров и конкретных суперзвезд, активным интересом к их личной жизни, намеренно превращаемой в сенсации популярными журналами, которые нередко издаются на средства самой этой индустрии.

Интернет также вносит свою лепту в виртуальное и непосредственное отождествление мира с Америкой. Учитывая, что примерно 70% всех сайтов «всемирной паутины» находятся в Америке, а английский язык является самым распространенным для общения в Интернете как в деловом, так и в развлекательном плане (96% всех коммерческих сайтов исполнены на английском языке), эта постоянно расширяющаяся мировая аудитория находится под сильным влиянием Америки. Будучи сам по себе культурно «нейтральным», Интернет обеспечивает быструю, прямую и неформальную связь, ускоряет коммерческий процесс, затрудняет политический контроль за движением информации и в целом создает более тесную глобальную информационную среду, в которой гораздо труднее как-то ограничить распространение американской массовой культуры.

Американское культурное влияние распространяется даже на сферу питания, где основной акцент делается на удобство приготовления пищи. Представления о том, что быстрое поглощение пищи может быть экономически оправдано, относительно эстетично и общедоступно, лежат в основе индустрии «фаст-фуд», возникшей в Америке, но быстро распространяющейся по миру и даже вызывающей подражание некоторых местных предпринимателей. «Быстрое питание» оставляет больше времени для работы; аккуратно упакованные продукты привлекают многих любителей, а их относительная дешевизна -массового потребителя, главным образом трудящееся население городов и молодое поколение. В 1950-х годах антиамериканским лозунгом европейских левых была «кокаколонизация», спустя полвека торговый знак

часто - хорошо это или плохо - ассоциируется с звездно-полосатым американским флагом.

В более общем плане динамизм и новаторство американского бизнеса серьезно повлияли на постоянно растущее мировое сообщество потребителей. В ходе одного из типичных международных опросов, проведенных журналом «Бизнес уик» осенью 2002 года, респондентов попросили идентифицировать различные брэнды. Восемь из десяти самых узнаваемых в мире брэндов, в том числе вошедших в первую пятерку, оказались американскими. Заслуживает внимания то, что четыре из восьми самых известных американских брэндов были прямо связаны с продуктами, определяющими стиль жизни («Кока-кола», занявшая первое место, «Дисней», «Макдональдс» и «Мальборо»), в то время как остальные наиболее узнаваемые американские брэнды имели связь с технологическими инновациями («Майкрософт», «Ай-Би-Эм», «Дженерал электрик» и «Интел»).

Даже стиль мировой политики меняется под влиянием Америки. В какой-то мере подражание американскому политическому стилю отражает общее укрепление позиций демократии после победы над тоталитаризмом. Однако это в такой же мере результат массового американского маркетинга, экспорта за рубеж американских технологий рекламы в средствах массовой информации (включая агрессивную политическую платную рекламу) и системы манипуляции обликом политических деятелей. Растущая популярность среди политиков практики использования уменьшительных имен (Джимми вместо Джеймс, Билл вместо Уильям) отражает влияние продуманной неформальности американской массовой культуры. ,

Всемирное культурное обольщение облегчается быстрым распространением английского языка как средства международного общения. Среди тех, кто занимается обучением молодого поколения, английский все чаще рассматривается не просто как иностранный язык, а как базовый навык, что-то сродни арифметике. Английский является рабочим

языком международных воздушных сообщений и путешествий в целом; он также все больше

236

становится официальным внутренним языком большинства активных в международной сфере (не обязательно расположенных в США) корпораций. Следует также отметить, что используемая разговорная версия не является, строго говоря, английским языком, она все больше приобретает черты его американского варианта. Американский диалект получает глобальное распространение, причем чисто американские слова и выражения часто проникают в национальные языки и, как утверждают пуристы, калечат их.

В этих условиях неудивительно, что социально привилегированные и амбициозные представители молодого поколения во всем мире стремятся поступить в американские университеты. Наиболее престижные американские вузы являются мировой академической Меккой, а дипломы этих учебных заведений дают их обладателям высокий статус. И даже обучение в среднем американском колледже открывает перед выпускником большие личные возможности. Многие иностранные студенты, приезжающие на учебу в США с намерением возвратиться в свою страну, соблазняются более заманчивыми профессиональными перспективами и более высокими заработками, что идет только на пользу Америке.

Рост количества иностранных студентов в США огромен. В 1954/55 учебном году общее число иностранных студентов в американских колледжах составляло 34 232 (1,4% от общего числа студентов)². В 1964/65 году - 82 045 (1,5%); в 1974/75 году - 154 580 (1,5%); в 1984/85 году - 343 113 (2,7%); в 1994/95 году - 452 653 (3,3%); и к 2001/02 году эта цифра выросла до 582 996 человек (4,3%). Наибольшее число студентов было из Индии и Китая, в 2001/02 году примерно по 60 тысяч из каждой страны. На долю Западной Европы и Японии приходилось около 130 тысяч человек. Это наглядно свидетельствует, что Америка стала основным центром подготовки будущих лидеров для стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской

Америки.

За рубежом это соприкосновение с американской массовой культурой, иногда личное, но чаще виртуальное, оказывает поистине революционное воздействие. Оно раскрепощает личность, опрокидывает существующие обычаи,

237

вызывает - чаще всего неосуществимые - социальные амбиции и подрывает основы существующего порядка. Оно также сглаживает культурные различия, но это вопрос личного выбора: массовая культура распространяется не за счет навязывания, а за счет подражания - свидетельство того, что массам нравится эта благотворная культурная революция. Если в политическом плане она дестабилизирует сложившийся социальный уклад, то это связано с тем, что приходящие из Америки ценности представляются более привлекательными по сравнению с существующими на местном уровне. Эстеты могут осуждать массовую культуру, но их вкусы не передаются другим. Америку как источник культурного соблазна нельзя остановить политическим указом.

По оценке одного проницательного европейского наблюдателя, «первая в истории мировая цивилизация несет на себе клеймо «Сделано в США», и чтобы путешествовать, ей не нужно иметь оружие»*. Однако каковы могут быть политические последствия? Способствует ли это реализации политической мощи Америки? Что вызывает более интимное знакомство человечества с Америкой — симпатии или антагонизм? У цитировавшегося европейского наблюдателя сомнений на этот счет нет: «Искушение хуже навязывания. Оно заставляет человека чувствовать свою слабость и ненавидеть искусителя с мягкой хваткой так же, как и самого себя»³. Но реальность еще более двусмысленна.

Знакомство мира с Америкой определяется комплексным взаимодействием американского культурного проникновения и глобального роста ее мощи. Точно так же, как привлекательность американской культуры

искушает зарубежные общества, так и американская политика оказывает глубокое воздействие на внешнюю политику других стран. Виртуальное взаимодействие мира с Америкой и его реакция на этот опыт зависят от динамического сочетания двух указанных факторов.

* Здесь пронизательный европейский наблюдатель тонко намекает на девиз американских авантюристов-первопроходцев: «Have a gun, will travel» (англ. - «имею оружие, готов путешествовать»). - *Прим. пер.*)

238

Проводимые в мире опросы общественного мнения показывают, что виртуальное знакомство вызывает симпатии в отношении основных аспектов американского образа жизни, даже если оно и усиливает недовольство политикой США. Вообще, подобные опросы отражают некую мгновенную реакцию опрашиваемых людей на меняющиеся обстоятельства, и в силу этого их результаты непостоянны, но все-таки некоторые типовые модели просматриваются. Анализ результатов нескольких опросов⁴ показывает, что подавляющее большинство жителей многих стран, включая даже Францию, Китай и Японию (здесь в основном исключениями являются Россия, Ближний Восток и в меньшей степени Пакистан, Индия и Бангладеш), положительно относится к американской массовой культуре. Однако в то же время распространение американских «обычаев» в- большинстве стран рассматривается преимущественно как негативное явление (даже 50% жителей Великобритании относятся к этому критически). Единственным серьезным исключением является Япония, которая резко отрицательно реагирует на американскую внешнюю политику, в отличие от американской культуры. При этом часто делаются ссылки на произраильский акцент в американской внешней политике, проводимой в ущерб палестинцам, а также на равнодушие Америки к интересам других стран. Значительная часть населения многих стран считает, что Соединенные Штаты на самом деле увеличивают разрыв между богатыми и бедными странами.

Таким образом, культурное воздействие виртуального знакомства с

Америкой вступает в противоречие с политическим. Главным результатом привлекательности американской культуры является то, что от Америки ждут большего, чем от всех других государств. В принципе, действия «в национальных интересах» считаются нормой международного поведения, но к Америке предъявляются более высокие требования. По результатам международных опросов, те, кто выражал недовольство состоянием дел в собственной стране, были склонны более критически относиться к Америке, подтверждая тем самым предположение, что они ожидают от Америки большего и

239

считают ее ответственной за все беды мира. Это отчасти может объясняться самодовольной риторикой американских политических лидеров с их частыми ссылками на идеалы и религиозные принципы. Опросы мирового общественного мнения свидетельствуют, что в этом, по сути, есть некий двусмысленный комплимент Америке со стороны тех, кто действительно многого ждет от нее и недоволен тем, что она не оправдывает этих надежд, когда дело касается реальной политики. Антиамериканизм несет в себе некоторые черты разочарования.

Таким образом, Америку одновременно любят и ненавидят. Определенную роль играет и чувство зависти, но это не единственная причина неприязни. Эти чувства обусловлены ощущением того, что глобальная роль Америки задевает интересы каждого и особенно тех, кто в силу своего виртуального опыта стал неким продолжением Америки. Они являются пленниками и чаще даже активными участниками американской массовой культуры, но в то же время у них остается ощущение, что их голос не слышат те, кто принимает решения. Исторический (американский) лозунг: «Нет налогообложения без представительства интересов» (No taxation without representation) получает свой глобальный эквивалент: «Нет американизации без представительства интересов».

Глобальная американизация способствует появлению ее собственного

антитезиса, но не как массового, а как элитарного феномена. Намеренное отрицание американского образа жизни распространено главным образом в среде интеллигенции, которая осуждает культурную гомогенизацию и девальвацию традиционных ценностей, связывая эти процессы с распространением американской массовой культуры. Однако отсутствие привлекательной альтернативной массовой культуры заставляет эти элиты в поисках культурной контридентификации или обращаться к местным традициям, или вставать на позиции общего отрицания глобализации. В случаях, когда американская политика становится особенно одиозной, именно сторонники культурной контридентификации склонны брать на себя политическое руководство,

240

вызывая всеобщее недовольство масс неспособностью Америки оправдать популистские надежды.

Дилемма американской внешней политики состоит в том, что инициированные США культурные перемены вступают в конфликт с традиционной стабильностью. Эти перемены несут мощный потенциал демократии и эгалитаризма, но сам акцент на переменах как неприменимом условии индивидуального и коллективного успеха является по своей динамике революционным. Во многих частях мира кумулятивный эффект американской массовой культуры приводит к политической дестабилизации, даже если внешняя политика США направлена на достижение стабильности. Стоит отметить, однако, что США всегда выступают за мирные (и, следовательно, стабильные) перемены, но во многих частях мира перемены обязательно связаны с беспорядками. Последствия этого могут иметь негативное значение для важных стратегических интересов США. ~^

Более того, зачарованность мира Америкой не оставляет места для нейтралитета или безразличия. В отличие от Британской империи, которой все тихо завидовали, но откровенно враждебно к ней относились только соперники, Америка вызывает такие же чувства - как непосредственно, так и

виртуально — у элит и широкой общественности всего мира. Ею могут восхищаться и возмущаться повсеместно, но интенсивность этих чувств пропорциональна степени ее присутствия.

Провоцируя политическую нестабильность и одновременно неизбежно приковывая к себе мировое внимание, глобальная культурная привлекательность США ограничивает поле для маневра внешнеполитического эшелона и возможности проведения политики исходя из узкого понимания национальных интересов Соединенных Штатов. Америка находится в эпицентре культурного водоворота, созданного ею самой, и ее безопасность зависит от того, сможет ли она успокоить эту бурю. Америка может извлечь политическую выгоду из своего распространяющегося по всему миру культурного влияния только в том случае, если она будет придавать больше значения растущему пониманию общности глобальных интересов.

241

Множественность культур и стратегическая сплоченность

Стратегическая сплоченность общества является необходимым условием для эффективного проведения внешней политики любого демократического государства. Диктатура может проводить внешнюю политику на основе сплоченности элиты и твердого личного руководства в высшем эшелоне. Демократия, однако, должна выработать консенсус не только в направлении сверху вниз, но и давать общее, принципиальное, почти на уровне инстинкта представление о национальных интересах электорату, который не особенно склонен следить за тонкостями и сложностями происходящих в мире событий. Восприятие электората отражает его прочно укоренившиеся инстинкты, общие симпатии и антипатии и, в случае Америки, весьма примечательный опыт ориентированной в будущее ассимиляции. Эта основополагающая стратегическая сплоченность по большей части находится как бы в состоянии спячки, но ее можно активизировать и даже манипулировать ею в периоды кризиса.

Трудно сказать, удастся ли сохранять эту стратегическую сплоченность по мере того, как утверждающаяся в глобальном масштабе и искушающая всех Америка превратится в мультикультурное общество, в котором самоидентификация граждан будет напрямую связана с их этническим происхождением, а внешнеполитические проблемы, относящиеся к их конкретной самоидентификации, приобретут больший вес. В этих условиях определение национальных интересов и осуществление глобального лидерства может сильно осложниться. Грядущий парадокс заключается в том, что по мере того как Америка все в большей степени превращается в альтернативный дом для каждого (реальный или виртуальный), проведение внешней политики может стать все более затруднительным, поскольку она начнет испытывать на себе влияние специфических этнических интересов. Если это действительно произойдет, то, несмотря на всемирную популярность Америки, ее внешняя политика не сможет

242

последовательно отражать интересы всеобщего блага на глобальном уровне.

Трансформация американской национальной сути на протяжении прошедших двух столетий следовала определенной траектории: от единства к разнообразию в единстве и снова к разнообразию. По данным первой переписи населения в Америке, проведенной в 1790 году, преобладающее белое население составляло 80% от общей численности (остальную часть составляли африканские рабы и «туземные» американцы - все лишенные гражданских прав), а сегмент белых на 87% состоял из англосаксов и на 13% из немцев. Таким образом, Америка была типичным национальным государством, социально сплоченным историческими и языковыми связями, а также самопровозглашенным первопроходчеством и надеждой на реализацию огромных возможностей завтрашнего дня.

Но даже тогда ее лидеры - вполне оправданно - заботились о том, что «каждый гражданин должен гордиться тем, что он американец, и действовать

исходя из понимания важности этого свойства и сознания того, что теперь мы являемся самостоятельной нацией, достоинство которой будет унижено или даже вообще уничтожено, если мы будем выступать под знаменами каких-то других стран... Мы должны быть настороже в отношении интриг со стороны любых других зарубежных государств, которые будут пытаться вмешиваться (тайно или открыто) в наши внутренние дела»⁵. То, что Джордж Вашингтон намеревался использовать эти слова в своем прощальном обращении (в конечном счете он этого не сделал), наводит на мысль: он остро ощущал, что некоторые отцы-основатели не только сохраняли связи с зарубежными странами, но в какой-то мере были благорасположены к иностранному влиянию.

Большую часть следующего века молодая Америка, оставаясь в основном однородной нацией, состоявшей из белых англосаксонских протестантов (WASP), приобретала и расширяла свою территорию, защищенная от серьезного внешнего вмешательства двумя океанами. В политическом и культурном плане тон задавала самонадеянная элита с ярко выраженным чувством своей идентичности.

243

Следует отметить, что внутренняя структура нации существенно изменялась, хотя внешне это было не очень заметно. К 1850 году католики (главным образом из Ирландии) стали самой крупной христианской общиной. В конце века в их ряды влилось значительное количество итальянских иммигрантов, а в начале следующего - растущее число поляков. Пришедшая одновременно волна немцев, евреев, представителей Скандинавских стран и православных христиан в целом «разбавляла» этническую и религиозную однородность ранней Америки, преобразуя ее в некий трансевропейский сплав с социальной элитой, сохранявшей прежний налет белого англосаксонского протестантизма. В соответствии с теорией так называемого «плавильного тигля», чтобы стать настоящим американцем, лучше всего было сменить имя и влиться в ряды белых англосаксонских

протестантов.

И только в XX веке этот «налет» поистерся, состав элиты стал отражать новое этническое многообразие, и давние табу были преодолены. Первая попытка в 1928 году избрать президентом США католика провалилась в силу явной предубежденности, но вторая - в 1960 году - увенчалась успехом. В 1930-е годы евреи уже входили в состав президентского кабинета, но первоначально они стремились не акцентировать свое еврейское происхождение⁶. Однако во второй половине XX века фактическое социальное признание нового разнообразия Америки отразилось в назначении в конце 1960-х годов еврейского беженца немецкого происхождения на пост советника президента по национальной безопасности, а затем - госсекретаря, за которым в середине 1970-х годов последовало назначение нового советника по национальной безопасности, американца польского происхождения (с труднопроизносимым не англосаксонским именем)*. Еще спустя два десятилетия конец постыдного отстранения афроамериканцев от полноценного участия в американской жизни - запоздало инициированный революцией в сфере гражданских прав 1960-х годов - был ознаменован еще более

* Добавим, что последний, к тому же, родился еще в Советском Союзе, в г. Харькове, правда, в семье польского дипломата. - *Прим. пер.*

244

драматическим назначением двух афроамериканцев на посты, соответственно, госсекретаря и советника по национальной безопасности президента США.

Новое американское разнообразие в единстве все еще оставалось по своему происхождению трансъевропейским. Примерно с середины XIX по середину XX века подавляющее большинство иммигрантов прибывало в Америку из Европы. Их относительная доля сокращалась медленно: в начале указанного периода соотношение было 9 из 10, а примерно к 1950 году оно стало 3 из 4. Две мировые войны по-разному отразились на отдельных

европейских компонентах постоянно расширяющейся американской мозаики. Конфликт с имперской Германией в период Первой мировой войны побуждал постоянно растущее число американцев немецкого происхождения демонстративно становиться англосаксами и протестантами. В то же время поляки и другие славяне открыто выражали свою заинтересованность, особенно после знаменитых «четырнадцати пунктов» Вильсона, в приобретении их родными странами политической независимости. Противоборство с державами «оси» в период Второй мировой войны (и возникновение как ее следствия еврейского государства) стимулировало у американских евреев стремление отождествлять себя с интересами Израиля, в то время как итальянские и японские иммигранты старались подчеркивать отсутствие у них каких-либо политических связей с прежней родиной.

Однако с середины XX века американская мозаика, идущая на смену «плавившему тиглю» как сути американского опыта, стала выходить за свойственные ей ранее европейские рамки. Новая американская мозаика - мультитикультурная этническая смесь, представители которой одновременно сохраняют свою обособленность, более напористы и отражают как никогда ранее разнообразную глобальную палитру. Революция в сфере гражданских прав положила конец игнорированию и дискриминации афроамериканцев, в то время как иммиграция перестала быть преимущественно европейским явлением. По данным переписи 2000 года, каждые 3 из 4 иностранных уроженцев, проживающих в США, происходят из Латинской

245

Америки и Азии, и это соотношение растет. Америка становится микрокосмом мира.

Эти перемены в Америке не просто отражают беспрецедентное разнообразие так называемых «меньшинств»; на каком-то этапе возникает вопрос: может ли конкретное расовое или этническое меньшинство занять в Америке господствующее положение? Население США в настоящее время насчитывает 285 миллионов, из которых 37 миллионов латинского

происхождения, около 37 миллионов афроамериканцев, 11 миллионов выходцев из Азии, более 3 миллионов американских индейцев, гавайцев и жителей Аляски. Европейская составляющая общей массы американского населения резко сокращается, в то время как латиноамериканские и азиатские составляющие, для которых характерны более высокий уровень рождаемости и иммиграции, растут. Вскоре Калифорния станет первым штатом, в котором не будет преобладающего расового большинства.

Еще более важным с политической точки зрения является пробуждение самосознания и, как следствие этого, рост политической активности этнических групп, проявляющих особый интерес к конкретным аспектам внешней политики. Группы особых политических интересов являются естественной реальностью демократического плюрализма, такие же свои интересы имеют бизнес, профсоюзы и другие профессиональные группы. Тем не менее возрастание роли этнических приоритетов как главного фактора влияния на внешнюю политику может на каком-то этапе серьезно осложнить ее, особенно если это будет сопровождаться общим «разжижением» американского самосознания и приведет к изменению процесса политизации возникающей новой мультикультурной американской мозаики.

За последнее столетие этнические лобби проявили себя различными способами. Чаще всего они используют потенциал своего электората в целом по стране (например, центральноевропейцы проживают главным образом на Северо-Востоке и Среднем Западе) или концентрацию своих земляков в некоторых ключевых регионах (евреи - в Нью-Йорке, кубинцы - во Флориде). Кроме того, они

246

проявляют готовность финансировать близкие им политические движения (армяне, греки и евреи). Во время Второй мировой войны американцы польского происхождения проявили настолько глубокую озабоченность судьбой своей исторической родины, что президент Рузвельт

вынужден был объяснить Сталину, что Америка не сможет поддержать советские планы в отношении Польши, пока не пройдут президентские выборы 1944 года. Аналогичным образом президент Клинтон выбрал Детройт, город с большим польским населением, чтобы объявить в 1996 году о расширении НАТО в Центральной Европе.

В широком смысле сегодня наиболее активными, влиятельными и богатыми этническими лобби с внешнеполитическими приоритетами являются: еврейское, кубинское, греческое и армянское. Каждое дает почувствовать свое присутствие в вопросах внешней политики, будь то арабо-израильский конфликт, эмбарго кастровской Кубы, статус Кипра или запретна оказание помощи Азербайджану. Среди других этнических групп существенный избирательный потенциал имеют центральноевропейцы, но им недостает организационной сплоченности и серьезных финансовых ресурсов. В будущем к этим лобби может присоединиться находящееся в процессе формирования испаноговорящее (главным образом мексиканское), а также лобби темнокожих американцев, испытывающих все большую тревогу по поводу Африки, и, возможно, даже выходящие на политическую арену иранское, китайское и индийское (индуистское) лобби, так же как и религиозное мусульманское.

В недалеком будущем эти и другие этнические группы, возможно, будут играть все возрастающую роль в формировании американской внешней политики на тех направлениях, которые имеют для них большое значение. И хотя у американцев азиатского происхождения есть определенные достижения в области социального развития, в политическом плане они остаются относительно пассивными. Пока они более склонны, как в свое время немцы, японцы и итальянцы, лишь подчеркивать свой американизм как способ преодоления социального недоверия в отношении степени их ассимиляции. По данным

около $\frac{1}{3}$ опрошенных подозревают, что американцы китайского происхождения более лояльны к Китаю, чем к Америке, а 23% признались, что им было бы неловко голосовать за кандидата на пост президента США из числа американцев азиатского происхождения (более высокая степень предубежденности, чем в отношении кандидата-еврея). Но со временем, вполне вероятно, американцы азиатского происхождения будут все более определенно высказываться по вопросам, имеющим отношение к роли США в Азии.

Весьма значительной этнической общиной, которая вскоре даст о себе знать в вопросе формирования мульти-культурной американской внешней политики, является испаноговорящая, особенно ее мексиканская составляющая. Более 10 миллионов живущих в США уроженцев Мексики составляют самую большую иммигрантскую группу, у нее есть четкая географическая база и растущее чувство осознания своей политической силы. Преимущественно мексиканская испаноязычная фракция в Конгрессе США и ее калифорнийский эквивалент уже провозгласили: «Проблемы латиноамериканцев - проблемы Америки». Они поддерживают мультикультурность и даже двуязычие. Если американо-мексиканские отношения осложнятся, то американцы мексиканского происхождения могут стать главным и весьма заинтересованным участником внутри- и внешнеполитического диалога.

Аналогичным образом, афроамериканская община в США может стать более напористой в том, что касается политики США в Африке. Первый американский темнокожий госсекретарь открыто связал себя с целым рядом гуманитарных проблем, которые угрожают миллионам африканцев, и оказал существенное влияние на систему американских приоритетов за рубежом. вполне вероятно, что внимание афроамериканцев будет сосредоточено на всем Африканском континенте, а не на конкретных странах, что более характерно для других этнических лобби⁷.

Возрастание роли культурного и политического самосознания

конкретных этнических групп сопровождается

248

распадом когда-то замкнутой англосаксонской белой протестантской элиты и более терпимым отношением к многообразию в Америке, ранее ориентировавшейся преимущественно на ассимиляцию. За уменьшением влияния англосаксонских белых протестантов последовал подъем социального статуса и политического влияния еврейской общины. Вообще история еврейской общины является удивительным примером того, как на протяжении жизни почти одного поколения эта этническая группа, бывшая объектом широко распространенной, хотя и не всегда открыто выражаемой предубежденности, заняла влиятельные позиции в важных сферах американской общественной жизни: в академических кругах и средствах массовой информации, в сфере развлечений, а также в области сбора средств на политические цели. Пять-шесть миллионов человек, принадлежащих к этой группировке, имеют лучший образовательный уровень и более высокие доходы, чем в среднем по стране.

Но более важно то, что на фоне складывающегося социально-этнического разнообразия евреи больше не испытывают необходимости подавлять свое чувство самосознания — что еще лет 50 назад было вполне ощутимо — или приглушать свою естественную заинтересованность в благополучии Израиля. Если несколько десятилетий назад роль еврейской общины в формировании ближневосточной политики США сводилась к пассивному наблюдению, то теперь она приобретает все большее, возможно, решающее значение⁸. Естественные противники американской еврейской общины - нефтяные компании и мусульманская община - не могут с ней тягаться. Нефтяная промышленность, с ее высокими прибылями, не может соревноваться на морально-чувственном уровне, а американская мусульманская община, хотя и более многочисленная по сравнению с еврейской, плохо организована, бедна и очень слабо представлена в институтах, формирующих американское общественное мнение.

В XIX веке американские цели за рубежом сначала определялись как надменная изоляция (не впутываться), а затем как расширение сферы влияния, подкрепляемое время от времени изрядными порциями ура-патриотизма.

249

В XX веке американская внешняя политика стала трансокеанской, и ее внимание было сосредоточено главным образом на Европе с возрастающим акцентом на общие демократические чаяния. В обеих мировых войнах американская этническая сплоченность, даже несколько «разжиженная» притоком европейских иммигрантов, позволила англосаксонскому белому протестантскому руководству США выработать согласованную с народом национальную стратегию. В период «холодной войны» европейский акцент в политике США был связан с мощной поддержкой, которую оказывали ей антикоммунистически настроенные выходцы из стран Центральной Европы.

После окончания «холодной войны» масштабы и сложность происходящих глобальных перемен еще больше затрудняют четкое определение приоритетов внешней политики даже при наличии национального согласия. Но теперь, когда этнические группы фактически приобретают право вето по важнейшим вопросам региональной политики, причем все это легитимируется выхолащенными представлениями о плюрализме, а в последнее время и превосходством идей мультикультурности над традиционной и обращенной в будущее ассимиляцией, выработка национальной политики становится все более затруднительной. В век американской гегемонии и глобализации ни одна конкретная группа не может глубоко выражать общеамериканские национальные интересы.

Более того, многие из наиболее трудных проблем, которые Америка должна решать как мировой гегемон, сталкивают интересы различных этнических групп в США. Какая из этнических групп имеет право определять политику США в отношении Израиля и арабского мира? В

отношении Китая и Тайваня? В отношении Индии и Пакистана? При отсутствии базовой сплоченности, в центре которой стоит понимание общего будущего Америки, американская мозаика может превратиться в состязание между этническими группами, каждая из которых будет утверждать (и убеждать в этом других), что обладает какими-то особенными знаниями и правами для выработки политического курса среди множества противоречащих друг другу внешнеполитических интересов.

250

Эта тенденция уже прослеживается в Конгрессе США. Группы специальных этнических интересов уже научились инспирировать резолюции и вносить поправки к законам, ограничивающим американскую глобальную политику. Денежные средства избирательных кампаний открыто используются для обеспечения поддержки Конгрессом тех или иных этнических проблем, будь то отказ в предоставлении помощи Азербайджану или создание благоприятного финансового режима для Израиля. Этнические фракции в Конгрессе стали обычным явлением. Конгрессмены и сенаторы, ставшие выразителями интересов и даже послушными орудиями конкретных этнических лобби, уже не редкость. И эта практика, судя по всему, может расширяться, по мере того как страна будет продвигаться в направлении более напористой, социально приемлемой и политически определенной мультикультурности.

На самом деле Конгресс как коллективный и довольно пестрый по составу Врган с большим трудом — если только дело не касается острых национальных проблем - формулирует основные стратегические направления политики США, которая была бы последовательно глобальной по своему масштабу. Исполнительная власть лучше справляется с этой задачей, особенно если у президента есть достаточно четкое видение мира. Но если у президента нет самостоятельной точки зрения, он сам может стать заложником какой-то особенно влиятельной группы. В любом случае способность президента выполнять свою роль лидера ограничивается

системой разделения властей и решающей ролью Конгресса в вопросах финансирования. Но именно при выполнении своей функции финансового контроля Конгресс наиболее подвержен влиянию со стороны различных лобби, в результате чего выделение финансовых средств конкретным странам стало отражать степень влияния конкретных группировок больше, чем национальные интересы.

Введение институционных ограничений для спорных результатов реализации мультикультурных политических притязаний будет непростым. Вместо этого может потребоваться более четкое и целеустремленное внедрение как самим президентом, с использованием авторитета

251

его должности, так и частным сектором, в том числе образовательными фондами, объединяющей, этнически нейтральной и обращенной в будущее концепции американского гражданства. Любые усилия в этом направлении будут серьезным вызовом, причем далеко не последним станет вопрос о поощрении внедрения унифицированной системы гражданского образования на различных уровнях: на федеральном, на уровне штатов и на местном. Более того, эта общая концепция гражданства должна учитывать нарастающую американскую мультикультурность и в то же время способствовать укреплению стратегической сплоченности американского общества.

Иногда говорят, что канадская политика мультикультурности - это будущее Америки. Но у Канады нет необходимости в проведении последовательной глобальной внешней политики. В Америке противоречивое взаимодействие мультикультурных интересов с неизбежно снижающимся уровнем согласия в отношении общих национальных интересов может привести к росту напряженности, что в конечном счете отрицательно скажется на ее способности выполнять роль глобального лидера. Без основополагающей и инстинктивно ощущаемой стратегической сплоченности Америке, вовлеченной в глобальное взаимодействие, будет

трудно проложить свой исторический курс.

Гегемония и демократия

Американская глобальная гегемония управляется американской демократией; никогда прежде глобальная гегемония не осуществлялась по-настоящему демократическим и плюралистическим государством. Однако требования гегемонии могут вступить в принципиальное противоречие с достоинствами демократии, противопоставить гражданские права и национальную безопасность, стремление действовать решительно и осмотрительно. Поэтому вполне своевременно задаться вопросом: может ли глобальная гегемония создать угрозу американской демократии?

252

Демократия глубоко укоренилась в самой ткани американского общества. Свобода выбирать своих политических лидеров, голосовать и свободно высказываться, равенство перед законом и признание всеми верховенства закона (включая президента, как это на себе ощутили Никсон и Клинтон) являются священными принципами, составляющими суть американской демократии. Государственная политика формулируется в соответствии с требованиями конституции и в этом смысле отражает волю американского народа. Отсюда следует, что осуществление гегемонистской власти за рубежом тоже должно находиться в поле зрения демократической общественности.

Опросы общественного мнения показывают, что принципиальное отношение американского народа к идее осуществления гегемонистской власти остается достаточно трезвым, разумным, хотя и окрашенным некоторым идеализмом. Американцы ошибочно считают, что Америка предоставляет больше иностранной помощи, чем другие богатые страны (так считает 81% опрошенных в рамках Программы отношения к внешней политике, ноябрь 2002 г.), но большинство все-таки относится одобрительно к такой щедрости (преувеличенной). Американцы в целом поддерживают ООН, но в 2002 году около 30% опрошенных считали, что «Америке следует

самой решать свои международные проблемы (в 1995 г., по данным опроса центра «Рев», эта цифра составляла 41%).

Можно утверждать, что после окончания «холодной войны» большинство американцев разделяли многостороннее видение мира. Они выступали за законность процессуальных норм, признавали становящуюся все более реальной глобализацию и считали необходимым действовать через международные организации. В опросах общественного мнения, проведенных в конце истекшего столетия, около 67% опрошенных высказались за усиление ООН; 60% - за усиление ВТО; 56% - за усиление роли Международного Суда и 44% - за укрепление МВФ; 66% поддержали идею Международного уголовного суда⁹. Очевидно, что умонастроения американцев относительно гегемонистской роли США в мире были по большей части

253

не агрессивны, и односторонний подход не пользовался популярностью.

А потом наступило 11 сентября 2001 г. Последовавшее изменение перспектив, когда на смену относительно мягкому представлению о роли Америки в мире пришла озабоченность ее собственной безопасностью, проявилось не столько на уровне общественного мнения, сколько в высшем политическом сознании. И в самом деле, несмотря на продолжительную пропагандистскую кампанию относительно, как утверждалось, неминуемой угрозы со стороны Ирака, даже в феврале 2003 года, за месяц до начала войны, большинство американцев считали, что военная сила должна применяться только в рамках мандата ООН. В конце 2002 года 85% населения США считали, что Америка «должна прислушиваться к мнению своих основных союзников»¹⁰. Однако точка зрения Белого дома была иной, и именно Белый дом, в первую очередь президент США, задавал тон.

Этот тон был одновременно паническим и самоуверенным. На фоне естественной реакции на жестокое преступление администрация

подчеркивала общую враждебность обстановки в мире после 11 сентября, где неуловимые силы зла создавали смертельную угрозу для национальной безопасности. Сам президент рисовал черно-белую картину мира, четко разделенного на силы добра и зла. Не поддерживать Америку - означало относиться к ней враждебно.

Компьютерная обработка высказываний президента после 11 сентября показывает, что к февралю 2003 года, то есть примерно на протяжении 15 месяцев, он публично не менее 99 раз использовал различные варианты мани-хейской фразы «кто не с нами - тот против нас» (особую популярность ей придал Ленин!). Американский народ призвали ни мало ни много, как защищать саму цивилизацию от апокалиптической угрозы глобального терроризма. Новая миссия неизбежно увеличила давление на американскую демократию, которое уже и так было заложено в самой идее глобальной гегемонии Америки.

Даже в самых благоприятных условиях трения между традициями внутренней американской демократии и

254

требованиями глобальной гегемонии были бы неизбежными. В прошлом имперская мотивация была по своей природе элитарной, и имперское лидерство требовало наличия элиты, проникнутой духом особой миссии, особой судьбы и даже особых прав. Это, безусловно, было справедливо в отношении Британской империи, а также ее великих предшественников - римской и китайской, не говоря уже о других менее ярких имперских наследиях. Ответственность периода «холодной войны» и последующая гегемонистская роль произвели на свет некий эквивалент подобной элиты. Это наиболее ярко символизируют власть и статус нескольких региональных американских главнокомандующих, фактически играющих роль вице-королей в некоторых ключевых внешних зонах безопасности, и находящаяся за рубежом огромная профессиональная американская бюрократия. Самым последним примером является

американская оккупация Ирака и назначение американца главой Временного совета в Багдаде.

Появление американской гегемонистской элиты является неизбежным следствием роста американской мощи в последние полвека. В то время как США в период «холодной войны» и после ее окончания выполняли свои глобальные обязательства, постепенно складывалась соответствующая всемирная военно-политическая структура, управляемая исполнительной властью и обеспечивавшая реализацию постоянно усложнявшейся роли Америки в мире. Со временем колоссальный дипломатический аппарат, военные инфраструктуры, системы сбора разведывательной информации и бюрократические интересы объединились для управления этим всеобъемлющим присутствием Америки в мире. Воодушевленные концентрацией знания, интересов, власти и ответственности, имперские бюрократы стали смотреть на себя как на людей, обладающих всем необходимым для того, чтобы определять поведение Америки в этом сложном и опасном мире.

Влияние новой гегемонистской элиты на национальную политику, однако, ограничивается сохраняющимся контролем - особенно через «власть кошелька» - со стороны Конгресса, весьма чувствительного к настроениям

255

американского общества. Комитеты Конгресса, наблюдающие за осуществлением дипломатического курса, за системой приоритетов и организацией военного истеблишмента, деятельностью разведывательного сообщества, оказались мощным препятствием на пути формирования полуавтономной имперской бюрократии в сфере исполнительной власти. Без таких законодательных сдержек и свободной прессы гегемонистские настроения, отражающие гегемонистские интересы относительно однородной бюрократической элиты, могли стать преобладающими в обширных бюрократиях Министерства обороны, Госдепартамента, ЦРУ и других зависящих от них правительственных учреждениях и участвующих

организациях, которые они финансируют.

Тем не менее реализация военно-политической мощи США несет в себе присущие ей огромные возможности использования накопленного опыта и информации, связанной с зарубежными интересами. Сам масштаб этой деятельности приводит к появлению многогранного сообщества, способного в любой момент мобилизовать обширную комбинацию фактов и аргументов в обоснование какого-то особого политического курса. Тонко сбалансированная система разделения властей применительно к сфере внешней политики отдает некоторое предпочтение исполнительной власти. Этот дисбаланс становится еще более очевидным, если речь идет об эмоционально окрашенной проблеме и сам президент непосредственно включается в процесс обработки общественного мнения.

Отчасти так и должно быть. Президент является тем институтом, который определяет национальные интересы в беспокойном мире. Конгрессу бесполезно пытаться выработать основы внешней политики США, учитывая противоречивые интересы различных этнических и коммерческих групп. Только исполнительная власть, бюрократически организованная и подчиненная президенту, может это сделать. И она должна делать это в интересах национальной безопасности.

Однако для того, чтобы такая политика имела поддержку в обществе и соответствовала основополагающим демократическим ценностям, необходимо участие в этом

256

процессе Конгресса. Иначе американская политика обретет откровенно грубый имперский облик. Поэтому все более актуальным становится вопрос повышения роли Конгресса в процессе формирования, а не только последующего рассмотрения политики, чтобы его функции не сводились лишь к автоматическому утверждению неожиданно представленных ему стратегических решений.

Именно так и случилось, когда в 2002 году Конгресс США решил

предоставить президенту полную свободу в отношении военных действий против Ирака — с мандатом или без мандата ООН - и без обязательного последующего одобрения этих действий Конгрессом. Лидеры Конгресса не справились с неожиданно возникшей ситуацией, в то время как президент вел весьма эмоциональную общественную кампанию, связав вопрос о терроризме с отказом иракского режима подчиниться ряду принятых ранее резолюций ООН, обвинявших его в обладании оружием массового уничтожения. Но каковы бы ни были аргументы, итог - отказ Конгресса от своего конституционного права объявлять войну - продемонстрировал масштабы, до которых требования и динамика гегемонистской власти изменили тонко отлаженное конституционное равновесие двух главных ветвей власти, определяющих политику.

Эта тенденция является неизбежным следствием глобальной роли Америки, и ее трудно сгладить. Проблема усугубляется также отсутствием в госаппарате США центрального органа стратегического планирования, который бы вел постоянный диалог с соответствующими лидерами Конгресса. Бюро по планированию политики в Госдепартаменте вполне оправданно занимается в основном вопросами дипломатии, которые он склонен рассматривать как главную составляющую внешней политики. Министерство обороны имеет свой внушительный механизм планирования, но результаты его деятельности неизбежно сильно милитаризованы. Совет национальной безопасности в Белом доме пытается интегрировать мнения военных и дипломатов, но его главная ответственность связана с оперативной координацией политики. У него не хватает времени и ресурсов для систематического

257

стратегического планирования, и его ориентация, безусловно, отражает влияние политических интересов президента. Результаты этого довольно спонтанного процесса в конечном счете и составляют политику президента, которую Конгресс может поддержать или не поддержать.

Положение может быть улучшено путем установления более строгого порядка официальных консультаций с руководством комитетов Конгресса, занимающихся вопросами внешней политики, и создания четко структурированного органа глобального планирования в аппарате Совета национальной безопасности. Авторитетная и хорошо известная группа стратегического планирования в Белом доме, возглавляемая ответственным представителем, на которого замыкались бы ответственные за планирование в Госдепартаменте и Министерстве обороны, могла бы служить форумом для периодических консультаций с соответствующими лидерами Конгресса в отношении долгосрочных планов, возникающих новых проблем и необходимых инициатив. Это могло бы в какой-то мере снизить существующий риск того, что осуществление полуимперской власти может постепенно выйти из-под демократического общественного контроля.

После 11 сентября этот риск возрос. Упреждающий характер решения администрации о войне против Ирака, принятого в середине 2002 года, показал, насколько возникновение угрозы глобального масштаба в виде международного терроризма подстегнуло ее стремление принимать далеко идущие стратегические решения узким кругом лиц, подлинные мотивы которых скрыты от общественности. Личные причины, особые групповые интересы и политический расчет, публично оправдываемые драматической, но подчас демагогической риторикой, привели к появлению скрытого, но существенного политического крена, чреватого серьезными международными последствиями. Неожиданное и почти одновременное появление новой стратегической доктрины «превентивной войны», противоречащей проверенным временем международным конвенциям, лишь укрепило подозрения, что находящаяся в осаде гегемонистская бюрократия, отягощенная проблемами внутренней безопасности,

258

не может быть совместима с открытым и демократическим процессом выработки внешней политики¹¹.

После 11 сентября взаимодействие глобальной гегемонии и внутренней демократической реальности вызывает особую обеспокоенность. Сердцевину американской демократии составляют гражданские права американцев. События 11 сентября запустили цепь событий, когда исполнительная и законодательная власти в чрезвычайном порядке должны были реагировать на воображаемую угрозу, а также на вполне реальную тревогу общества. Но действия в отношении первого лишь усугубляли второе. Возникшей угрозе было не просто дать точное определение, но она представлялась столь серьезной, что было трудно соблюсти баланс между предусмотрительностью и паникой. И хотя такого намерения не было, возник определенный риск нарушения гражданских прав.

Положение осложнялось весьма эмоциональной риторикой высокопоставленных деятелей, кричавших о возникшей угрозе¹², и опасениями бюрократов, что повторение инцидента подобного тому, что произошел 11 сентября, может сделать их мишенью для обвинений в некомпетентности. Периодически объявлявшаяся национальная тревога в связи с совершенно неконкретными угрозами лишь нагнетала обстановку, в которой забота о личной безопасности перевешивала традицию соблюдения гражданских прав. В истории Америки это уже случалось. Принятие в 1878 году во время конфликта с Францией Закона об иностранцах и подстрекательстве к мятежу, приостановление действия положений акта «Хабеас корпус» в период Гражданской войны, принятие в 1918 году Закона о шпионаже, гонения на радикалов и пацифистов во время Первой и Второй мировых войн, интернирование около 120 тысяч японцев и прочих иностранцев - это такие моменты в истории, которыми Америка не может гордиться. Хотя эти меры и пользовались поддержкой общества, их в конечном счете рассматривали как чрезмерные.

Нынешняя реакция на события 11 сентября может оказаться более стойкой в связи с вызовами, которые ставит перед Америкой ее новая глобальная роль. Даже если бы Америка после 11 сентября использовала

свою

259

мощь с большим учетом мирового общественного мнения, сам факт американской гегемонии неизбежно должен был вызывать недовольство, а затем и сопротивление, и, как следствие этого, усилить сознание грозящей американцам опасности. Таким образом, ужесточение режима безопасности становится долгосрочной реальностью, а вытекающий из этого риск для гражданских прав американцев не просто преходящим явлением.

Результатом принятия в 2001 году, после событий 11 сентября (под сильным давлением президента), закона - Акта об усилении и объединении Америки средствами, необходимыми для борьбы с терроризмом (Patriot Act) - стало ограничение юрисдикции судов по таким важным вопросам, как негласное прослушивание, ущемление привилегированного характера отношений между адвокатом и клиентом, расширение доступа правительственных органов к частной информации, касающейся медицинских вопросов, кредитной истории и путешествий, - все во имя национальной безопасности. Этот Акт также расширил полномочия правительственных органов в области негласного наблюдения, понизив требования, необходимые для получения санкций на эти меры. Хочется надеяться, что некоторые из принятых после 11 сентября мер по борьбе с терроризмом окажутся временными, как это случалось с другими крайностями в американской истории. Закон о патриотизме предусматривает некоторые предельные сроки действия отдельных его статей, требуя нового голосования по нему каждые четыре года, в противном случае они автоматически теряют силу.

Тем не менее наметилась четкая тенденция ограничения гражданских прав, особенно в отношении проживающих в США иностранцев, не являющихся американскими гражданами. Сейчас министру юстиции достаточно прийти к выводу, что у него есть «разумные основания считать», что подозреваемый «занимается деятельностью, создающей угрозу

Соединенным Штатам», и этого подозреваемого можно арестовать на неопределенный срок. Более того, исполнительная власть установила правила, позволяющие на длительный срок задерживать лиц, не

260

являющихся гражданами США, даже если иммиграционный судья принял решение об их освобождении. Она также создала военные трибуналы для рассмотрения дел иностранцев без права обжалования приговоров в гражданских судах. Дополнительные предложения в этом плане включали расширение одностороннего и произвольного доступа правительственных ведомств к частной электронной почте и коммерческим базам данных, всем этим сужая сферу частной жизни граждан, особенно иностранцев¹³.

Учитывая взбудораженность политической атмосферы после 11 сентября, некоторые крайности и даже нарушения законов были неизбежны. Основной удар пришелся на проживающих в США иностранных граждан; некоторые из них были подвергнуты произвольным арестам и продолжительное время содержались в заключении без предъявления обвинений, в то время как других просто выдворили в административном порядке (в некоторых случаях после продолжительного периода проживания в Америке) без учета их прав, интересов семьи или материального положения. Предвзятые и унижительные иммиграционные процедуры были навязаны представителям некоторых национальностей, пытавшихся посетить Соединенные Штаты.

Эти перегибы нельзя сравнивать с тем, что было на более ранних стадиях американской социальной истерии. Тем не менее они способствуют дискредитации имиджа Америки и дают пищу для зарубежных критиков, всегда ищущих повод для клеветы на демократический строй этой страны. Если эти представления получат широкое распространение, они усилят чувство враждебности к Соединенным Штатам. Даже друзья Америки задаются вопросом: не затмевает ли ее гегемонистская роль, особенно после 11 сентября, внутренние демократические устои?

Более долгосрочная проблема заключается в том, не приведет ли вполне понятная, острая реакция США после 11 сентября к пересмотру традиционного, очень тонкого баланса между индивидуальными свободами и национальной безопасностью. Подобный фундаментальный пересмотр, особенно в сочетании с современными

261

техническими возможностями в области безопасности, может со временем превратить США в некий изолированный, сосредоточенный на собственной безопасности ксенофобский гибрид демократии и автократии, может быть, даже с признаками государства-крепости¹⁴.

Уже существуют два государства, которые, возможно, являются провозвестниками такого будущего: Израиль и Сингапур. Оба, в принципе, являются демократиями, но в обоих есть сильные автократические элементы, обусловленные требованиями безопасности и ставшие возможными в силу имеющегося в этих странах интеллектуального и технологического потенциала. В каждом из них используются весьма изощренные методы для защиты собственного населения от внешних угроз, дающие государству возможность быстро реагировать на такие угрозы. А гражданские права их жителей в какой-то мере ограничиваются, особенно это касается 1,2 миллиона израильских граждан палестинской национальности и в еще большей степени палестинцев на оккупированных Израилем территориях.

Учитывая уязвимость к террористическим нападениям, Израилю ничего не оставалось, как пойти по пути создания государства-крепости. Для наблюдения за подозрительной активностью используются самые последние достижения техники, доступ в общественные (в том числе правительственные) учреждения тщательно контролируется, граждане и транспортные средства подвергаются обыскам и многие жители в целях обороны носят оружие. Видеонаблюдение, радиационный и биологический мониторинг, электронные и инфракрасные системы выявления даже надувных резиновых плотов вдоль побережья, оснащенные сложными

техническими устройствами зоны вокруг важных промышленных и инфраструктурных объектов, личные идентификационные карты, упреждающее разведывательное проникновение во враждебные группы и жесткая техника допросов задержанных - все это помогает предвидеть и предотвращать большую часть террористических актов.

Географическое положение Израиля несравненно более уязвимо, чем положение Соединенных Штатов, но

262

у американцев более низкий порог терпимости к террористическим нападениям. Кроме того, обеспечение внутренней безопасности США осложняется вследствие одновременной вовлеченности Америки в различные национальные, этнические и религиозные конфликты в мире, каждый из которых может вызывать враждебную реакцию. Вероятность этого возрастает, если Америка будет использовать свою глобальную мощь в одностороннем порядке, без коллективного одобрения и, следовательно, без глобальной легитимности. Таким образом, всеобщая враждебность в мире может представлять такую же угрозу для США, какой региональная враждебность оказалась для Израиля.

В более отдаленном будущем помимо непосредственных проблем обеспечения безопасности следует ожидать возникновения совершенно новой дилеммы. Она связана с возможностью возникновения действительно широкой дифференциации условий жизни людей. В нынешнем веке достижения науки в таких областях, как геномное профилирование, биомедицинская инженерия и генетическое модифицирование, могут не только существенно продлить продолжительность жизни человека, но и решительно улучшить условия его жизни и даже интеллектуальные качества. Более богатые страны и их более богатые граждане станут первыми, кто воспользуется этими новыми возможностями. Страны и люди победнее будут следовать за ними, если это вообще когда-либо произойдет. Америка, как самая богатая и социально продвинутая страна, скорее всего, окажется

среди тех, где преимущества передовой человеческой инженерии будут использоваться в социально значимых масштабах. Для тех, кто будет в состоянии себе это позволить, перспектива экстраординарного улучшения личного здоровья, продления жизни и расширения интеллекта и (на более тривиальном уровне) улучшения внешности станет искушением, перед которым трудно устоять.

В результате существующие в глобальном масштабе проявления неравенства будут обостряться и приобретать все более явные и потенциально опасные политические черты. Такое развитие событий может стать вызовом

263

Америке как ведущей демократии мира и даже самому понятию демократии.

В глобальной реакции на любое проявление новых форм неравенства людей, без сомнения, будет использоваться и дальше углубляться существующее недовольство более привычными формами неравенства. По мере увеличения разрыва в условиях жизни различных народов правительства более бедных стран будут испытывать все большее давление в плане проведения политики, направленной на устранение нового неравенства и выхода на какие-то альтернативные концепции глобального развития. И здесь антиглобалистское контркрredo приобретет дополнительную и исключительно мощную привлекательность. Как показал опыт марксизма в XX веке, массовое недовольство проявлениями социального неравенства особенно поддается потенциальной мобилизации, если оно фокусируется на ненависти. В условиях, когда контридеологи представляют американское государство связанным с жестким курсом глобализации как его универсальной доктрины, антиамериканизм получает дополнительную легитимность.

Потенциальное появление нового неравенства в условиях жизни людей будет иметь важные последствия не только для американской гегемонии, но

и для американской демократии. Когда в августе 2001 года президент Буш объявил, что правительство США не будет поддерживать прямой запрет на исследования в области изучения стволовых клеток — за такой запрет весьма принципиально высказывались его консервативные сторонники, - он сделал заявление исторической важности. Фактически он признал неизбежность наступления новой эры в эволюции человека. Это решение символизировало вынужденное согласие человечества с разворачивающейся революцией в области человеческого бытия, движимой растущим научным потенциалом, который со временем может по-новому определить значение и даже суть человеческой жизни. Куда это в конечном счете приведет человечество - никто пока сказать не может, но мы знаем, что открылись двери, которые через десятилетия могут серьезно изменить самого человека.

264

Поэтому существует серьезный риск, что по мере продвижения вперед XXI века революция в биотехнологии поставит перед нами целый ряд совершенно неожиданных психологических, интеллектуальных и религиозно-философских дилемм. Это будет очень серьезный вызов традиционным великим религиям, так же как и традиционным демократическим принципам.

В плане демократии могут возникнуть новые вопросы в отношении политического определения самого человеческого существа. Традиционная связь политической свободы и политического равенства - основополагающая правовая концепция, на которой строится демократия, - была выведена из идеи о том, что «все люди созданы равными», и убежденности в том, что процесс развития человека по своей сути эгалитарен. Но выборочное улучшение человека путем манипуляции кодом, определяющим человеческие параметры и возможности, может поставить эту идею под сомнение, а вслед за этим и все основанные на ней политические и правовые конструкции. Что останется от аксиомы о равенстве, если интеллектуальные и даже моральные качества некоторых индивидуумов будут многократно искусственно усилены

по сравнению с тем, чем наделены другие?

Существует опасность, что некоторые государства будут испытывать искушение проводить курс на улучшение человеческой породы как государственную политику. В прошлом эгоцентричное представление о врожденном превосходстве некоторых народов служило оправданием для колониальной эксплуатации, рабства и — в самом экстремальном случае — для чудовищной расовой доктрины нацизма. Что если подобное превосходство не останется простым самообольщением, а станет реальностью? Ощутимые различия в интеллекте, здоровье и продолжительности жизни между различными народами могут бросить вызов единству человечества, которое, как говорят, должна укреплять глобализация, и демократии, которую Америка хочет распространять.

Следует еще раз повторить, что появление такого рода нового неравенства людей, по всей видимости, будет процессом медленным, и он может контролироваться и

265

ограничиваться по многим аспектам. Лучшее понимание этой проблемы обществом может само по себе заставить более глубоко задуматься над будущим человечества и приглушить демагогию относительно существующей в настоящее время угрозы. У американцев еще есть время подумать более серьезно, чем они это делали раньше, о сложной и хрупкой взаимосвязи между традиционными демократическими ценностями и требованиями национальной безопасности и о влиянии научной революции на использование Америкой своей новой глобальной гегемонии. Однако они уже больше не могут позволить себе роскоши совсем не думать об этом.

¹ Весьма показательна в этом плане судьба французского магната Жана-Мари Месьера, возглавлявшего конгломерат развлекательных компаний «Vivendi Universal». Его попытки приобрести киностудию в Голливуде и расширить американские активы компании и, наконец, его решение перевести штаб-квартиру из Парижа в Нью-Йорк вызвали крупный

конфликт и, в конечном счете, вынудили его уйти в отставку. Его публичное заявление в том духе, что «франко-французская культурная исключительность мертва», вызвало отповедь со стороны самого президента Жака Ширака, осудившего «психическое расстройство» Месьера. Министр культуры Франции признал, что был «шокирован», а ведущий французский журнал вынес на обложку заголовок: «Месьер спятил?».

² По данным Института международного образования «Open Doors». 2002, доступен по адресу: <http://opendoors.iienetwork.org/>.

³ *Joffe J. Who's Afraid of Mr. Big? // The National Interest. - Summer 2001.*

⁴ Notably: «What the World Thinks in 2002», released December 4, 2002, by the Pew Research Center for the People and the Press, as well as «Worldviews 2002» polls released in September 2002 jointly by the Chicago Council'on Foreign Relations and the German Marshall Fund of the United States. See specially pp. 63-69 of the Pew polling data.

⁵ Из проекта прощального обращения Джорджа Вашингтона, датированного маем 1796 года и цитируемого в: *Smith T. Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy. - Cambr., MA: Harvard University Press, 2000. - P. 23.*

⁶ Особенно захватывающей и красноречивой в этом плане является история службы Генри Моргантау в качестве первого еврея -министра финансов в кабинете Франклина Д. Рузвельта, в частности открытое и частое использование антисемитской риторики конфликтовавшими членами кабинета. См. *Beschloss M. The Conquerors. - N.Y., Simon & Schuster, 2002.*

266

⁷ Отчасти это наследие рабовладения: многие темнокожие американцы не знают африканских реалий и даже не знают, из какой части Африки пришли их предки.

⁸ Американцы арабского происхождения часто жалуются на то, что в последние годы американские евреи занимали высшие посты в тех звеньях аппарата Совета национальной безопасности, Госдепартамента и

Министерства обороны, которые связаны с Ближним Востоком, а доступ туда лицам арабского происхождения практически был закрыт.

⁹ Согласно опросам «PIRA» в октябре 1999-го и в марте 2000 года.

¹⁰ Pew. - 2002. - Dec.

¹¹ Куда подобная риторика и создаваемая ею атмосфера могут привести американскую внешнюю политику, показывает статья, опубликованная в научном журнале бывшим помощником главного юрисконсульта ЦРУ и адъюнкт-профессором Джорджтаунского университета. В статье говорится: «Убийства иностранных лидеров как средство достижения внешнеполитических целей в борьбе с распространением оружия массового поражения и в порядке самообороны являются при определенных условиях не только вполне приемлемой, но и наиболее предпочтительной альтернативой... В отсутствие эффективно действующей системы коллективной безопасности в мире, где все более опасные виды вооружений оказываются в руках тех, кто готов пустить их в ход, убийство лидеров таких режимов, как это ни прискорбно, может быть вполне приемлемым вариантом политики». См.: *Lotrionte C. When to Target Leaders // The Washington Quarterly. - Summer 2003. -P. 73, 84.* Как считает автор, решение об убийстве будет приниматься на «политическом уровне». О том, что подобное решение может иметь далеко идущие внешнеполитические последствия или послужить примером для подражания, автор не говорит.

¹² К сожалению, пример был подан самим президентом, который слишком часто прибегал к откровенной демагогии, чтобы настроить общественное мнение лично против Саддама Хусейна и иракского режима, используя в этих целях угрозу терроризма. За 15 месяцев после 11 сентября президент 224 раза публично упоминал о неких неконкретных «убийцах» (killers), 53 раза - о «душегубах» (murderers) и т.п., заявляя: «Они ненавидят все, что нам дорого» (2 августа 2002 г.). Его горячо поддержал министр юстиции: «В нашем мире появилось расчетливое и разрушительное зло» (*Robert F. Worth. Truth, Right and the American Way // The New York Times. -*

2002. - Febr. 24. Здесь тоже не было сделано никакой попытки как-то конкретизировать в практическом плане источник зла.

¹³ Пока еще рано говорить, какими могут быть долгосрочные последствия для гражданских прав Закона о внутренней безопасности 2002 года. По этому закону Министерство внутренней безопасности должно создать специальное подразделение, куда будут стекаться сведения о террористических угрозах, добываемые разведывательными службами и правоохранительными органами. Предложенный законопроект об обеспечении безопасности киберпространства должен дать

267

этому министерству возможность быстро получать необходимую информацию от провайдеров сети Интернет относительно их клиентуры. Одновременно по предложению Министерства обороны, которое первоначально было сформулировано в виде законопроекта о «полном раскрытии информации», но после протестов общественности было изменено на «раскрытие информации о терроризме», команда специалистов по разведке этого ведомства будет «иметь возможность получать информацию из баз данных, исследовать связи между конкретными лицами и группами лиц, реагировать на автоматические сигналы тревоги и обмениваться информацией со своих персональных компьютеров. Они смогут обрабатывать различные виды информации: видеосигналы с камер слежения в аэропортах, операции по кредитным картам, резервацию авиабилетов и разговоры с мобильных телефонов». См.: *Clymer A. Congress Agrees to Bar Pentagon from Terror Watch of Americans // The New York Times. - 2003. - Febr. 12.*

¹⁴ Вызывающие тревогу представления на этот счет дают многочисленные электронные табло вдоль вашингтонской окружной автострады, на которых вспыхивают неясные предупреждения: «Сообщайте о подозрительной деятельности».

Заключение и выводы: мировое господство или лидерство

Американская глобальная гегемония в настоящее время является фактом жизни. Ни у кого, в том числе и у самой Америки, нет выбора в этом вопросе. Если бы Америка, как Китай более 500 лет назад, решила изолироваться от мира, она поставила бы под угрозу свое собственное существование. Но, в отличие от Китая, Америка не сможет изолировать себя от глобального хаоса, который немедленно возникнет. Однако в политике, как и в жизни, все когда-то проходит. Гегемония тоже является преходящей исторической (р"а"зой. В конечном счете, пусть даже не очень скоро, американское глобальное доминирование пойдет на убыль. Поэтому для американцев было бы своевременным попытаться представить, какое наследие оставит эта гегемония.

Реальный выбор состоит в том, как Америка должна осуществлять свою гегемонию, с кем она этой гегемонией может делиться и какова должна быть конечная цель, на которую она должна быть направлена. Какова главная цель беспрецедентной американской глобальной мощи? Ответ на этот вопрос определит, будет ли американское лидерство опираться на международный консенсус или же в основе американского верховенства будет самоуверенное доминирование, основанное на мощи Америки. Всеобщее согласие усилит главенствующую роль Америки в мировых делах, а легитимность этой роли укрепит ее статус как единственной мировой сверхдержавы; доминирование потребует от Америки больших затрат для укрепления ее мощи, хотя она по-прежнему будет обладать уникальным превосходством. Другими словами, в первом случае Америка будет сверхдержавой-плюс, а во втором - сверхдержавой-минус.

Само собой разумеется, что первой и главной целью национальной мощи Америки является обеспечение ее собственной безопасности. В условиях, когда обстановка в мире становится все более неопределенной в плане обеспечения безопасности, особенно с учетом возрастающей способности не только

государств, но и подпольных организаций наносить удары, приводящие к многочисленным жертвам, обеспечение безопасности американского народа должно быть главной целью глобальной политики США. Однако в наш век безопасность одной отдельно взятой страны является химерой. Стремление к безопасности должно включать усилия, направленные на мобилизацию глобальной поддержки этих усилий. В противном случае международное недовольство и зависть по поводу верховенства Америки могут стать угрозой ее безопасности.

В каком-то смысле эта зловещая тенденция уже пробивает себе дорогу. Америка с триумфом вышла из «холодной войны», стала подлинной сверхдержавой-плюс. Спустя десятилетие она рискует стать сверхдержавой-минус. За два года, истекшие после 11 сентября 2001 г., первоначальная глобальная солидарность с Америкой все больше превращается в изоляцию Америки и глобальные симпатии уступают место широко распространяющимся подозрениям в отношении подлинных мотивов использования ею своей мощи.

В этом плане особенно показательным, что увенчавшееся военным успехом, но вызвавшее противоречивую международную реакцию вторжение в Ирак привело к возникновению ставящего в тупик парадокса: военный авторитет Америки никогда не был так высок, а ее политический авторитет так низок. Все признают, что Соединенные Штаты являются единственной державой, способной организовать и победоносно завершить военную операцию в любой части мира. Однако оправдание войны в Ираке - категорические утверждения президента и его высших советников, что Ирак обладает оружием массового поражения, - оказалось не соответствующим действительности. Это нанесло ущерб престижу США в мире не только среди антиамерикански настроенных левых, но и среди правых. Поскольку международная легитимность в значительной степени основывается на доверии, ущерб, нанесенный глобальному авторитету США, нельзя

рассматривать как незначительный.

В этой связи представляется особенно важным, как Америка определяет для себя и для всего мира главную цель своей гегемонии. Это определение должно отражать главный стратегический вызов, стоящий перед Америкой, на борьбу с которым она хочет мобилизовать мир. От того, насколько ясно и морально оправданно она это сделает, какое при этом будет проявлено понимание нужд и чаяний других, в значительной степени будут зависеть масштабы и границы эффективного использования американской мощи. Короче говоря, это определит,

270

будет ли Америка сверхдержавой-плюс или сверхдержавой-минус.

После 11 сентября большинству в мире представляется, что основной акцент во внутренней и внешней политике США сделан на «глобальной борьбе с терроризмом». Основной заботой администрации Буша было стремление привлечь внимание общественности к этому явлению. С терроризмом, который был обозначен нечеткими контурами, осужден преимущественно в теологических и моралистических терминах, лишен связи с какими-либо нерешенными региональными проблемами, но в целом привязан к исламу, следует бороться с помощью создаваемых для выполнения определенных задач коалиций единомышленников-партнеров, разделяющих (или делающих вид, что разделяют) схожую озабоченность по поводу терроризма как главного вызова нашего времени. Таким образом, искоренение этого зла выглядит как самая неотложная задача, успешное решение которой будет способствовать укреплению глобальной безопасности.

Сосредоточение усилий на терроризме политически привлекательно в краткосрочной перспективе. Главное достоинство такого подхода заключается в простоте. Демонизируя неизвестного врага и спекулируя на смутных страхах, можно получить поддержку в обществе. Но как долгосрочная стратегия такой подход малоперспективен, он может вызвать

международные разногласия и пробудить в других нетерпимость («кто не с нами - тот против нас»), всколыхнуть ура-патриотические эмоции и послужить отправной точкой для произвольного определения Америкой других государств как «находящихся вне закона»¹. Это чревато тем, что Америку станут воспринимать за рубежом как целиком поглощенную своими собственными интересами, а антиамерикански настроенные идеологи получают основание заклеить Америку как самозваного стража порядка.

Из определения терроризма как главной угрозы безопасности Америки вытекают три важных стратегических вывода, вызывающие серьезное беспокойство за рубежом: «кто не с нами — тот против нас»; упреждающий военный удар так же оправдан, как и предотвращение; долгосрочные союзы могут быть заменены коалициями *ad hoc*, создаваемыми для выполнения определенных задач. Первый представляет опасность в плане поляризации, второй создает ситуацию стратегической непредсказуемости, а третий вызывает политическую нестабильность. В совокупности они лишь усиливают представление об Америке как о сверхдержаве, склонной к произвольным действиям.

271

Один опытный европейский наблюдатель, сравнивая современную Америку с античным Римом, сделал глубокое замечание: «Мировые державы, не имеющие себе равных, составляют самостоятельный класс. Они никого не считают себе равными и очень легко зачисляются своих сторонников в число друзей *-amicus populi Romani**. У них уже больше нет врагов, есть только бунтовщики, террористы и государства-изгои. Они уже не воюют, а только карают. Они искренне возмущаются, когда вассалы отказываются вести себя так, как это положено вассалам»². (К этому хочется добавить: они не вторгаются в чужие страны, они их только освобождают.) Эти слова написаны автором до 11 сентября, но они удивительно точно выразили позицию некоторых американских политиков, с которой те отстаивали в ходе обсуждения в ООН в 2003 году решения о войне против Ирака.

Альтернативным подходом к определению главного стратегического вызова могла бы стать ориентация в более широком плане на глобальные беспорядки и их некоторые региональные и социальные проявления, среди которых терроризм является действительно угрожающим симптомом. Такой подход позволил бы США создать прочный и расширяющийся альянс близких по духу демократий и повести его на последовательную борьбу за ликвидацию условий, вызывающих эти беспорядки. В этом плане привлекательность успеха американской демократии и ее влияние на окружающий мир через более гуманное определение глобализации будут подкреплять эффективность и легитимность американской мощи и усиливать возможности преодоления - вместе с другими - причин и последствий глобальных беспорядков.

Сегодня эти беспорядки проявляются в различных формах. Они обостряются и углубляются массовой нищетой и социальной несправедливостью, хотя это и не является единственной причиной такого процесса. В некоторых регионах определенную роль играет национальное угнетение, в других - межплеменная рознь, в третьих - религиозный фундаментализм. Они проявляются вспышками насилия и брожением по всему юго-восточному поясу Евразии, Ближнего Востока, большей части Африки и некоторых регионов Латинской Америки. Они вызывают ненависть и зависть к господствующим и процветающим и в дальнейшем, видимо, будут становиться все более смертоносными, особенно с распространением оружия

Amicus populi Romani (лат.) - друг народа Рима. - Прим. пер.

272

массового поражения. Некоторые проявления этого насилия еще более неразборчивы в выборе жертв, чем терроризм: каждый год гибнут десятки тысяч людей, сотни тысяч получают увечья, а миллионы людей страдают от последствий обычных военных действий.

Признание глобальных беспорядков в качестве основного вызова

нашего времени требует понимания сложных проблем. Но в этом как раз и заключается главная слабость американской политической среды. Этот процесс трудно свести к хлестким лозунгам, и, в отличие от терроризма, его нельзя использовать на интуитивном уровне для мобилизации американского общества. Его гораздо труднее персонализировать при отсутствии какой-то демонической фигуры, вроде Усамы бен Ладена. Его так же трудно использовать в целях самовозвышения, как эпическую конфронтацию между добром и злом по типу титанической борьбы с нацизмом и коммунизмом. Но оставлять в стороне глобальные беспорядки - значит игнорировать главную реальность нашего времени: массовое глобальное политическое пробуждение человечества и углубляющееся понимание им невыносимого неравенства условий жизни людей.

Ключевая проблема будущего заключается в том, смогут ли ненавидящие Америку демагоги использовать это пробуждение или это приведет к осознанию мировым сообществом общности своих интересов, отождествляемой с глобальной ролью Америки. Следует признать, что, как и в случае более узкой проблемы борьбы с терроризмом, успешный ответ на глобальные беспорядки будет в большой степени зависеть от американской мощи как основной предпосылки глобальной стабильности. Вместе с тем это потребует долгосрочных обязательств, вытекающих из чувства моральной справедливости, а также из национальных интересов США, направленных на постепенную трансформацию подавляющей американской мощи в некую добровольно принимаемую гегемонию, в которой лидерство осуществляется через общие убеждения совместно с долгосрочными союзниками, а не просто за счет доминирования.

Общие интересы всего мирового сообщества не следует путать с мировым правительством. На данном историческом этапе идея мирового правительства лишена практического смысла. В мире, где отсутствует даже минимальное согласие, необходимое для общего правительства, Америка, безусловно, не может поступиться своим суверенитетом в пользу какой-то

наднациональной власти, и она не должна этого делать. Сегодня единственным возможным (в самом приблизительном смысле

273

этого понятия) «мировым правительством» может быть только американская глобальная диктатура, но это будет очень нестабильная и в конечном счете порочная затея, которая сама себя погубит. Мировое правительство может либо остаться прекраснодушной мечтой, либо стать кошмаром, но еще на протяжении жизни нескольких поколений оно не станет серьезным проектом.

С другой стороны, общность интересов мирового сообщества не только желательна, но она уже пробивает себе дорогу. Отчасти это результат спонтанного процесса, присущего динамике глобализации, отчасти следствие целенаправленных усилий, в первую очередь со стороны Соединенных Штатов и Евросоюза, по созданию целостной и всеобъемлющей системы международного сотрудничества³. Двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле, региональные политические форумы и формальные союзы - все это способствует созданию системы взаимозависимых отношений, на данном этапе в большей степени на региональном уровне, но с тенденцией к расширению глобального сотрудничества. В совокупности все это составляет естественный процесс эволюции межгосударственных отношений в направлении создания международной неофициальной системы управления.

Этот процесс надо поощрять, расширять и институционали-зировать и тем самым укреплять представление об общей судьбе человечества. Общие интересы предполагают баланс выгод и ответственности, означают передачу полномочий, а не диктат. Америка обладает уникальной возможностью возглавить этот процесс, поскольку она одновременно могущественна и демократична по системе правления. Поскольку эгоистическая гегемония неизбежно порождает противодействие, а демократия - подражание, элементарный здравый смысл подсказывает, что Америка должна ответить

на это призвание.

Таким образом, в практическом плане сохранение позиций Америки связано с характером ее глобального лидерства. Лидерство предполагает определение лидером того направления, которое позволяет мобилизовать других. Власть ради самой власти, доминирование ради увековечения этого доминирования не могут привести к устойчивому успеху. Доминирование само по себе ведет в тупик. В конечном счете оно мобилизует оппозицию, в то время как его высокомерие порождает самообман и историческую слепоту. Как отмечалось в предыдущих главах, перспективой человечества в ближайшие два десятилетия станет либо устойчивое движение к сообществу взаимных

274

интересов или ускоряющееся падение в пучину глобального хаоса. Принятие другими американского лидерства является непременным условием избежания хаоса.

В практическом плане мудрое лидерство в мировых делах требует прежде всего рациональной и взвешенной политики самообороны, способной нейтрализовать наиболее вероятные и опасные угрозы американскому обществу, не вызывая параноидального чувства национальной незащитности. Во-вторых, необходимы продолжительные и последовательные усилия по умиротворению наиболее острых очагов насилия в мире, которые являются источниками эмоциональной вражды, разжигающей насилие. В-третьих, потребуется длительная работа по вовлечению наиболее жизнеспособных и дружественных регионов мира в создание общей системы мер локализации и, там где возможно, ликвидации источников наибольшей опасности. В-четвертых, необходимо признать глобализацию не просто как возможность для расширения торговли и увеличения прибыли, но и как явление, имеющее более глубокое моральное измерение. И в-пятых, нужно воспитывать внутреннюю политическую культуру, которая даст четкое представление о многоплановой

ответственности, которой сопровождается глобальная взаимозависимость.

Необходимое глобальное лидерство может быть выработано только в результате сознательных, стратегически осмысленных и требующих больших интеллектуальных затрат усилий со стороны того, кого американский народ изберет своим президентом. Президент должен не просто будоражить американский народ, он должен просвещать его. Политического просвещения и большей демократии нельзя добиться одними лозунгами, разжиганием страхов или самодовольства. Любой политик испытывает подобное искушение, и следование этому курсу приносит свои политические выгоды. Но непрерывные разговоры о терроризме искажают представление общества о мире. Они создают риск защитной самоизоляции, мешают обществу получить реалистическое представление о сложности мира и усугубляют раздробленность стратегической ориентации нации. В долгосрочном плане Америка сможет осуществлять стратегическое лидерство только при наличии более глубокого понимания обществом взаимной зависимости между национальной безопасностью США и глобальной безопасностью, так же как и бремени, которое налагают глобальное верховенство и связанная с этим необходимость создания стойких демократических альянсов, направленных на преодоление глобальных беспорядков.

275

Стоящий перед Америкой великий стратегический выбор дает основание для нескольких важных выводов. Самым главным является признание критической важности взаимовыгодного и постоянно укрепляющегося американо-европейского глобального партнерства. Взаимовыгодный, хотя все еще асимметричный, Атлантический союз, способный действовать в глобальном масштабе, несомненно, отвечает интересам обеих сторон. С таким союзом Америка становится сверхдержавой-плюс, а Европа может последовательно объединяться. Америка без Европы все еще будет обладать подавляющим преимуществом,

но она не будет глобально всемогущей, в то время как Европа без Америки будет оставаться богатой, но бессильной. Некоторые европейские страны и лидеры могут поддасться искушению сплотиться на антиамериканской или, скорее, на антиатлантической основе, но от этого в конечном счете проиграют и Америка, и Европа. В качестве сверхдержавы-минус Америка будет вынуждена пойти на гораздо большие затраты для осуществления своего глобального лидерства, а шансы на объединение Европы значительно уменьшатся, поскольку антиатлантическая платформа не сможет привлечь на свою сторону большинство стран Евросоюза и тех, кто хотел бы вступить в этот союз.

Только совместная работа по обеим сторонам Атлантики даст возможность выработать подлинно глобальный подход, который позволит существенно улучшить обстановку в мире. Для достижения этого Европа должна выйти из своего нынешнего состояния спячки, понять, что ее безопасность в гораздо большей степени зависит от обстановки в мире, чем безопасность Америки, и сделать из этого неизбежные практические выводы. Без Америки она никогда не будет чувствовать себя в безопасности, она не сможет объединиться вопреки Америке, она даже не сможет сколько-нибудь существенно влиять на Америку, если не будет готова действовать вместе с Америкой. Еще достаточно продолжительное время «автономная» военно-политическая роль Европы за пределами Европейского континента, о которой так много говорят в последнее время, будет оставаться весьма ограниченной, потому что лозунги Европы на этот счет намного опережают ее готовность платить за эту роль.

В то же время Америка должна удержаться от искушения разделить своего самого важного стратегического партнера. Нет Европы «старой» или «новой». Это тоже только лозунг без какой-либо географического или исторического содержания.

Америке, наоборот, это может принести ей только пользу, поскольку увеличивает вес Атлантического сообщества. Политика *divide et impera**, даже если она представляется привлекательной в тактическом плане для сведения счетов, в итоге окажется близорукой и приводящей к противоположным результатам.

Надо также учитывать, что в реальности Атлантический союз не может быть строго паритетным - 50 на 50 - партнерством. Сама идея такого тщательно выверенного равенства является политическим мифом. Даже в бизнесе, где акции могут быть строго поделены в соотношении 50 на 50, такая схема не работает. Более молодая в демографическом отношении, более энергичная и политически единая Америка не может быть полностью состыкована в политическом и военном плане с более разнообразной по своему составу Европой, состоящей из государств солидного возраста, которые объединяются, но еще далеко не едины. Тем не менее каждая сторона Атлантики имеет то, в чем нуждается другая. Америка еще какое-то время остается высшим гарантом—глобальной безопасности, даже если Европа постепенно будет наращивать свой пока незначительный военный потенциал. Европа может дополнить американскую военную мощь, в то время как объединенные экономические ресурсы США и Евросоюза делают Атлантическое сообщество глобально всемогущим.

Таким образом, единственным вариантом является не европейский партнер в той же весовой категории и тем более не противовес, а европейский партнер, обладающий реальным весом в процессе выработки и реализации общей глобальной политики. Оказание этого критически важного влияния, даже если это не связано со строго паритетным участием в процессе принятия решений, требует от обеих сторон готовности действовать вместе, когда в этом появляется необходимость. Это также означает, что когда возникает потребность в таких действиях, то сторона, обладающая большими возможностями для действий или в большей степени заинтересованная в конечном результате, должна иметь решающее слово. Американское вер-

ховенство не должно пониматься как предполагающее автоматическое подчинение Европы, и партнерство не следует понимать как полный паралич при отсутствии первоначального согласия. Обе стороны должны развивать дух взаимных

* *Divide et impera* (лат.) - разделяй и властвуй. - *Прим. пер.*

277

уступок, вырабатывать общие стратегические перспективы, создавать новые атлантические механизмы для устойчивого глобального политического планирования⁴.

Экономическое объединение Европы будет опережать ее политическое объединение, но уже сейчас можно рассмотреть некоторые меры, направленные на реструктуризацию процесса принятия решений в НАТО, для того чтобы учесть складывающийся политический облик Евросоюза. По мере того как отдельные элементы структур Евросоюза будут становиться частью ткани европейского общества, начнет формироваться и общая политическая ориентация Европы. Учитывая, что подавляющее большинство стран - членов НАТО также входит в Евросоюз, процедуры альянса должны отражать тот факт, что он во все меньшей степени становится объединением 26 государств-наций (одни из них сильнее, другие слабее), а в большей степени - североамерикано-европейской структурой. Игнорирование этого обстоятельства будет лишь играть на руку тем, кто выступает за создание самостоятельной и дублирующей европейской военной структуры.

Представляется вполне своевременным созыв трансатлантической конференции для обсуждения перспектив этой нарождающейся реальности. Она должна рассмотреть не только долгосрочную стратегическую программу действий для обновленного и, возможно, реструктуризированного альянса, но также и более широкие последствия того факта, что Америка вместе с Европой становятся действительно всемогущими. Из этого вытекает обязательство Европы более предметно участвовать в обеспечении глобальной безопасности. Горизонты европейской безопасности больше не

могут ограничиваться границами континента и его периферией. НАТО уже присутствует в Афганистане, а также косвенно в Ираке, а вскоре, возможно, будет присутствовать и на израильско-палестинской границе. В конечном счете стратегические интересы НАТО будут охватывать всю Евразию.

Прочный трансатлантический альянс США и Евросоюза, основанный на общем видении глобальных перспектив, должен опираться на такое же общее стратегическое понимание характера нашей эпохи, главной угрозы миру, роли и миссии Запада в целом. Это требует серьезного и глубокого диалога, а не взаимных упреков, часто связанных с надуманными представлениями о том, что Америка и Европа дрейфуют в диаметрально противоположных направлениях. Истина заключается в том, что Запад в целом может дать миру очень много, но

278

осуществить это можно лишь в том случае, если у него будет единое представление об этом. Сегодня Запад не испытывает недостатка в военной мощи (у Америки она в избытке) или в финансовых ресурсах (в этом Европа может сравниться с Америкой). Дело, скорее, в способности выйти за пределы узкого круга собственных забот и интересов. В момент, когда человечество стоит перед лицом беспрецедентных вызовов с точки зрения безопасности и благосостояния, лидеры Запада в интеллектуальном плане нередко оказываются бесплодными. Осознанная стратегическая дискуссия может пробудить необходимый дух политического новаторства.

Во всяком случае, если такой генеральный пересмотр стратегических концепций окажется неосуществимым, трансатлантический альянс должен сосредоточиться на конкретных проблемах. В Европе это касается устойчивых и взаимодополняющих процессов расширения Евросоюза и НАТО. Это расширение сейчас вступает в свою третью фазу. Первая - варшавская фаза - была связана с непосредственными геостратегическими последствиями «холодной войны» и предусматривала быстрое принятие в НАТО Польши, Чехии и Венгрии; вторая - вильнюсская фаза - была связана

с почти одновременным и географически совпадающим решением о расширении НАТО и Евросоюза за счет, соответственно, семи и десяти новых государств; следующий (киевский?) раунд может быть обращен дальше на восток, на Украину и, возможно, на Кавказ, а вероятно даже, в конечном счете и на принятие в НАТО России.

За пределами собственно Европы большой интерес для Америки представляет регион Ближнего Востока, который также беспокоит Европу. План «дорожная карта» для палестино-израильского мирного урегулирования, во многом зависящий от настойчивых и совместных усилий Америки и Европы, не отделим от «дорожной карты» возрождения Ирака как стабильного, независимого, идущего по пути демократизации государства. Без того и другого мир в регионе невозможен. Совместные действия США и Евросоюза будут также способствовать более эффективному проведению курса на избежание лобового столкновения между Западом и исламом, в поощрении позитивных тенденций в мусульманском мире, которые в конечном счете ведут к его включению в современный и демократический мир.

Однако согласованное движение к достижению этой общей цели требует глубокого понимания различных течений внутри ислама, и в этом у Европы есть определенное преимущество

279

перед Америкой. Кроме того, забота Америки о безопасности *Израиля* уравновешивается симпатиями европейцев к бедственному положению палестинцев. Без полного учета той и другой озабоченности мирное разрешение израильско-палестинского конфликта невозможно⁵. Мирный исход этого конфликта, в свою очередь, будет способствовать необходимому и давно назревшему преобразованию соседних арабских обществ, снижению антиамериканской враждебности. Нежелание нескольких американских администраций попытаться решить эту проблему явилось одним из факторов, способствовавших росту экстремизма в этом регионе.

Америке также предстоит сыграть уникальную роль в развитии демократии в арабском мире. На протяжении более двух веков Америка была колыбелью свободы, центром притяжения тех, кто хотел жить в условиях свободы. Она также была источником вдохновения для тех, кто стремился сделать свою собственную страну такой же свободной, как Америка. В период «холодной войны» только Америка четко провозгласила через радио «Свободная Европа», что она отказывается признать как окончательное подчинение Центральной Европы контролю из Москвы. Именно Америка при президенте Картере выступила в защиту прав человека и тем самым идеологически поставила Советский Союз в положение обороняющегося. Америка, таким образом, не стремилась навязать другим свою политическую культуру, она пропагандировала общие чаяния.

Об этом важно вспомнить именно теперь, когда доминирующая в глобальном масштабе Америка заявляет о своей решимости демократизировать мусульманские страны. Цель это благородная и практичная в том смысле, что распространение демократии способствует укреплению мира. При этом, однако, важно не забывать главного урока истории: любое справедливое дело в руках фанатиков превращается в свою противоположность. Так случилось с религией в Средние века, когда религиозное рвение превратило проникнутую состраданием и кротостью религию в кошмар инквизиции. То же самое случилось в более близкие нам времена, когда олицетворением «свободы, равенства и братства» Французской революции стала гильотина. Ушедший век принес человечеству неслыханные страдания, когда идеалы социализма выродились в бесчеловечный ленинизм-сталинизм.

Продвижение демократии, если этим заниматься с фанатичным рвением, игнорируя исторические и культурные традиции ислама, также может привести к отрицанию самой

успешно установила демократический режим в Германии и Японии, не учитывает исторически важных фактов. Можно назвать только два из них: в 2003 году в Берлине торжественно отметили столетие победы германской Социалистической партии на муниципальных выборах, не где-нибудь, а в столице имперской Германии. Американские реформы в Японии получили общественное признание, потому что их открыто поддержал император Японии. В обоих случаях социальная база позволила Соединенным Штатам после Второй мировой войны ввести там демократическое устройство.

Некоторые предпосылки в этом же плане, хотя и более ограниченные, есть и на Ближнем Востоке, но их реализация потребует исторического терпения и такта. Опыт нескольких исламских стран, расположенных на периферии Запада - особенно Турции, а также Марокко и (несмотря на фундаменталистский привкус) Ирана - наводит на мысль, что, когда демократизация является результатом органичного развития, а не догматического навязывания со стороны чуждой силы, исламское общество постепенно осваивает и принимает политическую культуру демократии.

Учитывая возросшую роль Америки в политической жизни арабского Ближнего Востока после оккупации Ирака, важно, чтобы творцы американской внешней политики не пошли на поводу у доктринерски настроенных и нетерпеливых сторонников навязываемой извне демократизации, можно сказать, «демократизации сверху». Злоупотребление лозунгами на этот счет во многих случаях может отражать неуважение традиций ислама. У других это может быть просто тактическим приемом, который используется в надежде, что акцент на демократизации позволит снизить политическое давление на арабов и израильтян и даст им возможность уйти от компромисса, необходимого для мирного урегулирования. Каковы бы ни были эти мотивы, остается фактом, что подлинная и жизнеспособная демократия успешнее развивается в условиях, которые приводят к постепенным спонтанным переменам, без спешки и принуждения. Первый из названных подходов может реально изменить

политическую культуру, а второй может лишь навязать некую политическую корректность, которая по своей природе будет недолговечной.

Стратегический диапазон Атлантической повестки простирается в восточном направлении за пределы Ближнего Востока. Новые Мировые Балканы - дуга кризиса от Персидского залива

281

до Малаккского пролива - станет менее взрывоопасной, если ресурсы трех наиболее процветающих регионов мира - политически энергичной Америки, экономически объединяющейся Европы и коммерчески динамичной Восточной Азии - будут согласованно использованы для совместного противодействия угрозам безопасности, которые создаются волнениями в этом обширном регионе. Эта угроза усугубляется наличием ядерного оружия у двух враждующих соседних государств - Индии и Пакистана, в каждом из которых существует и серьезная внутренняя напряженность. Америка и Европа должны вместе добиваться от Японии и особенно от Китая их более тесного участия в совместных усилиях по сдерживанию тенденций распада. Учитывая, что оба эти государства уже в большой степени зависят от поступления энергоносителей из Персидского залива и Центральной Азии - и эта зависимость постоянно растет, - они не могут стоять в стороне от общих проблем, существующих в этом подверженном насилию регионе, который для одной Америки может стать зыбучими песками.

Америка уже существенно расширила свои военные обязательства в Европе. В военном отношении она постоянно присутствует в Афганистане и некоторых новых независимых государствах Центральной Азии. Принимая во внимание расширяющуюся коммерческую активность Китая в Центральной Азии, зоне, которая до последнего времени находилась под исключительным влиянием России, необходимость более широкого международного сотрудничества для противодействия местным дестабилизирующим тенденциям становится все более актуальной. Надо

добиваться от Японии и Китая конкретного участия в политической и социальной стабилизации этого региона.

Глобальная стабильность также будет зависеть от того, как динамика соотношения сил на Дальнем Востоке будет влиять на взаимоотношения Америки, Японии и Китая. Соединенные Штаты должны позаботиться о том, чтобы трансформировать складывающееся равновесие между США, Японией и Китаем в структурированные отношения безопасности. Геополитически Азия чем-то напоминает Европу до Первой мировой войны. Америке удалось стабилизировать Европу, но перед ней маячит перспектива потенциального структурного кризиса в Азии, где все еще соперничают несколько крупных держав, хотя этот процесс сдерживается стратегическим присутствием США на периферии этого региона. В основе такого присутствия лежат американо-японские отношения, но рост регионального влияния

282

Китая и непредсказуемость Северной Кореи требуют более активной политики США по развитию системы как минимум трехсторонних отношений безопасности. Как уже отмечалось, такое трехстороннее равновесие будет устойчивым, оно потребует более активного участия в международных делах Японии и постепенно будет играть более значительную роль в военном плане.

Создание этого равновесия может, в свою очередь, потребовать создания трансевразийской многосторонней структуры безопасности для реагирования на это новое измерение глобальной безопасности. Если не удастся хотя бы де-факто вовлечь Китай и Японию в общую структуру обеспечения безопасности, это в конечном счете может вызвать опасный тектонический сдвиг, возможно, включающий одностороннюю ремилитаризацию Японии, уже обладающей потенциалом для того, чтобы в очень короткий срок стать ядерной державой. Это еще больше усугубит угрозу стремления Северной Кореи к созданию собственного ядерного арсенала. Необходимость коллективной реакции на действия Северной Кореи лишь

подчеркивает общий принцип: только поддерживаемая союзниками и партнерами американская гегемония может эффективно противодействовать все более интенсивному распространению оружия массового поражения, идет ли речь об отдельных государствах или об экстремистских организациях.

Америка должна решать эти дилеммы в контексте исторического по своему значению взаимодействия между американской глобальной мощью и глобальной взаимозависимостью в век мгновенной связи. Главной дилеммой Америки будет нахождение правильного баланса между существующей односторонней гегемонией и складывающимся мировым сообществом, с одной стороны, и демократическими ценностями и обязанностями, вытекающими из глобальной мощи, - с другой. Глобализация, за которую выступает Америка, может помочь смягчить глобальные беспорядки - при условии, что она не ухудшит, а улучшит положение беднейших стран и будет руководствоваться не только собственными экономическими, но и гуманитарными интересами. Позиция США в отношении многосторонних обязательств, особенно тех, которые не совпадают с более узкими и односторонними американскими целями, является показателем ее готовности к глобализации, действительно способствующей развитию равноправной взаимозависимости, в отличие от неравной зависимости⁶. Позиция США в отношении многосторонних обязательств в последние годы

283

создала широко распространенное впечатление, что создание равных условий для всех членов мирового сообщества не относится к числу приоритетов Америки.

Америка должна более тонко чувствовать риск того, что ее отождествление с несправедливой моделью глобализации может вызвать мировую реакцию, ведущую к появлению нового антиамериканского кредо. В наш век глобального политического пробуждения социальных страстей и фанатичной ненависти безопасность зависит не только от военной мощи. В

долгосрочном плане непосредственное влияние на нее будет оказывать и то, как Америка определит и будет проводить в жизнь политику глобализации.

Аналогичным образом Америке следует более вдумчиво относиться к неожиданным политическим последствиям своего уникального культурного воздействия на мир. Глобальная привлекательность американской мощи порождает непредвиденный эффект в виде завышенных ожиданий со стороны жителей различных стран. Они предъявляют к Америке более высокие требования, чем к другим странам, в том числе нередко своим собственным. На самом деле антиамериканизм несет в себе немало признаков разочарования. В результате те, кто разочаровался в Америке, именно в силу слишком больших ожиданий особенно возмущаются тем, что она недостаточно делает для исправления невыносимых условий, в которых они находятся. В итоге культурная привлекательность Америки оборачивается политической дестабилизацией, в то время как Америка стремится укреплять политическую стабильность, исходя из своих долгосрочных стратегических интересов. Таким образом, Америка может получить политические дивиденды от вызванной ею мировой культурной революции только в том случае, если она сделает ставку на действительно общие глобальные интересы.

Поскольку другим критически важным источником глобального образа Америки является магнетическая привлекательность ее демократической системы, американцы должны столь же бережно соблюдать хрупкий баланс между соблюдением гражданских прав и требований национальной безопасности. Это сделать легче, когда войны идут далеко и их издержки социально приемлемы. Но острая реакция общества на преступление 11 сентября, которую, возможно, намеренно подогревали по политическим причинам, может привести к серьезному пересмотру этого баланса. Менталитет осажденной крепости способен отравить любую демократию. То, что сделала

с Израилем вражда в окружающем его регионе, с Америкой может сделать страх, подогреваемый существующей в мире враждебностью.

Отсюда следует, что внутренняя безопасность Америки должна обеспечиваться таким способом, который одновременно укреплял бы ее суверенную мощь и глобальную легитимность этой мощи. Стоит еще раз повторить то, о чем уже говорилось ранее. В настоящее время в Америке развернулась третья в ее истории с момента обретения ею независимости большая дискуссия относительно требований ее национальной обороны. По понятным причинам в центре этой дискуссии стоит вопрос о выживании общества в новой обстановке развития и распространения оружия массового поражения, нарастающих глобальных волнений и усиливающегося страха перед терроризмом.

Америка оказалась в новых исторических условиях, которые характеризуются весьма тонким взаимодействием между ее внутренней безопасностью и общей обстановкой в мире. Принимая во внимание ее роль в обеспечении глобальной безопасности и ее исключительную глобальную вездесущность, Америка вправе требовать для себя большей безопасности, чем другие страны. Ей нужна сила, которую можно с решимостью применять в глобальном масштабе. Она должна укреплять свою разведку (а не тратить огромные ресурсы на содержание бюрократического аппарата внутренней безопасности) так, чтобы можно было упреждать угрозы Америке. Она должна сохранять всеобъемлющее технологическое преимущество в отношении всех своих соперников в стратегических и обычных вооруженных силах. Но она также должна определять свою безопасность в таких категориях, которые отвечали бы интересам других. Эта многоплановая задача может решаться более успешно, если мир поймет, что траектория большой американской стратегии ведет в направлении глобального сообщества взаимных интересов.

Крепость на вершине холма может стоять в одиночестве, бросая тень на все, что находится ниже. В таком качестве Америка может быть только

объектом глобальной ненависти. В отличие от этого, город на вершине холма может освещать мир надеждой на прогресс человечества, но только в такой среде, где прогресс одновременно является точкой сосредоточения общих надежд и реальностью, достижимой всеми. «Не может укрыться город, стоящий на верху горы... Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела....»⁷. Так пусть Америка светит.

285

¹ Дополнительные сложности вызывает официальное определение терроризма, которым руководствуются Соединенные Штаты. Подчеркивая, что терроризм представляет собой насильственные действия, направленные против невинного гражданского населения со стороны стоящих вне закона частных группировок и предпринимаемые для достижения политических целей, оно снимает ответственность за государственный терроризм, примером которого являются массированные российские бомбардировки в Чечне и «зачистки», призванные запугать чеченское население, а также другие государства, которые в целях борьбы с терроризмом произвольно используют силу против гражданского населения.

² *Bender P. America: The New Roman Empire? // Orbis. - Winter 2003. - P. 155.*

³ Масштабы вовлеченности Америки в этот процесс не очень хорошо известны американской общественности. За первые 150 лет своего существования, с 1789 по 1939 год, США заключили 799 формальных договоров и 1182 соглашения по линии исполнительной власти. В промежутке между 1939 и 1999 годами, то есть только за последние 60 лет, США заключили 951 договор и 14 555 соглашений на уровне исполнительной власти. См.: *Treaties and Other International Agreements: The Role of the United States Senate // Congressional Research Service. - 2001. - Jan. - S. Prt. 106-71.*

⁴ Многие европейцы относятся к этому вполне реалистически. Например, очень сильную аргументацию в пользу возрождения

атлантического альянса сделал Лоран Коэн-Таньюи: *Les Sentinelles de la Liberte: L'Europe et L'Amerique a seuil de XXI siecle.* - Paris: Jacob, 2003.

⁵ Когда данная книга уже была в типографии, отсутствие глобальной поддержки усиливающегося израильского акцента в политике США было наглядно продемонстрировано «сухим счетом» при голосовании 19 сентября 2003 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «О незаконной деятельности Израиля на оккупированной палестинской территории». Поддержали резолюцию 153 делегата, «против» проголосовали 4 и 15 воздержались. Четверо голосовавших «против» были: Соединенные Штаты, Израиль, Микронезия и Маршалловы Острова. Все ближайшие союзники США в Европе (в том числе Великобритания) и в Азии голосовали за эту резолюцию. Среди них были Индия, Россия, Бразилия и многие другие.

⁶ Некоторые возражения США против отдельных международных соглашений могут быть обоснованы, но список соглашений, отвергнутых США за последние годы, символичен и вызывает тревогу: Киотский протокол о контроле климата, Соглашение о Международном уголовном суде, Конвенция о правах ребенка (возражения США поддержало только Сомали), проект протокола о создании механизма по контролю за соблюдением запрета биологического оружия, договор о ПРО, договор о запрете мин и т.п.

Евангелие от Матфея. — Гл. 5. — стих 14—16.

Благодарности

Я хотел бы выразить сврю признательность двум учреждениям и нескольким близким сотрудникам, которые помогли мне сделать эту книгу реальностью.

На протяжении более чем двух десятилетий Центр стратегических и международных исследований (CSIS) предоставлял мне глобально ориентированную политическую среду, в которой обсуждение большой стратегии США- является повседневным делом для необычайно хорошо информированных и обладающих уникальным опытом коллег. Это

действительно стратегический центр Вашингтона.

Я также получил очень много полезного от своих связей со Школой продвинутых международных исследований (SAIS) университета Джонса Гопкинса. Его исключительно одаренный преподавательский состав, а также штатные и иностранные научные сотрудники регулярно присоединялись ко мне в проводившихся раз в два месяца обзорах текущих внешнеполитических проблем, в ходе которых я проверял некоторые аргументы, приводимые в данной книге.

Мой административный помощник Труды Вернер организует работу офиса CSIS. Она работала со мной в Белом доме, а ранее в Трехсторонней комиссии, а также в CSIS с 1981 года. Я полагаюсь на нее в серьезных и менее серьезных вопросах и знаю ее надежность. Она привносит порядок и плановость в мое часто беспорядочное расписание. Без нее я стал бы жертвой хаоса - гораздо более масштабного, чем тот, о котором говорится в этой книге, считая его главной угрозой глобальной стабильности.

Два ассистента-исследователя существенно помогли мне упорядочить несколько логических линий, которые я развиваю в этом моем личном определении роли Америки в мире. Скотт Линдсей присутствовал при формировании замысла, а Никхил Пейтел - при его реализации. Первоначальные исследователь-

286

287

ские меморандумы Скотта восполнили основные пробелы в моем знании, а Никхил был очень полезен своей весьма конструктивной критикой и важными дополнениями во время тщательной проработки всей рукописи. Они оба систематически информировали меня о развитии текущих событий в мире, готовили базовые справки по затронутым в книге темам и помогали мне расширить горизонты. Их преданность делу была выше всяких похвал, и они оказали мне просто неоценимую помощь.

Мой редактор в издательстве «Бейзик букс» Уильям Фракт правил

книгу на заключительной стадии работы. Он был идеальным редактором, оттачивал аргументы, делал изложение более связным и элегантным, не меняя ее содержания. Он также сыграл важную роль в выборе окончательного названия книги.

Как всегда, моя жена была неутомима в своей критике, но по-настоящему поддерживала меня. Ее главную роль трудно определить конкретно, но она, пожалуй, точнее всего выражена подзаголовком книги!

Збигнев Бжезинский

ВЫБОР

МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО ИЛИ ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

Редактор *О.В. Чхикбишбили*

Оформление художника *В.П. Григорьева*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректор КС. *Чигринова* Компьютерная верстка *Е.В. Мельниковой*

Подписано в печать 30.07.2004 Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная

Гарнитура «Тайме». Печать офсетная

Усл*печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,07

Изд. № 53/2004. Тираж 10 000 (2-й завод 5001-10000 экз.)

Цена договорная. Заказ № 6327

Издательство «Международные отношения»

107078, Москва, ул. Садовая-Спасская, 20

Тел. отдела реализации: 975-30-09

E-mail: info@inter-rel.ru

Сайт: www.inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета

издательства «Международные отношения»

во ФГУП Издательско-полиграфический комплекс

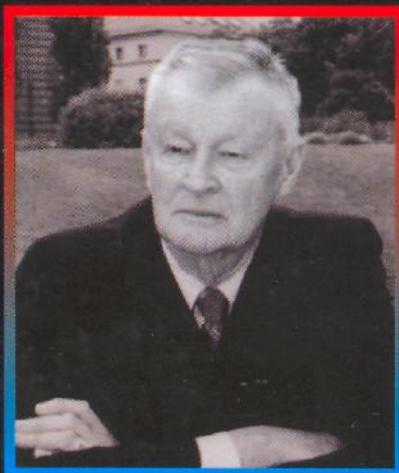
«Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Тел. (842-2)41-15-41

Факс 41-11-32

ISBN 5-7133-1196-1

Збигнев Бжезинский — выдающийся американский политолог и государственный деятель. Родился в Польше в 1928 году. С 1938 года проживает в США. Профессор нескольких университетов. В 1977—1981 годах занимал должность помощника президента по национальной безопасности в правительстве президента Картера. Автор глобальной стратегии антикоммунизма (70-е годы) и теории технотронной эры, в которую вступила Америка. Теория является разновидностью концепции постиндустриального общества. В 1997 году Бжезинский опубликовал книгу «Великая шахматная доска», которая стала мировым бестселлером. Наше издательство опубликовало перевод этой книги на русский язык.

СГ "Новый Книжный"

Выбор Мировое господство или глобальное лидерство

код 2034985
ном 133010

9 785713 311964

ЦЕНА / 198.00 тбк732